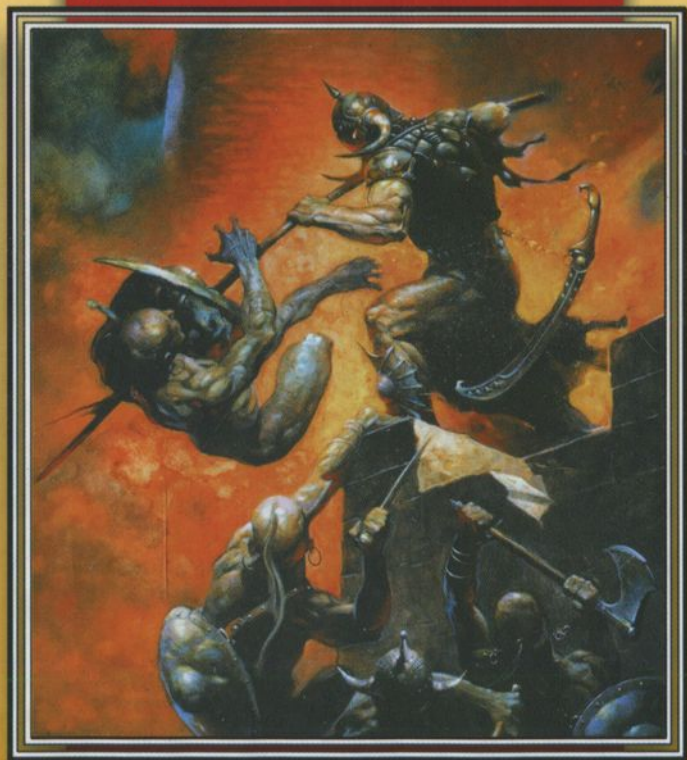

Джек ВЭНС

ЛЮДИ И
ДРАКОНЫ

J. Vance

**MAN
& DRAGONS**

New York
DAW
1969

Дж. Вэнс

ЛЮДИ И ДРАКОНЫ

Санкт-Петербург
«Издательский Дом „Нева“»
Москва
Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
2001

ББК 84.Р7 (2 Рос-Рус)6
В 97

Исключительное право публикации книги принадлежит «Издательскому Дому „Нева“». Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

*В оформлении использованы работы
Франка Фразетты*

В 97 Дж. Вэнс
Люди и драконы. — М.: «ОЛМА-ПРЕСС»; СПб.: «Издательский Дом „Нева“», 2001. — 383 с. («Имена ЗФ»).

ISBN 5-7654-1214-9
ISBN 5-224-01795-2

ББК 84.Р7 (2Рос-Рус) 6

ISBN 5-7654-1214-9
ISBN 5-224-01795-2

© «Издательский Дом „Нева“», 2001
© «ОЛМА-ПРЕСС», 2001
© И. Гречин, А. Лидин,
Г. Корчагин, перевод, 2001

Миры Джека Вэнса

(Библиографический очерк)

— Биография писателя непосредственно связана с его биографией, иначе сложно назвать такого человека писателем.

Р. Шекли

Все дальше и дальше, все страньше и страньше.

Л. Кэрл

Американский писатель Джек Вэнс (настоящее имя Джон Холбрук Вэнс) родился в 1916 году в Сан-Франциско (штат Калифорния), учился вначале на горного инженера, потом на физика и наконец на журналиста в калифорнийском университете (в Беркли). Однако он так и не получил ни одного диплома. Во время второй мировой войны Джэк Вэнс служил матросом в Торговом флоте США. Дважды корабли, на которых служил Вэнс, были торпедированы, и будущий писатель остался в живых только чудом.

Именно в это время, находясь в плавании, он «от скуки» (по его собственному признанию) написал свой первый рассказ «Мыслитель мира», который был опубликован в 1945 году. В конце сороковых и начале пятидесятых Джек Вэнс опубликовал более десяти научно-фантастических рассказов в дешевых журналах «Стартлинг сторис» и «Триллинг Вондер сторис». Один раз он даже использовал псевдоним Джон Холбрук. Все эти рассказы, относящиеся по жанру к «космической опере», в дальнейшем объединенные одним героем Магнусом Рудолфом, вышли отдельной книгой в 1966 году, и потом неоднократно переиздавались. Однако критики заметили Джека Вэнса лишь после того, как вышла первая его книга «Умирающая земля».

Во многом «Умирающая земля» являлась подражанием Кларку Эштону Смигу — одному из классиков фэнтези, писавшему в двадцатые и тридцатые годы. Но волшебный, красочный мир Вэнса был пропитан черным юмором, свойствен-

ным поколению пятидесятых. Загнивающее декадентское общество далекого будущего, возродившее магию, породило и соответствующих героев — лживых, циничных, вероломных.

В дальнейшем Джек Вэнс не раз возвращался на «Умирающую землю», написав множество повестей и романов, по большей части объединенных лишь местом действия, а не героями: «Глаза чужого мира» (1966), «Моррейн: рассказ об умирающей Земле» (1973), «Сумка, полная снов» (1979), «Семнадцать дев» (1974), «Сага о Кугеле» (1983), «Риальто Великолепный» (1984). Несколько историй об «Умирающей земле» создал ученик и соратник Вэнса — Майкл О'Ши. Кроме того, Джек Вэнс разрешил написать несколько новелл на эту тему и другим авторам («Базелис» К. Черри (1974) и «Поиски Симбилиса» Джанет Е. Моррис (1974)), но эти опыты оказались неудачными. Многие авторы создавали миры, в чем-то похожие на Умирающую землю Джека Вэнса. Из наиболее удачных подражаний можно назвать «Танцоров во времени» Майкла Муркока и «Палача» Джина Вульфа.

Особенно удачной из книг про «Умирающую землю» можно считать дилогию «Глаза другого мира» (на самом деле это серия новелл, объединенных одним героем — Кугелем Разумником, который путешествует по различным странам «Умирающей земли») и «Сага о Кугеле» или как ее иногда называют критики «Второе путешествие Кугеля». Циничный вор Кугель, забравшийся в дом Смеющегося мага, оказывается пойман с поличным, и волшебник (тоже весьма злобное и циничное создание) отправляет Кугеля на другой конец мира за волшебным артефактом, причем, чтобы Кугель «не сбился с пути или чего хуже, не надумал удрать», Смеющийся маг подсаживает в брюшную полость героя злобное создание, которое, стоит только Кугелю чуть отклониться от предполагаемого маршрута, начинает терзать плоть вора-неудачника. Отметим, что несмотря на типично «фэнтезийный» сюжет, на поверку роман оказывается настоящим научно-фантастическим произведением.

Тот же прием смещения жесткой научной фантастики и низмизма использовал Вэнс в другом своем произведении — повести «Большая планета» (1952), многократно издававшейся как на английском, так и на русском языке. Путешественники, волею

случая оказавшиеся на просторах гигантской планеты, вынуждены совершить долгое странствие, во время которого они сталкиваются с удивительными обитателями этого мира. Сама планета подобна земле, но размер ее суши во много раз больше; заселена «Большая планета» потомками звездоплавателей-землян, которые за многие столетия деградировали, утратив большую часть знаний земной цивилизации, и образовали несколько разнообразных социальных групп. Много позже Вэнс написал роман, действие которого разворачивалось на той же планете — «Мир плавучих театров» (1975). По бескрайней реке двигались огромные суда-театры с труппами бродячих актеров. Жизнь персонажей романа наполнена интригами между владельцами театров, приключениями, порожденными любовью и предательством — иначе говоря, всем тем, что принято описывать в произведениях жанра приключенческой фантастики. Однако особенно забавно то, что Джек Вэнс и здесь иронизирует. Одна из бродячих трупп, отыскав древний текст шекспировского «Макбета», готовит постановки, но всякий раз переделывает текст, сообразно нравам и обычаям того городка, где артистам предстоит выступить.

В сходном ключе были написаны и другие повести Джека Вэнса того периода: «Сын дерева» (1952), «Рабы Клаи» (1952) — текст этой повести в дальнейшем был сильно переработан автором, и в 1982 году эта повесть вышла под названием «Золото и Железо» и «Дома Исзма» (1954). Далекий космос, отважные, но циничные герои, странные обычаи иных цивилизаций — все это типичные «космические оперы», которые в начале пятидесятых укрепили за Вэнсом славу автора «добротной» фантастики.

Чуть в стороне от общего потока оказался роман «Жизнь навсегда» (1956). Джек Вэнс попытался создать утопию, пойти по стопам Орвелла и Замятина, однако даже он сам вынужден был признать, что ничего путного из этого не получилось. Персонажи, лишённые типичного для героев Вэнса цинизма, оказались плоскими марионетками, диалоги зазвучали уныло, а само повествование стало безмерно скучным.

Понимая, что необходимо что-то новое, какой-то новый экстраординарный подход к повествованию, Джек Вэнс напи-

сал несколько повестей о далеком будущем человечества: «Создатели миражей» (1958), «Хозяева драконов» (1963), «Последний замок» (1966). Эти повести, две из которых представлены в данном сборнике, вознесли Джека Вэнса на вершину литературного Олимпа. За «Хозяев драконов» в 1963 году он получил самую престижную премию «Хьюго», а за повесть «Последний замок» — премии «Хьюго» и «Небьюла». Кроме того в 1984 году он был награжден «Всемирной премией фэнтези» как автор именно этих произведений.

На фоне популярной в фантастике начала шестидесятых «Новой волны» повести Джека Вэнса отличались оригинальностью языка (особенно «Последний замок»), и в то же время несли в себе элементы привычной для читателя классической фантастики.

В дальнейшем Джек Вэнс, продолжая создавать приключенческо-фантастические произведения с элементами «Новой волны», старался поместить в повествование некие общественно-утопические идеи, часто делая обширные экскурсы в социологию. Порой он предлагал совершенно необычные решения самых разнообразных социальных проблем. Например, в романе «Языки Пао» (1958) коренные обитатели райской планеты, оказавшиеся под гнетом инопланетных захватчиков, восстанавливают собственную свободу с помощью родных языка и культуры. А в романе «Космическая опера» (1965) музыка превратилась в способ общения между различными разумными существами.

С начала шестидесятых Джек Вэнс параллельно с культурными произведениями фантастики работает и над несколькими сериалами. Наиболее известные из них «Принцы-демоны» (1963—1981) и «Планета приключений» (1968—1970).

Пять принцев-демонов — короли преступного мира межзвездной империи устраивают пиратский рейд на сельскохозяйственную планету. В результате этого гибнут родители главного героя. Однако это происходит задолго до начала повествования. Став взрослым, мальчик-сирота превращается в безжалостного мстителя, который клянется уничтожить убийц своих родителей. Принцев-демонов пятеро — и Джек Вэнс пишет пять романов, в каждом из которых гибнет один из негодяев. Почти перед каждой главой даны статьи из различ-

ных придуманных автором энциклопедий, которые посвящены географии, экологии и социологии миров далекого будущего. Автор знакомит вас с сотнями миров, обладающих удивительной природой и социологией.

Серия «Планета приключений» менее своеобразна.

Земляне, получив сигнал SOS, посылают первую межзвездную экспедицию. Оказавшись на орбите неведомой планеты, земной звездолет взрывается, и главный герой — единственный спасшийся из всех астронавтов, — попадает в чужой мир. Вскоре выясняется, что на Тскей обитают самые разнообразные племена различных гуманоидов, а сам Тскей своего рода перевалочная база для четырех различных рас. Кроме того, на Тскей обитают и люди, непонятно каким образом перенесенные на эту планету. Каждое из человеческих племен пытается подстроиться под ту инопланетную расу, в сообществе с которой они живут. Этот симбиоз часто принимает самые уродливые формы, и порой люди-слуги оказываются много хуже инопланетян. Те же племена людей, что не находятся в услужении, деградировали до средневекового уровня. Поединки, любовные приключения, предательства — всего этого в романах о Тскей предостаточно, однако автор, лишая главного героя присущего прочим персонажам здорового цинизма, делает ироничным его окружение. Чего стоят, например, Люди Эмблемы. Это общество, где каждый мужчина, владея определенной эмблемой, перенимает характер, который подразумевает данная эмблема. Каждый становится участником своеобразной «ролевой игры» и пытается измениться сообразно с тем символом, которым владеет. В один миг, словно по мановению волшебной палочки, скромный юноша превращается в Тразу-Сверхсамца, однако, не готовый к данной роли, он совершает одну нелепость за другой... Порой у читателя возникает ощущение, что он попал в некий мир комикса. Естественно, в конце четвертой книги серии «Пнум» (1970), Адам Рит — главный герой, отправляется на Землю в сопровождении любимой девушки.

Другие серии Вэнса, написанные в семидесятые — трилогия «Аластор» и трилогия «Дурдейн», оказались менее популярны, во многом являясь упрощенными клонами: в первом случае — «Звездного короля», во втором — «Планеты приключений».

Забавно, но уже в конце девяностых одна из ведущих фирм, предложила Джеку Вэнсу контракт, на создание компьютерной стратегической игры по мотивам «Планеты приключений». Однако Вэнс отказался, заявив, что не хочет «превращать свои книги в игрушки для даунов»...

Во многом зачарованный успехом «Геликонии» Брайна Олдисса, Джек Вэнс в восьмидесятых годах выпускает не менее фундаментальный труд — трилогию «Львица», — историю выдуманной средневековой страны, находившейся, подобно Англии, на нескольких островах на месте нынешнего Ламанша и утонувшей, словно Атлантида. Досконально продуманное повествование снабжено всевозможными комментариями, генеалогическими древами правящих родов, однако читать его смертельно скучно, а объем томов довольно внушительный. И если в ранних произведениях Вэнса изобилие географических названий, описаний всевозможных народов и историй создает ощущение реальности фантастического мира, то в «Львице» оно вызывает скуку, и читатель начинает уже на третьей странице путаться в именах, пытаясь разобраться, кто кому кем приходится и что же все-таки происходит.

Ту же ошибку повторяет автор и в серии «Хроники Кэдвалла» (1987—1992), хотя здесь обилие в художественном тексте отрывков из всевозможных справочников и энциклопедий будущего скорее играет положительную роль. Как и в «Звездном короле», читатель вместе с героями скользит по бескрайней планете Кэдвалл, от одной проблемы к другой, от одного очага странной культуры к другому. Бескрайние просторы, бесконечный мир...

На грани тысячелетий, согласно сведениям журнала «Локус», Джек Вэнс работает над проектом, который окончательно соединит воедино вселенные «Звездных королей», «Алсатора» и «Хроник Кэдвалла».

В рамках серии «Имена ЗФ», мы представляем читателям наиболее классические, звездные повести Джека Вэнса, однако мы надеемся еще не раз вернуться к творчеству Вэнса в рамках этого проекта.

Александр Лидин

ХОЗЯЕВА ДРАКОНОВ

Резиденция Джоаза Банбека, высеченная в самом центре известковой скалы, состояла из пяти комнат, расположенных на четырех этажах. Верхний этаж занимал реликвариум (строгое, мрачное помещение, где хранились трофеи, архивы и реликвии Банбеков) и зал совещаний — длинный, узкий, с белым оштукатуренным потолком и стенами, обшитыми деревянными панелями. Зал тянулся через всю скалу, одним балконом выходя на Долину Банбек, а другим — на Дорогу Кергана. Ниже размещались личные покои Джоаза — гостиная и спальня, еще ниже — кабинет, а на первом этаже находилась мастерская, куда хозяин не пускал никого. Попасть в резиденцию можно было через кабинет — большую комнату в форме буквы «Г», стены его украшали тростниковые занавеси, а на полу лежал ковер с узором из темно-красных ломаных линий, коричневых кругов и черных квадратов. Четыре инкрустированные алыми гранатами люстры свисали с крестового свода. Сейчас здесь было темно, лишь сквозь стеклянные наблюдательные панели, на которые по принципу камеры-обскуры

проецировалась панорама долины, сочился тусклый свет.

Посреди кабинета, то ли прислушиваясь к чему-то, то ли пребывая в глубокой задумчивости, замер худощавый человек с острыми чертами лица, вдоль его спины струились длинные каштановые волосы; он был нагим, если не считать золотого ожерелья на шее. Время от времени человек поглядывал на мраморный глобус, стоящий на ближайшей полке, и тогда его губы шевелились, словно ему на ум приходили какие-то мысли.

В дальнем углу отворилась тяжелая дверь, и в кабинет заглянула миловидная девушка, у нее было веселое, озорное лицо. Она увидела голого человека и обеими руками зажала рот, подавив невольный возглас изумления.

Человек обернулся, но дверь уже захлопнулась. Мгновение он стоял, нахмурившись, затем неторопливо подошел к стене, образующей короткую черточку у буквы «Г», толкнул книжный стеллаж и проскользнул в открывшийся проход. Стеллаж бесшумно встал на место.

Спустившись по винтовой лестнице, обнаженный человек оказался в комнате со стенами из грубо отесанного камня — мастерской Джоаза. Он оглядел разложенные на верстаке инструменты, куски металла, батареи, электрические цепи — все то, чем в последнее время занимался Банбек. Повертел в руках один из приборов. На его лице появилось слегка снисходительное выражение, хотя взгляд оставался по-детски чистым и наивным. Из кабинета доносились еле слышные голоса. Подняв голову, человек некоторое время при-

слушивался, потом залез под верстак, сдвинул каменную плиту пола и, скользнув в образовавшееся отверстие, поставил камень на место. Во мраке едва горели люминесцентные трубки, через неравные интервалы укрепленные вдоль стен тоннеля, который вел в естественную пещеру. Подняв светящийся жезл, обнаженный человек легкой трусцой побежал вперед. Шлейф волос развевался за его спиной.

Наверху, в кабинете, спорили девушка-менестрель по имени Фейд и старший сенешаль.

— Да я собственными глазами его видела, — настаивала Фейд. — Честное слово, один из Жрецов стоял там и... ну, вы уже слышали. — Она в сердцах сжала локоть сенешаля. — Думаете, я сошла с ума? Думаете, я брежу?

Сенешаль Райф в недоумении пожал плечами:

— Здесь никого нет. — Он поднялся по лестнице и заглянул в гостиную. — Пусто. Дверь наверх закрыта. А я, как обычно, караулил у входа.

Он по-совиному повернул голову к девушке.

— Вы спали у входа! — воскликнула та. — Когда я проходила мимо, вы храпели!

— Ошибаешься. Я просто кашлял.

— С закрытыми глазами? Откинув голову?

Райф вновь пожал плечами.

— Неважно, спал я или бодрствовал. Допустим, это существо вошло сюда. Как же оно вышло? Согласись, я проснулся тотчас, как ты закричала.

— Вот и исполняйте свои обязанности, пока я не разыщу Джоаза Банбека.

Фейд сбежала вниз, миновала Птичью Тропу (коридор этот назывался так потому, что его мраморные

стены украшали изображения птиц из ляпис-лазури, золота, киновари, малахита и марказита) и, пройдя между зелеными и серыми спиралевидными колоннами благородного жадеита, вышла к Дороге Кергана — ущелью, в котором лежало селение Банбек.

Остановившись у портала, она окликнула двух мальчишек, игравших в поле:

— Эй! Бегите к инкубатору! Передайте Джоазу Банбеку, что мне надо поговорить с ним. Пусть идет сюда!

Мальчуганы побежали в сторону приземистого цилиндрического строения из черного кирпича, стоящего в миле к северу. Фейд ждала.

В зените ярко светил Скин — ослепительно яркая точка; виковые поля, плантации беллегарда и сфагнума источали ароматные запахи. Фейд прислонилась к перилам. Сейчас она уже сомневалась, так ли неотлагательно было ее сообщение... да и не померещилась ли ей нагой незнакомец? «Нет, — твердо сказала она себе. — Я видела. Видела!» По краям долины вздымались белые склоны Банбекского обрыва, за ним виднелись горы и скалы, а над головой раскинулось темное, испещренное перистыми облаками небо.

Фейд вздохнула, почти убежденная, что ошиблась... Однако как, скажите на милость, ей мог пригрезиться Жрец, если она отродясь не встречала ни одного из них?

Добежав до инкубатора, мальчишки исчезли в облаке пыли, висящей над загонами. Сквозь пыль иногда поблескивала чешуя, — менторы, грумы и оружейники, одетые в черные кожаные костюмы, занимались своим делом. Некоторое время спустя показался сам

Джоаз Банбек; оседлав большого тонконового Паука, он галопом летел к селению. Неуверенность Фейд усилилась. Станет ли Джоаз слушать ее? Не рассердится ли? Девушка с тревогой наблюдала за его приближением.

Фейд родилась в маленькой бесплодной долине на юге. Наставники добросовестно обучали ее, однако, проведя уже целый месяц в селении Банбек, она так и не привыкла к своему положению. Уж очень сильно разнились теория и практика, и это часто сбивало ее с толку. Фейд, например, учили, что мужчины действуют в узких рамках своих немногочисленных привычек, — привычек, общих для них всех. Но поступки Джоаза таких рамок не имели.

Банбек был сравнительно молод, хотя по его внешности трудно было судить о возрасте: бледное лицо аскета, серые блестящие глаза и тонкие, кажущиеся очень подвижными губы. Ходил Джоаз неторопливо, никогда не горячился. С холодным и огнестрельным оружием обращался без особого мастерства, на жесты был скуп, — короче говоря, он, казалось, нарочно не желал вызывать восхищение подданных. И тем не менее им восхищались.

Поначалу Фейд считала его замкнутым и нелюдимым, но со временем поняла, что это просто очень одинокий, скучающий, иногда веселый, чаще мрачный человек. Она перепробовала на Джоазе все тысячу и один известные ей способы заигрывания, и нередко ей казалось, что в его глазах загорается какое-то ответное чувство.

Спешившись и приказав Пауку возвращаться, Джоаз Банбек бросил насмешливый взгляд на девушку:

— Ну, что за спешка? Ты помнишь двенадцатое правило?

Он намекал на то, что Фейд, очевидно, запомнила один из пунктов свода правил. Девушка вспыхнула: ведь как-то раз она сама по простоте душевной рассказала ему, как настойчиво и обстоятельно наставники учили ее этикету!

— Я тихонько приоткрыла дверь в ваш кабинет, — взволнованно затараторила она. — И знаете, кого я там увидела? Жреца — голого с длинными волосами! Меня он не заметил. Я захлопнула дверь и растолкала Райфа. А когда мы вошли внутрь, кабинет был пуст!

Брови Джоаза приподнялись.

— Странно... — Он помолчал, глядя на вершины гор. — А ты уверена, что он тебя не видел?

— Кажется... Но когда я вернулась с этим глупым старикашкой Райфом, его там не было!.. А правда, что Жрецы умеют колдовать?

— Вот уж не знаю.

Они вернулись в резиденцию и по вырубленным в скале коридорам прошли в приемную кабинета. Райф опять дремал за своим столом. Жестом приказав Фейд оставаться на месте, Джоаз распахнул дверь. Ноздри его подрагивали.

Комната была пуста.

Он поднялся наверх, обыскал гостиную, вернулся. «Если не волшебство, значит, потайной ход». Подумав так, Джоаз сдвинул книжный стеллаж, за которым скрывалась винтовая лестница, и спустился в мастерскую. Здесь он принюхался, пытаясь уловить кисловато-сладкий запах, присущий Жрецам. Хотя

какая-нибудь зацепка... Дюйм за дюймом Джоаз обыскал помещение и под верстаком, у самой стены, обнаружил едва заметную трещинку.

Удовлетворенно кивнув, он вернулся в кабинет, чтобы осмотреть книжные полки. Чем тут мог интересоваться незванный гость? Свитки, фолианты, брошюры... Умеют ли Жрецы читать? «Надо бы попытствоваться, когда встречу одного из них, — подумал он рассеянно. — Соврать-то он не сможет... Нет, это смешно, — поразмыслив решил он. — Жрецы не дикари, даже если ходят голышом. Напротив, сделали же они четыре панели для наблюдения за тем, что творится в долине, а это требовало немалой сноровки».

Он осмотрел пожелтевший мраморный глобус — макет мифического Рая, — как он считал, самое ценное свое достояние. Вроде никто глобус не трогал. На соседней полке стояли фигурки — уменьшенные копии банбекских драконов. Рыжевато-красный Злыдень, Длиннорогий Убийца, его ближайший родственник Бродячий Убийца, Голубой Ужас; приземистый, невероятно сильный, с утыканным стальными шипами хвостом Демон, исполинский Забулдыга с белой и гладкой, как яйцо, макушкой, а чуть в стороне — их прародитель: мертвенно-бледное, отливающее перламутром существо, передвигающееся на задних лапах, с гибкими средними конечностями и парой суставчатых плечевых отростков у самой шеи. Единственное, что могло привлечь внимание Жреца, — это скрупулезность, с которой были выполнены модели. Но почему бы не изучить сами оригиналы? Никто ведь не запрещает... Или Жреца интересовала мастерская?

Банбек в сомнении потер длинный подбородок. То, чем он занимался в мастерской, было праздным времяпрепровождением, не более, и на сей счет Джоаз не строил никаких иллюзий. Нет, там Жрецу искать нечего. Скорее всего, он приходил без определенной цели — просто, как всегда, посмотреть, как идут дела у людей. Но все же чего ради?

Раздался настойчивый стук в дверь. Джоаз открыл. На пороге стоял Райф.

— Господин Банбек, прибыл посланник из Счастливого Дола — Эрвис Карколо хочет встретиться с вами. Гонец ждет ответа на Банбекском обрыве.

— Ладно, — ответил Джоаз. — Я повидаюсь с Эрвисом.

— Здесь?

— Нет, на обрыве. Через полчаса.

2

Между Долиной Банбек и Счастливым Долом лежали десять миль диких, продуваемых всеми ветрами скальных кряжей, голых каменистых холмов, бездонных расселин и усеянных валунами пустошей. Счастливый Дол был вполовину мельче Долины, а нанесенный ветром слой почвы — в два раза тоньше и, следовательно, менее плодороден.

Главой Совета Счастливого Дола являлся Эрвис Карколо — толстый вспыльчивый коротышка с сердитым лицом и пухлыми губами. Для Карколо не было большей радости, чем, зайдя в драконьи стойла, осыпать бранью грумов, менторов и самих драконов.

Задумав восстановить господство своего селения над остальными, так радовавшее жителей Счастливого Дола двенадцать веков назад, Эрвис рьяно взялся за дело. В те давние времена, когда драконов еще не существовало и людям в сражениях приходилось полагаться только на свои силы, никто не мог сравниться с обитателями Счастливого Дола в отваге, ловкости и жестокости. Долина Банбек, Великая Северная Низина, Тайное Пристанище, Долина Садро, Фосфорное Ущелье — все признавали превосходство дома Карколо... Пока из космоса не прибыл корабль Породителей-грефов, как их тогда называли. Они уничтожили или захватили в плен все население Тайного Пристанища, то же самое, правда с частичным успехом, проделали с жителями Великой Северной Низины, а остальные поселки обстреляли взрывающимися шарами.

Когда люди, бежавшие от неминуемой смерти, вернулись в свои разоренные дома, главенство Счастливого Дола сильно пошатнулось. А столетие спустя, в век Сырого Железа, рухнуло окончательно. В последней битве между людьми Керган Банбек взял в плен Госса Карколо и заставил его совершить акт кастрирования собственным ножом.

Минуло пять столетий мира и спокойствия, а затем Породители вернулись. Уничтожив селение Садро, огромный черный корабль сел в Долине Банбек, но ее обитатели были предупреждены и успели укрыться в горах.

Поздним вечером из корабля вышли двадцать три Породителя под надежной защитой нескольких взводов Тяжелой Пехоты, отделения Пушкарей (почти

неотличимых от живущих на Небесном Булыжнике людей) и отделения Следопытов (ничуть на людей непохожих). В это время над Долиной бушевала вечерняя буря, корабельные флаеры не могли подняться в воздух, и это позволило Кергану Банбеку совершить то, о чем впоследствии слагались легенды. Вместо того чтобы сломя голову бежать к подножию Большой осыпи, как это делали его подданные, он, собрав шестьдесят воинов, издевался, насмехался и стыдил их до тех пор, пока не пробудил в них отвагу.

Учитывая расстановку сил, это был самоубийственный шаг. Керган и его люди выскочили из засады, разнесли в клочья один взвод Тяжелой Пехоты, зашли в тыл остальным и захватили Породителей прежде, чем те успели осознать, что происходит. Стоящие позади Пушкарки вообще ничего не понимали, но стрелять не решались, опасаясь попасть в хозяев. Уцелевшая Тяжелая Пехота бросилась в атаку и остановилась только тогда, когда Банбек недвусмысленными жестами показал ей, что Породители умрут первыми. Растерявшаяся Пехота отступила, а Керган и его воины, воспользовавшись заминкой, скрылись с пленными в темноте.

Минула долгая ночь Булыжника. С востока налетела утренняя буря, отгремела свое и унеслась на запад. Над горизонтом пылающей точкой поднимался Скин.

Из корабля вышли трое пришельцев — Пушкарь и два Следопыта — и взобрались на Банбекский обрыв. Над их головами парил маленький флаер — простая летающая платформа; ветер болтал его, точно неряшливо сделанный воздушный змей. Тяжело

дыша, трое существ двинулись на юг, к Большой осыпи — урочищу света и тени, изломанных скал и рухнувших утесов. Там, среди громоздящихся друг на друге валунов, нашли убежище люди, бежавшие из Долины.

Остановившись у подножия осыпи, Пушкарь вызвал на переговоры Кергана Банбека. Тот вышел, и затем состоялась самая странная в истории Небесного Булыжника беседа. Пушкарь с трудом говорил на языке людей, — его губы, язык и гортань предназначались для разговора на диалекте Породителей.

— У вас в плену находятся Высокочтимые. Их надо немедленно отпустить как можно почтительнее.

Он говорил неторопливо, с некоторой ленцой, не приказывая и не принуждая. Особенности речи Пушкаря, как и его мыслительный процесс, формировались Породителями и для Породителей.

Керган Банбек, высокий худощавый человек с крашеными бровями и гребнем черных волос, уложенных в пять остроконечных шипов, неприязненно засмеялся:

— А как быть с убитыми и захваченными в плен людьми?

Пушкарь наклонился, вслушиваясь в слова Кергана. Его благородное лицо сохраняло полную невозмутимость. Он был лыс, если не считать полоски тонкой желтой шерсти на черепе; кожа его блестела, словно обожженная. Единственно, чем Пушкарь разительно отличался от обыкновенных людей Булыжника, — это уши — маленькие и дряблые. Он носил простую темно-синюю с белым форму и был вооружен только небольшим универсальным излучателем.

На вопрос Кергана он ответил также спокойно и уверенно:

— Убитые люди мертвы. Пленные вольются в определенную прослойку общества, приток свежей крови принесет хорошие плоды.

Керган Банбек бросил на Пушкаря презрительный взгляд. Кое в чем это существо — продукт тщательного отбора — напомнило ему Жрецов, обитающих на Булыжнике. Такая же светлая, чистая кожа, угловатые черты лица, длинные руки и ноги...

То ли телепатия тому виной, то ли Керган уловил характерный кисловато-сладкий запах, но стоило ему подумать о Жреце, как футах в пятидесяти от них, среди валунов, он увидел человека с гривой каштановых волос. Единственной одеждой человеку служило золотое ожерелье на шее. В соответствии с тогдашним этикетом Банбек не обратил на Жреца внимания, словно того и не существовало вовсе. Поколебавшись, Пушкарь последовал его примеру.

— Вы должны отпустить пленных, — ровным голосом сказал Керган.

Пушкарь улыбнулся и покачал головой. Он прилагал все усилия, чтобы его поняли:

— Не стоит о них говорить. Они... — Он запнулся, подбирая подходящее слово. — Их судьба... взвешена, сочтена, предопределена. Вот и все.

Керган Банбек стоял в надменной позе и молчал, только улыбка его превратилась в угрожающую усмешку. Жрец мелкими шажками двинулся вперед.

— Попытайся понять, — продолжал Пушкарь каркающим голосом. — Существует определенный порядок вещей. И задача таких, как я, — действовать в

соответствии с этим порядком. — Грациозно наклонившись, он поднял с земли гальку: — Вот, смотри: таким камушком я могу заткнуть круглое отверстие. Это то же самое...

Банбек забрал у него гальку и отшвырнул далеко в сторону.

— Ты уже никогда не найдешь этот камушек, чтобы заткнуть им круглое отверстие.

Пушкарь неодобрительно покачал головой:

— Всегда можно найти другие камни.

— И дырки тоже!..

— Ну, к делу, — буркнул парламентар. — Предлагаю в этой ситуации действовать так, чтобы не нарушать порядок вещей.

— А что ты предлагаешь в обмен на грефов?

Пушкарь в затруднении пожал плечами, — разум этого аборигена казался ему таким же варварским, как и его прическа.

— Если ты просишь, я, конечно, дам совет...

Керган Банбек нетерпеливо махнул рукой:

— У меня три условия.

Жрец с бесстрастным лицом и отсутствующим взглядом остановился в футах десяти от них.

— Первое: мы должны иметь гарантии, что вы больше не нападете на Булыжник. Поэтому пятеро грефов в качестве гостей навсегда останутся здесь. Второе: в подтверждение этих гарантий вы передадите нам космический корабль — полностью оборудованный, вооруженный, заправленный топливом. И научите, как им управлять.

Откинув голову, Пушкарь издал через нос серию мычащих звуков.

— Третье, — невозмутимо продолжал Керган Банбек, — вы отпустите всех мужчин и женщин, которые томятся в вашем корабле.

Пушкарь моргнул и что-то быстро прохрюкал Следопытам. Те затоптались на месте, искоса поглядывая на Кергана, — уж не спятил ли этот дикарь? Парламентер посмотрел вверх, на флаер, и, обращаясь к Банбеку, начал вновь, твердо и уверенно, как будто флаер придавал ему сил:

— Я пришел, чтобы сообщить вам: Высокочтимые должны быть немедленно освобождены.

— А вы должны освободить пленных, передать нам оборудованный корабль и никогда больше не нападать на Небесный Булыжник.

Пушкарь казался обескураженным.

— Странная ситуация — непредопределенная и непредreshенная.

— Ты что, не понимаешь?! — гаркнул Керган и посмотрел в глаза Жреца — по этикету это означало, что он собирается задать вопрос. — Эй, Жрец, как мне разговаривать с этим болваном? Он будто не слышит, что я говорю!

Жрец шагнул вперед, лицо его оставалось невозмутимым. По закону Жрецов он не имел права вмешиваться в дела людей, но был обязан отвечать на любой заданный вопрос. Впрочем, зачастую ответы еще больше все запутывали.

— Он тебя слышит, но между вашими разумами огромная разница. Образ его мыслей запрограммирован хозяевами и не имеет ничего общего с твоим. Поэтому я не знаю, как тебе с ним разговаривать.

Керган перевел взгляд на Пушкаря:

— Итак, ты меня слышал. Принимаешь ли ты мои условия?

— Твои слова бессмысленны, несуразны, абсурдны. Слушай внимательно: вы отпустите Высокочтимых. Это определено, установлено, решено. То, что ты хочешь получить корабль — как и прочие твои требования, — неправильно, так быть не должно.

С побагровевшим лицом Керган Банбек повернулся к своим людям, но, взяв себя в руки, ответил Пушкарю, тщательно выговаривая слова:

— У меня есть то, что нужно тебе. У тебя есть то, что нужно мне. Давай совершим обмен.

Секунд двадцать противники смотрели друг другу в глаза, потом Пушкарь глубоко вздохнул:

— Я попытаюсь объяснить твоими словами, чтобы ты понял. Существует определенность... нет, не определенность. Существуют предначертания. Они элементы реальности, основа порядка. Жизнь — это постоянное, шаг за шагом, воплощение предначертанного. Все развитие Вселенной может быть выражено через предначертания. Непоследовательность — это абсурд: не может же существовать человек с половиной мозга, половиной сердца и всех прочих органов. То, что вы держите в плену Высокочтимых, — такая же нелепица, нарушение правильного, разумного хода вещей.

Всплеснув руками, Банбек вновь обернулся к Жрецу:

— Ну как мне прекратить эту ахиною?! Как заставить его понять меня?

— Это не ахиная, — ответил Жрец. — Просто вы говорите на разных языках. Чтобы он понял твой

язык, тебе придется стереть все, чему его обучали, и вложить в его мозг свои знания.

Банбек почувствовал, как почва уходит из-под ног, и разозлился. Жрец даст точный ответ, если точно задать вопрос, но никогда не спрашивается на беседу. Странно, что он стоит здесь и явно ждет дальнейших расспросов. Хорошенько подумав, Керган спросил:

— Как, по-твоему, я должен поступить?

— Отпусти грефов. — Жрец коснулся двойных утолщений на своем ожерелье — ритуальный жест, означающий, что, вынужденно или по доброй воле, он совершил действие, которое, возможно, повлияет на будущее. Потом, еще раз дотронувшись до утолщений, повторил: — Отпусти грефов, и он уйдет.

— Ты кому служишь?! — заорал Керган Банбек, потеряв всякое терпение. — Людям или грефам? Отвечай, я хочу знать правду!

— Клянусь своей верой и ее постулатами; клянусь совершенством моего танда: я служу только самому себе.

И, повернувшись, Жрец медленно пошел к горе Гетрон. Ветер трепал его длинные, красивые волосы. Понаблюдав за ним некоторое время, Керган Банбек с холодной решимостью обратился к Пушкарю:

— Твоя теория о предначертаниях и несуразностях интересна. Но по поводу несуразностей я не могу с тобой согласиться. Да, верно, в существующем порядке вещей есть своя предопределенность: если вы не примете мои условия, я не отпущу грефов. А если вы нападете на нас, я разрежу их пополам. Та-

ким образом, я наглядно подтверждаю твою метафору и смогу доказать, что несурозности вполне возможны. Больше говорить не о чем.

Пушкарь с сожалением покачал головой:

— Я объясню еще раз, слушай. Твои условия немислимы. Они не предопределены, не предрешены...

— Убирайся отсюда! — в сердцах воскликнул Банбек. — А не то ты присоединишься к своим грефам и на собственной шкуре узнаешь, насколько реальным бывает немислимое!..

Издавая мычащие и каркающие звуки, Пушкарь и Следопыты вернулись к Банбекскому обрыву и спустились в долину. Флаер кружил над ними, как осенний лист.

Полчаса спустя укывшиеся в горах люди стали свидетелями небывалой суеты в лагере противника. Из корабля, пританцовывая и подскакивая, выпрыгнул давешний парламентар. За ним последовали остальные Пушкарки, а также Следопыты, тяжелая Пехота и девять грефов — все прыгали, дергались, суматошно бегали туда-сюда. Иллюминаторы корабля замигали разноцветными огоньками, послышался надсадный гул работающих механизмов.

— Да они с ума посходили! — воскликнул Керган Банбек. Поколебавшись немного, он приказал: — Собирайте людей. Мы атакуем, пока они не пришли в себя!

Жители Долины Банбек покинули свои укрития.

Когда они достигли обрыва, из корабля выбежали несколько мужчин и женщин — обитатели Долины Садро — и бросились наутек. Никто не пытался остановить их. За ними выскочили остальные — к тому

времени банбекские воины уже спустились на дно долины.

Внезапно все стихло, пришельцы столпились у корабля. Затем вспыхнул ярко-желтый огонь, раздался взрыв... и корабля не стало. На его месте зияла огромная воронка, куски металла посыпались на головы воинов Банбека.

Хмуро оглядев картину разрушения, Керган собрал своих людей и повел по разоренной долине.

Позади, связанные одной веревкой, покоровившиеся судьбе, плелись двадцать три грефа. Порядок вещей был нарушен, и в существующей реальности двадцати трем Высокочтимым уже не было места. Поскольку механизм Вселенной уничтожает подобные несоответствия, то они, грефы, стали теперь совершенно иным видом существ.

«Но кем именно?» — грустными каркающими голосами вопрошали они друг друга, спускаясь в Долину Банбек.

3

Долгие годы Долина Банбек и Счастливый дол с переменным успехом соперничали друг с другом.

Голден Банбек, дед Джоаза, был вынужден прервать все связи с Долом, поскольку Иттерн Карколо, искусный создатель драконов, вывел первых Демонов. Голден, в свою очередь, вырастил смертоносных Забулдыг, и это сохранило шаткое перемирие.

Шли годы. Болезненный, нескладный Илден Банбек, сын Голдена, умер, упав со взбесившегося Паука,

а так как Джоаз был еще ребенком, то Гроуд Карколо решил попытать счастья и напал на Долину Банбек. Правда, он не принял в расчет Хэндела Банбека, двоюродного деда Джоаза, главного ментора драконов.

Силы Счастливого Дола были окружены на Заоблачной возвышенности. Гроуд погиб, юного Эрвиса боднул Убийца. Однако войско Банбека не воспользовалось своим преимуществом. Тому было несколько причин, и среди них — старость Хэндела и молодость Джоаза.

Эрвис Карколо, израненный, ослабевший от потери крови, сумел-таки навести некоторый порядок в Счастливом Долу, и несколько лет между соседями держался непрочный мир.

Джоаз вырос, превратился в угрюмого молодого человека, который, если и не вызывал у своих подданных особого восторга, то по крайней мере не был окружен ненавистниками. Эрвис Карколо и Джоаз Банбек взаимно презирали друг друга. Одно упоминание о кабинете Джоаза, набитом книгами, рукописями, моделями и картами, с его сложной системой наблюдения (оптику к ней, по слухам, изготовили Жрецы), приводило Карколо в бешенство.

— Науки? Тьфу! — в отвращении размахивал он руками. — Что толку ковыряться в засохшем дерьме? К чему это? Джоазу стоило бы родиться Жрецом. Он из тех слабаков, у которых мозги набекрень и вечно кислая морда!

Бродяга Дэй Альфонсо, являющийся одновременно менестрелем, лекарем, хиромантом и торговцем детьми, передал эти слова Джоазу. Пожав плечами, тот заметил:

— А Эрвису в таком случае следовало бы спариться с одним из своих Забулдыг. Получилось бы неуязвимое существо — с зубами и когтями дракона и непроходимой тупостью Карколо.

Тем же путем об этом замечании узнал Эрвис. Джоаз случайно попал в его больное место: Карколо тайно пытался вывести в своем инкубаторе новый вид дракона, сочетающего в себе исполинские размеры Забулдыги и необузданный нор и ловкость Голубого Ужаса. Но он действовал наобум, беспечно надеясь, что кривая вывезет, и особенно не прислушивался к советам Баста Гивена, своего главного ментора драконов. Из всего выводка выжила только дюжина драконят. Эрвис заботился о них, применял то кнут, то пряник. До зрелого возраста дожили четверо — нервные криволапые создания с раздутыми животами и ненасытным аппетитом. Тем и закончилась попытка Карколо вывести гибрид, обладающий и яростью, и неуязвимостью. («Можно подумать, хорошие драконы получают по команде, — ворчал Баст Гивен и советовал помощникам: — Держитесь подальше от этих зверушек — единственное, на что они способны, — это заманить кого-нибудь в свои лапы».)

Время, силы, средства и пища, потраченные на бесполезный эксперимент, подорвали мощь армии Карколо. У него было достаточно плодовитых Злыдней, вполне хватало Длиннорогих и Бродячих Убийц, но более тяжелых, особого вида драконов, как Забулдыги, явно недоставало для того, чтобы мечты Эрвиса воплотились в жизнь.

А мечтал он о былой славе Счастливого Дола. В первую очередь Эрвис собирался завоевать Долину

Банбек. В его мыслях частенько вставала картина церемонии, на которой он низводит Джоаза до положения ученика уборщика стойл.

Но на пути Карколо вставляли определенные трудности. Население Счастливого Дола удвоилось, однако, вместо того чтобы расширить поселок, построив новые башни и тоннели, он заложил три новых инкубатора, дюжину стойл и огромный загон для тренировок. Жители оказались перед выбором — прозябать в переполненных тоннелях или возводить убогие лачуги вдоль дна долины. Инкубаторы, стойла, рабочие бараки, загон заняли часть и без того бедных плантаций. Вода из водоемов поступала в инкубаторы. На пропитание драконов уходило огромное количество припасов. Голодные, оборванные, больные обитатели Счастливого Дола не разделяли воинственного энтузиазма Карколо, и это выводило его из себя.

Когда бродяга Дэй Альфонсо передал Эрвису совет Джоаза спариться с Забулдыгой, тот вскипел от злости:

— Ба! Да что понимает этот Банбек в выведении драконов?! Он небось и свой драконий язык толком не знает!

Эрвис говорил о языке, на котором драконам передавались команды. У каждой армии был свой тайный жаргон, и выведать драконий язык противника являлось заветной мечтой любого военачальника, ибо тогда он в какой-то степени получал контроль над вражескими силами.

— Я практик, стоящий двух таких, как Банбек, — продолжал Карколо. — Может ли он выходить, на-

кормить и обучить дракона? Нет! Он предоставил это менторам, а сам валяется на диване, поедает сладкое мясо и воюет только со своими девками-менестрелями! Говорят, Банбек с помощью астрологии предсказывает возвращение Породителей. Говорят, он ходит задрав голову и смотрит на небо. Достоин ли такой человек власти и почета? «Нет!» — отвечаю я. А человек по имени Эрвис Карколо из Счастливого Дола? «Да!» — говорю я. И докажу это!

Дэй Альфонсо примиряюще поднял руки:

— Не горячитесь. Банбек не так безрассуден, как вы полагаете. Его драконы в прекрасной форме, он часто навещает их. Что касается Породителей...

— Ни слова о Породителях! — взвился Эрвис. — Я не ребенок, чтобы бояться пугала!

Дэй Альфонсо вновь поднял руки:

— Послушайте же. Я говорю серьезно. Подумайте над моими словами... Джоаз Банбек привел меня в свой кабинет...

— О да! Весьма примечательный кабинет!

— ...и показал мне шар из хрусталя, установленный на черном сундучке.

— Хрустальный шар, вот как!

— Я осмотрел этот глобус, — продолжал Дэй Альфонсо, не обращая внимания на слова Карколо. — Кажется, в нем заключено все небо. Внутри плавают звезды, планеты — все небесные тела Скопления! «Смотри хорошенько, — сказал мне Джоаз Банбек. — Ты нигде не увидишь ничего подобного. Этот шар привезен на Небесный Булыжник нашими предками». — «В самом деле? — заинтересовался я. — И что же это такое?» — «Астрономический

прибор, — пояснил Джоаз. — Он показывает положение всех близлежащих звезд на любой период времени. Вот, — ткнул он пальцем, — видишь белую точку? Это наше солнце. А эту красную звездочку? В старинных каталогах она называется Коралайн. Коралайн вращается вокруг Скина по сложной орбите, зависящей от движения всех звезд в Скоплении. Через неравные промежутки времени она приближается к нашему солнцу. Эти промежутки всегда совпадают с нападением Породителей». Тут я позволил себе усомниться, но Джоаз убедил меня. «В истории живущих на Булыжнике людей, — сказал он, — отмечены шесть вторжений Породителей, или грефов, как их раньше называли. Очевидно, пока Коралайн плывет в пространстве, Породители рыщут по соседним мирам в поисках укрывшихся на них людей. Последнее нападение произошло во времена Кергана Банбека — ты знаешь, чем оно кончилось. Тогда Коралайн прошла совсем рядом... И с тех пор она впервые опять близко». Вот что Джоаз Банбек рассказал мне и что я видел собственными глазами.

— Иными словами, — вскипел Карколо, — в этом глобусе плавают все звезды космоса?

— Ручаться не могу, — ответил Дэй Альфонсо. — Шар укреплен на черном сундучке. Наверно, внутри него есть механизм, который проецирует небосвод на поверхность глобуса. Или высвечивает изображение звезд... Как бы то ни было, я бы очень хотел иметь такой замечательный прибор. Я предложил Джоазу несколько ценных вещей взамен, но он отказался.

Карколо презрительно скривил губы:

— Небось предложил ему украденных детей? И не стыдно?

— Не больше, чем моим клиентам, — парировал Альфонсо. — Помнится, вы тоже пользовались моими услугами...

Эрвис отвернулся и стал демонстративно разглядывать двух Злыдней, упражняющихся с деревянными ятаганами. Карколо и Альфонсо стояли у каменной ограды, за которой шла тренировка — два десятка драконов занимались строевой подготовкой, сражались на мечах и копьях, накачивали мышцы. Блестела чешуя. Из-под огромных лап взметались облака пыли. В воздухе стоял едкий запах драконьего пота.

— Хитрый парень, этот Джоаз, — пробормотал Эрвис. — Он знал, что ты обязательно передашь мне его слова.

— Ага, — кивнул Дэй Альфонсо. — Он еще сказал... впрочем, я не берусь повторять... — Бродяга бросил на Карколо лукавый взгляд из-под седых бровей.

— Говори, — приказал Эрвис.

— Что ж... Только учтите — я просто передаю его слова: «Скажи этому старому пентюху Карколо, что ему грозит серьезная опасность. Счастливый Дол совершенно незащищен, и, если Породители вернутся, его уничтожат в два счета. Где спрячутся люди? Их загонят в черный корабль и увезут на какую-нибудь холодную, безлюдную планету. Будь у Карколо сердце, он выкопал бы новые тоннели и подземные ходы, иначе...»

— Что иначе?

— «...иначе не станет ни Счастливого Дола, ни Эрвиса Карколо».

— Ну-ну, — почти весело заметил Эрвис. — Щенок показывает зубы.

— Может быть, Джоаз только хочет предупредить вас. Еще он добавил... Нет, я боюсь оскорбить...

— Говори!

— Он... я не смею... Короче говоря, он считает ваши старания создать армию просто жалкими потугами. Он утверждает, что вы несравнимо глупее его. Он предсказывает...

— Хватит! — вскричал Эрвис, потрясая кулаками. — Он мастер дурить головы, но ты-то как попался на эту удочку?!

Дэй Альфонсо покачал седой головой:

— Я всего лишь повторяю его слова — вы сами пожелали знать, что он говорил... А теперь, когда я выложил все, окажите мне услугу. У меня есть первосортные снадобья: наркотики, эликсиры, дурманы. Могу предложить бальзам вечной юности, украденный мною из сундука самого Верховного Жреца. Есть детишки обоих полов — красивые и послушные, отдам недорого. Я заговорю ваши хвори, исцелю шепелявость, развею ваши печали... А может, купите яйца драконов?

— Ничего мне не нужно, — проворчал Карколо. — А яйца драконов, из которых вылупляются одни ящерицы, и подавно. Что до детей, то Счастливый Дол кишит ими. Раздобудь мне дюжину Забулдыг, и можешь забрать хоть сотню ребятишек.

Грустно покачав головой, Дэй Альфонсо удалился. Эрвис Карколо облокотился на ограду и поглядел на небо.

Вечерело. Скин уже коснулся пика Отчаяния.

Это было самое чудесное время суток на Булыжнике. Когда ветры стихали, вокруг Скина появлялся золотистый ореол, а его сияние становилось дымчато-желтым и уже не слепило. На горизонте собирались тучи — предвестники вечерней бури. Они клубились, воспаряли и опускались, переливаясь всеми оттенками золотого, терракотового, охряного и палевого цветов.

Зашло солнце, поблекли золотые и оранжевые тона, мир окрасился в цвета пурпура и мореного дуба. С туч сорвались стрелы молний, черной стеной хлынул ливень. Люди в драконьих стойлах начали передвигаться осмотрительнее, поскольку поведение драконов в этот час было непредсказуемым — они становились вялыми и раздражительными.

С наступлением ночи дождь прекратился, над долиной пронесся холодный ветерок. Темное небо запылало мириадами мерцающих звезд. Самая яркая переливалась красным, зеленым, белым; красным, зеленым, белым...

Эрвис Карколо задумчиво смотрел на эту звезду. Одна мысль рождала другую, в его мозгу медленно вырисовывался план действий, который, очевидно, поможет раз и навсегда покончить с неопределенным положением, отравляющим ему жизнь.

Карколо кисло усмехнулся. Конечно, этого выскочку Банбека необходимо поставить на место... но если для пользы дела нужно идти на компромисс, что ж — быть посему.

И вот на следующее утро, вскоре после того, как менестрель Фейд увидела Жреца в кабинете Джоаза, в долину прибыл гонец от Эрвиса Карколо с приглашением на переговоры.

4

Карколо, Баст Гивен — главный ментор драконов — и два молодых флигель-адъютанта ждали на Банбекском обрыве. Позади, чуть расставив все свои ноги и убрав плечевые отростки, в одинаковых позах застыли четыре блестящих Паука. Это был новый выводок, гордость Карколо. Голову каждого Паука венчали рога в окружении частокола острых шипов, чередующихся с капюшонами цвета киновари; нагрудные пластины, покрытые черной эмалью, были снабжены умбонами. Люди носили традиционные одежды из черной кожи, короткие бордовые плащи и черные кожаные шлемы с длинными, ниспадающими на плечи кольчужными бармицами.

Четыре человека, кто с нетерпением, кто спокойно, ожидали прибытия Джоаза, разглядывали Долину Банбек. На юге раскинулись сельскохозяйственные угодья — поля вики, заросли локота*, плантации беллегарда и пищевого мха. На другой стороне долины, неподалеку от Клайбурнской расселины, виднелись очертания кратера, оставшегося после взрыва корабля

* Локот — дерево, произрастающее в Китае и Японии (прим. перев.).

Породителей. На севере тоже расстилались нивы, за ними лежала территория драконов — стояла из черного кирпича, инкубатор и тренировочный загон, — а еще дальше начиналась Банбекская осыпь: давным-давно в этом месте рухнула часть склона, образовав непроходимое нагромождение камней и обломков скалы — подобно Большой осыпи около горы Гетрон, но, конечно, меньших размеров.

Один из флигель-адъютантов откровенно восхищался процветающей Долиной Банбек. Минуту-другую Карколо, отвернувшись, мрачно слушал его, затем бросил на наглеца испепеляющий взгляд.

— Половина нашей воды уходит в грунт, — говорил адъютант. — А посмотрите на их водохранилище!

— Точно, — поддержал другой. — Неплохая идея — укреплять стены каменной плиткой. Удивительно, как мы до этого не додумались?..

Эрвис открыл было рот, но отвечать раздумал и, прорывав что-то нечленораздельное, отвернулся. Баст Гивен сделал адъютантам знак замолчать.

Несколько минут спустя главный ментор заметил:

— Вот и Джоаз.

Эрвис посмотрел на Дорогу Кергана:

— Где же его эскорт? Он что, едет в одиночку?

— Похоже на то.

Банбек появился верхом на Пауке, покрытом бархатной попоной серого и красного цветов. На нем были серые брюки и серая рубашка, поверх он накинул свободный плащ из мягкой коричневой ткани. На голове его красовалась голубая бархатная шапочка с длинным козырьком. Поднятием рук Джоаз привет-

ствовал гостей. Махнув в ответ, Карколо кивком приказал Гивену и адъютантам отойти.

— Дэй Альфонсо передал мне твои слова, — сердито произнес Эрвис, когда они остались одни.

Джоаз кивнул.

— Надеюсь, он ничего не напутал?

Карколо оскалил зубы:

— Несколько раз он прибегал к иносказаниям.

— Старик Альфонсо очень тактичен.

— Значит, я безрассудный, беспомощный человек, не заботящийся о благе Счастливого Дола? Альфонсо признался, что ты обозвал меня пентюхом.

— Такие вещи лучше передавать через третье лицо, — вежливо заметил Банбек.

— Как бы то ни было, ты думаешь, что нападение Породителей неминуемо?

— Да, если мои предположения верны и их родина находится в системе звезды Коралайн. В этом случае Счастливому Долу грозит серьезная опасность...

— А Долине Банбек? — язвительно поинтересовался Карколо.

Джоаз бросил на него удивленный взгляд:

— Разве ты не видишь? Я принял меры предосторожности. Люди живут в тоннелях, а не в хижинах. У нас есть несколько потайных ходов, ведущих и к Большой, и к Банбекской осыпам.

— Оч-чень интересно. — Карколо был сама учти-вость. — Окажись твоя догадка верной — пока не будем обсуждать это, — такие меры были бы оправданны. Но мне кажется, ты ошибаешься. И в любом случае я считаю, что лучшая защита — нападение.

— Как же, как же, — подхватил Банбек, — помню, сколько под этим девизом наломали дров твои предки.

— Да я про другое, — покраснев, буркнул Эрвис. — У меня есть хорошо продуманный план, я уже несколько лет вынашиваю его.

— Я весь внимание, — подбодрил Джоаз.

Карколо надул щеки.

— Тебе легенды известны так же хорошо, как и мне, может быть, даже лучше: наш народ-изгнанник прибыл на Небесный Булыжник во время Войны десяти звезд; Кошмарная коалиция одержала верх над Старыми Правителями... но, — он воздел руки к небу, — кто может сказать, чем кончилась эта война?

— Догадаться несложно, — ответил Джоаз. — Пороditели нападают на нас совершенно безнаказанно. Мы не видели ни одного человека, кроме тех, кто служит им...

— Человека? — презрительно хмыкнул Карколо. — Я называю этих существ по-другому... Впрочем, все это не более чем упражнения в дедукции. На самом деле мы не знаем, что происходит в мире. Возможно, ты прав, и Скоплением правят Пороditели. А может быть, они нападают на Булыжник потому, что мы слабы и безоружны. Возможно, мы последние люди во Вселенной. А может быть, Старые Правители вновь собирают силы... Но... Не забывай — много воды утекло с тех пор, как Пороditели последний раз прилетали сюда.

— Много воды утекло и с тех пор, как Скин и Королайн находились так близко друг от друга.

Карколо нетерпеливо махнул рукой:

— Не знаю, прав ты или нет, однако выслушай суть моего предложения. Надеюсь, ты согласишься, что Долина Банбек и Счастливый Дол — это пустяк по сравнению с тем, чего достойны такие правители, как ты и я.

— Соглашусь. Если бы не некоторые практические трудности...

— Я знаю, как их преодолеть.

— Ну, в таком случае считай, что власть, слава и богатство у нас в кармане.

Легонько ударив себя по ягодицам кисточкой с золотыми шариками, украшающей ножны его оружия, Эрвис пристально посмотрел на Джоаза — не насмехается ли тот.

— Когда люди пришли на Булыжник, Жрецы уже жили здесь, — продолжал он. — Как долго — неведомо никому. Это тайна. Что мы знаем о них? Почти ничего. Они обитают в глубоких пещерах. Меняют безделушки из металла и стекла на еду. Постулаты их веры — туманные, загадочные, бессистемные, называй как хочешь — совершенно непонятны... по крайней мере мне. — Он вновь посмотрел на Джоаза. Тот молча потирал подбородок. — Они выдают себя за смиренных слугителей какого-то метафизического культа... но на самом деле все не так просто. Кто-нибудь видел их женщин? А что это за синее сияние? А светящиеся столбы — может быть, волшебство? А появляющиеся по ночам знамения? А смутные фигуры, борздящие небеса, вероятно на пути к иным планетам?

— Всякое говорят, — заметил Джоаз. — Но если верить каждому слуху...

— Тут мы подходим к сути моего предложения, — провозгласил Карколо. — Насколько я понимаю, религия обязывает Жрецов, без колебаний и не заботясь о последствиях, отвечать на все вопросы. Вот только... Религия религией, но любому, кто хочет у них что-либо выведать, они просто морочат голову!

Банбек с удивлением посмотрел на него:

— Ты пытался у них что-то выведать?

Карколо кивнул:

— Не буду отрицать. Я расспросил трех Жрецов. Они отвечали с охотой, но по сути не сказали ничего! — Он раздраженно покачал головой. — Поэтому я решил надавить на них.

— Ты отчаянный человек.

— На крайности мы не пойдем. Однако Жрецы должны есть. Если Долина Банбек и Счастливый Дол объединят свои усилия, Жрецы окажутся перед угрозой голода. И будут вынуждены говорить понятнее.

Несколько секунд Джоаз молчал, раздумывая. Эрис Карколо играл кисточкой на ножнах.

— На первый взгляд твой план кажется разумным, — наконец сказал Банбек. — А что именно ты хочешь узнать у Жрецов? Чего добиваешься?

Придвинувшись ближе, Карколо ткнул в Джоаза указательным пальцем:

— Мы прозябаем на этой пустынной планетке и не знаем, что творится в иных мирах. Породители — хозяева Скопления, говоришь ты. А вдруг все не так? Вдруг Старые Правители вернулись? Подумай о прекрасных городах, роскошных дворцах, веселых праздниках и островах наслаждения! Посмотри на ночное небо. Подумай о богатствах, которые могут принадле-

жать нам! Как осуществить эту мечту, спросишь ты. Ответчу: это будет просто, если Жрецы выложат нам все, что знают.

— Ты хочешь сказать...

— Надо убраться из этого захолустья! Вернуться в мир людей!

Джоаз пожал плечами:

— Неплохо бы... Но в действительности дела обстоят гораздо хуже: Империя людей наверняка рухнула.

Карколо быстро закивал:

— Может, ты и прав. Но почему бы не выбить из Жрецов правду? Короче, я предлагаю вот что: мы требуем аудиенцию у Верховного Жреца и задаем свои вопросы. Если он отвечает — хорошо. Если начинает увиливать, мы лишаем Жрецов пропитания до тех пор, пока они не станут сговорчивее.

— Существуют другие поселки, — напомнил Джоаз.

Карколо пренебрежительно махнул рукой:

— Они тоже не будут торговать со Жрецами. Мы их убедим... или заставим — с помощью драконов.

— Заманчиво... Но, боюсь, все не так просто...

Карколо хлопнул ножами по бедру:

— Почему?!

— Во-первых, Коралайн, как никогда, ярко сияет в небесах. Это самое главное. Если Породители так и не нападут, тогда можно заняться Жрецами. А во-вторых, я сомневаюсь, что угрозой голода их можно склонить к подчинению. Боюсь, это вообще невозможно.

— Вот как?

— Да. Жрецы ходят нагишом и в дождь со снегом, и в бурю. Неужели они испугаются голода? Кроме того, кто им запретит собирать дикий лишайник, растущий на скалах?.. В общем, можешь отказать им в пище, но здесь я тебе не помощник. Не исключено, что слухи о Жрецах преувеличены. Хотя не исключено, что преуменьшены.

Эрвис Карколо расстроенно вздохнул:

— Джоаз Банбек, я полагал, что ты человек действия. Но раз ты просто ищешь, к чему бы придраться...

— Я не придираюсь, а указываю на ошибки, которые приведут к катастрофе.

— Хорошо. Что предлагаешь ты?

Джоаз вновь потер подбородок.

— Если мы все еще будем здесь, а не на борту черного корабля, когда Коралайн начнет удаляться, тогда и подумаем, каким образом вывести тайны Жрецов. А пока я тебе настоятельно советую готовиться к нападению. Новые инкубаторы и бараки испортили Счастливого Дол. Оставь их в покое, копай потайные ходы!

— Отсиживаться в тоннелях? Это не для меня. Я привык нападать!

— Что стоят твои драконы против ионных и тепловых лучей?

Карколо посмотрел ему в глаза:

— Короче: могу я считать тебя союзником?

— По большому счету — конечно. Но морить Жрецов голодом или что-нибудь подобное — уволь. Это может оказаться столь же опасным, сколь и бесполезным.

— Опасным?! — Карколо потерял всякое терпение. — Чего бояться горстки голых монахов, никогда не державших в руках оружия?

— Об этом нам ничего не известно. Мы знаем только, что они люди.

Эрвис вновь стал чрезвычайно любезным:

— Наверное, ты прав. Но по сути-то мы союзники?

— В некоторой степени.

— Вот и хорошо. Надеюсь, если Породители нападут, мы будем действовать сообща.

Джоаз неопределенно кивнул:

— Да, это может принести свои плоды.

— В таком случае давай скоординируем наши действия. Предположим, Породители высаживаются в Долине Банбек. Тогда твои люди находят убежище в Счастливом Доле, а наша объединенная армия прикрывает их отход. А если Породители нападают на Счастливый Дол, мои люди прячутся в Долине Банбек.

Джоаз расхохотался:

— Эрвис, за кого ты меня принимаешь? Оставь свои грандиозные планы, возвращайся домой и копай тоннели. И поспеши — Коралайн светит ярко!

— Иными словами, ты отвергаешь мое предложение о союзе?

— Отнюдь. Но я не могу защитить тебя и твоих людей, раз вы сами не хотите себя защищать. Послушай моего совета, докажи на деле, что ты можешь быть сильным союзником!

Круто развернувшись, Эрвис Карколо окликнул Баста Гивена и флигель-адъютантов, вскочил в седло

своего Паука и бешеным галопом пустил его вверх по склону Заоблачной возвышенности, прочь от Банбекского обрыва. Свита двинулась следом, но не столь поспешно.

Некоторое время Джоаз Банбек наблюдал за ними, грустно качая головой, потом оседлал своего Паука и вернулся в Долину Банбек.

5

Долгий день Небесного Булыжника, равный шести старым Стандартным дням, клонился к вечеру, но в Счастливом Доле кипела бурная деятельность. Решение было принято, цель — определена. Оружейники отливали пули, толкли порох, точили и шлифовали мечи. Драконы отрабатывали групповые маневры, флигель-адъютанты и корнеты хриплыми голосами выкрикивали команды. Эрвис Карколо, руководящий учениями, деловито сновал между своими питомцами, время от времени меняя взмыленного Паука на свежего.

Армия Счастливого Дола в основном состояла из Злыдней — низкорослых подвижных драконов с длинной узкой мордой, чешуей кирпично-красного цвета и сильными плечевыми отростками. Злыдень с одинаковым мастерством владел копьем, саблей и палицей; человек не мог устоять против него — удар острых как бритва клыков или изогнутых когтей дракона был смертелен.

Злыдни были выносливы и быстро размножались даже в условиях Счастливого Дола, вот почему в ар-

мии Карколо преобладал этот вид драконов. Но такое положение дел очень не нравилось главному ментору Басту Гивену — жилистому человеку со сломанным носом и плотно сжатыми губами; его черные невыразительные глаза на плоском лице казались двумя каплями чернил на блюде. Обычно немногословный, он весьма красноречиво выступал против нападения на Долину Банбек.

— Слушай, Эрвис, — сказал Гивен, подходя к Карколо. — Мы можем собрать целое войско Злыдней, у нас много Бродячих и Длиннорогих Убийц, но Голубых Ужасов, Демонов и Забуддыг не хватает. Если Банбек окружит нас на равнине, нам крышка!

— А я не собираюсь драться на равнине, — ответил Карколо, спешиваясь. — На горных склонах его Демоны-Забуддыги стоят немногого, а Голубых Ужасов у Джоаза столько же, сколько у меня.

— Кое-что ты упускаешь из виду, — заметил Гивен.

— А именно?

— Вряд ли Банбек позволит заманить себя в горы. Он не так глуп.

— С чего ты взял? — фыркнул Карколо. — Помоему, он всегда был олухом... Мы ударим решительно и сильно и покончим с этими выскочками из Банбекской Долины! — И он хлопнул кулаком по раскрытой ладони.

Баст Гивен молча направился к выходу из загона, но Эрвис раздраженно остановил его:

— Эй, что-то я не вижу в тебе рвения!

— Я знаю, на что способна наша армия, — огрызнулся ментор. — Если Джоаз так туп, как ты дума-

ешь, мы победим. Но если мозгов у него хотя бы столько, сколько у тех двух грумов, с которыми я говорил десять минут назад, нам не избежать разгрома.

— Шел бы ты лучше к Демонам и Забулдыгам! Я хочу, чтобы они стали проворны, как Злыдни!

Баст Гивен удалился. Карколо же сел в седло и дал шпоры. Паук рванулся было вперед, но остановился и изогнул длинную шею, чтобы посмотреть в лицо наезднику.

— Давай! — гаркнул Карколо. — Пошел во весь опор! Покажи этим увальням, что такое сила и прыть!

Паук прыгнул, да так стремительно, что Карколо вылетел из седла и упал наземь, едва не свернув себе шею. Подбежавшие грумы перенесли его на скамейку. Эрвис глухо стонал и проклинал все на свете. Появился хирург, осмотрел Карколо, потыкал, надавил в нескольких местах и прописал постельный режим и успокоительные капли.

Карколо отнесли в резиденцию, расположенную у западного склона долины, и отдали на попечение его женам. Эрвис проспал до самого вечера, двадцать часов кряду.

Отоспавшись, он вознамерился встать, но, почувствовав слабость во всем теле, застонал, вновь откинулся на подушки и велел позвать Баста Гивена. Главный ментор молча выслушал причитания Карколо.

Спустился вечер. Драконы возвращались в стойла — до рассвета.

Всю длинную ночь Небесного Булыжника Карколо подвергался различным процедурам: массажу, горячим ваннам, инъекциям и припаркам. К исходу

ночи, стоически перенеся весь курс лечения, он встал на ноги и объявил, что здоров.

Коралайн, самая яркая звезда на небосводе, дрожала и насмешливо мигала красными, зелеными и белыми огоньками. Карколо старался не смотреть на нее, но, куда бы он ни пошел, звезда светила ему прямо в глаза.

Близился рассвет. Зарницы на востоке предвещали скорое наступление утренней бури.

Эрвис планировал выступить в поход, как только проснутся драконы.

Войско Счастливого Дола насчитывало триста Злыдней, восемьдесят пять Бродячих, столько же Длиннорогих Убийц, сотню Голубых Ужасов, пятьдесят два приземистых, необычайно сильных Демона (их хвосты венчали стальные шипастые шары) и восемнадцать Забулдыг. Со всеми предосторожностями выведенные из стойл и построженные в походную колонну драконы шумели, задирали друг друга и искали случая, чтобы откусить ногу зазевавшемуся груму. Темнота пробуждала в них извечную ненависть к человеку, хотя они не знали, откуда тот взялся и как заставил служить себе.

Вспыхивали молнии, освещая изящные пики Злощастного хребта. Над долиной прогремела утренняя буря, сопровождаемая воем ветра и хлещущими струями дождя, и унеслась в сторону Долины Банбек. Небо на востоке разгоралось бледно-зеленым пламенем. Карколо дал сигнал к выступлению.

Он угрюмо проковылял к своему Пауку, взобрался в седло и приказал скакуну исполнить сложный, но

впечатляющий курбет. Это было ошибкой: ненависть все еще переполняла дракона. Завершая прыжок, Паук взбрыкнул, и Карколо опять оказался на земле. Вне себя от боли и ярости, он попытался встать, но безуспешно; попытался вновь — и потерял сознание.

Очнувшись минут через пять, неимоверным усилием воли Эрвис приподнялся и прохрипел:

— Поднимите меня... Привяжите к седлу... Мы должны выступать... — Никто не пошевелился, прекрасно понимая, что об этом не может быть и речи. Взбешенный Карколо позвал Баста Гивена: — Дело не терпит отлагательств. Войско поведешь ты!

Гивен мрачно кивнул. Возглавить армию — большая честь, от такого не отказываются.

— Наша диспозиция тебе известна, — продолжал Эрвис. — Покинув долину, поверни на север, к Клыку, и как можно быстрее пересеки Сканз. Голубую расселину обойди с северной стороны, затем двигайся на юг, вдоль Банбекского обрыва. Возможно, там противник обнаружит вас. Разверни войска широким фронтом, чтобы Демоны отбили атаку банбекских Забулдыг. Своих же Забулдыг попридержи, а в бой бросай Злыдней. Убийц до поры оставь в резерве, а потом ударь с флангов. Все ясно?

— С такой тактикой победа будет за нами, — проворчал Баст Гивен.

— Если ты все сделаешь правильно... Ох, моя спина! Не могу пошевелиться... Грядет великое сражение, а я должен сидеть у инкубатора и глядеть, как трескаются яйца!.. Итак, в бой! За Счастливый Дол!

Гивен отдал приказ, и колонна двинулась.

Злыдни рванулись вперед, за ними последовали покрытые шелковистым мехом Бродячие Убийцы и массивные Длиннорогие Убийцы — необычайной длины шипы на груди последних оканчивались металлическими насадками. Следом шагали ужасные Забулдыги, и земля вздрагивала от их тяжелой поступи. По бокам колонны Забулдыг маршировали Демоны с саблями наголо, подобно скорпионам подняв над головой хвосты со стальными шарами. В арьергарде скакали сто человек: военачальники, флигель-адъютанты и корнеты, вооруженные мечами, пистолетами и большими ручными мушкетонами.

Когда войско скрылось из поля зрения, лежащий на носилках Эрвис Карколо приказал отнести себя к порталу, ведущему в пещеры Счастливого Дола.

Никогда еще пещеры не казались ему такими сумрачными и убогими. Он бросил хмурый взгляд на беспорядочно разбросанные вдоль склонов долины хижины, сложенные из камня, просмоленного и спрессованного лишайника и жердей, залитых гудроном... По окончании Банбекской кампании надо будет распорядиться, чтобы в склоне высекали новые залы. Счастливый Дол затмит великолепие поселка Банбек, славящееся по всему Булыжнику. Убранство залов засияет опалами и перламутром, золотом и серебром...

Но... это ли цель? Если события пойдут по плану, то приблизится великая мечта Эрвиса Карколо. Какой тогда прок от горстки жалких украшений в пещерах Счастливого Дола?

Застонав, он опустил на диван и мысленно перенеся к своей армии. Должно быть, сейчас войско спус-

кается с Манящей гряды, обходя стороной огромный, в милю высотой, Клык. Карколо осторожно разогнул колени, вытянул руки... Боль волнами перекатывалась по телу, но, похоже, на сей раз ему досталось не так крепко. Войско, очевидно, уже преодолело невысокий кряж, окружающий большое высокогорное плато Скэнз. Выпив принесенные лекарем капли, Карколо уснул.

Проснулся он в жутком возбуждении: который час? Вероятно, битва уже в самом разгаре!..

Эрвис велел слугам отнести его к верхнему входу в пещеры. Там ему не понравилось, и он приказал подняться выше — к новому инкубатору, откуда открывался вид на всю долину. Здесь, невзирая на удовольствие своих жен, он устроился настолько удобно, насколько позволяли синяки и растяжения, и приготовился к томительному ожиданию.

Однако новости не заставили себя ждать.

По Северной Тропе промчался корнет на взмыленном Пауке. Карколо послал грума перехватить его и, стараясь не обращать внимания на ломоту во всем теле, поднялся с дивана.

Корнет спешил; шатаясь, добрал до лестницы и поднялся к инкубатору, цепляясь за перила.

— Засада... — выдохнул он. — Все пропало...

— Засада? — глухо простонал Эрвис. — Где?

— Сразу за Скэнзским кряжем. Противник пропустил Злыдней и Убийц, а затем бросил на нас Ужасов, Забуддыг и Демонов... Они вклинились в наши ряды, обрушили целый камнепад на наших Забуддыг! Армия разбита!

Карколо повалился на диван и устремил взор в небо.

— Какие потери?

— Не знаю. Гивен приказал отступить. Мы отошли, сохраняя достоинство... — Корнет без сил опустился на скамью. Эрвиса, казалось, хватил удар.

На северной дороге за клубилось облако пыли. Драконы едва плелись, свирепо озираясь и оглашая воздух ревом. Впереди, мотая уродливыми головами, шли несколько Злыдней, за ними — два Голубых Ужаса, совсем по-человечьи размахивая плечевыми отростками, а следом, чуть не падая от изнеможения, брел огромный, похожий на жабу Забулдыга. Проходя мимо стойл, он рухнул с глухим стуком и замер, задрав лапы. По Северной Тропе на выбившемся из сил Пауке прискакал Баст Гивен в перепачканном мундире. Он спешил и, чернее тучи, поднялся по лестнице. Эрвис рывками принял сидячее положение.

Гивен докладывал о происшедшем спокойно, почти беззаботно, но Карколо на эту удочку не попался.

— В каком месте вас ждала засада? — хмуро спросил он.

— Мы пересекали кряж через Хлорный овраг — знаете, где выступ обнажения порфира в виде карниза? Там они нас и караулили.

— Странно, — пробормотал Карколо. Баст Гивен еле заметно кивнул. — Предположим, Джоаз Банбек выступил на час раньше, чем я рассчитывал, во время утренней бури. Предположим, он гнал войско галопом. И все равно не понимаю, как ему удалось оказаться на Сканзском кряже раньше нас.

— Я был уверен, что нам ничто не угрожает. А после того как мы пересечем Сканз, я намеревался выслать вперед патрули — вдоль Бархского хребта, к Голубой Вершине и в Голубую расселину.

Карколо угрюмо кивнул.

— Ну и каким же образом Джоаз умудрился так быстро добраться до кряжа?

Гивен отвернулся и, посмотрев на Северную Тропу, по которой в беспорядке спускались драконы и люди, ответил:

— Понятия не имею.

— Может быть, наркотик? Дурман для успокоения драконов? Может быть, армия Джоаза всю ночь стояла на Сканзе?

— Последнее наиболее вероятно, — нерешительно заметил Гивен. — У подножия Бархского Шина много пещер. Если он с ночи разбил там лагерь, то утром ему оставалось только пересечь Сканз.

— Боюсь, мы недооценили Джоаза Банбека, — вздохнул Карколо и со стоном откинулся на диван. — Ладно. Сколько мы потеряли?

Подсчет оказался плачевным. Из роты Забулдыг, и без того смехотворно малой, уцелело только шестеро. От пятидесяти двух Демонов осталось сорок, пятеро из них были покалечены. Ряды Злыдней, Голубых Ужасов и Убийц тоже сильно поредели, — одни погибли при атаке, другие разбились насмерть, сорвавшись в пропасть. Двенадцать человек были убиты из огнестрельного оружия, четырнадцать — растерзаны вражескими драконами, два десятка получили различной тяжести ранения.

Карколо лежал на спине с закрытыми глазами, губы его беззвучно шевелились.

— Нас спасло только то, что Банбек не решился войти в овраг, — заметил Гивен. — Это единственная тактическая ошибка, и допустил ее сам Джоаз. Он привел слишком мало Злыдней и Голубых Ужасов.

— Слабое утешение... — прохрипел Карколо. — Какова расстановка сил сейчас?

— У нас отличная позиция на Манящей гряде. Мы не заметили банбекских разведчиков — ни людей, ни Злыдней. Полагаю, Джоаз думает, что мы отступили к Счастливому Долу. Во всяком случае, основные его силы по-прежнему стоят на Сканзе.

С превеликим трудом Карколо встал с дивана, проковылял к ограде и посмотрел вниз, на амбулаторию. Пять Демонов, бормоча и тяжело вздыхая, скрючились в бочках с бальзамом. Голубой Ужас висел на ремнях и поскуливал, а хирург удалял осколки из его бронированной шкуры. Вдруг один из Демонов поднялся во весь рост — под его жабрами пузырилась пена, — издал полный муки вопль и бездыханным рухнул обратно в бальзам. Карколо повернулся к Гивену:

— Сделаем вот что. Вы отступали вдоль Манящей гряды. Наверняка она охраняется банбекскими патрулями. Значит, незаметно для них ты можешь повернуть к Перевалам Отчаяния, например, в Турмалиновую седловину. И вот почему: Джоаз решит, что ты возвращаешься в Счастливый Дол, и поспешит на юг — к Клыку, чтобы напасть, как только наша армия спустится с Манящей гряды. И когда враг окажется под Турмалиновой седловиной, ты атакуешь его. Силы Джоаза Банбека будут разгромлены!

Баст Гивен решительно отверг это предложение:

— А если его патрули раскроют наш маневр? Достаточно двинуть войска следом за нами, и мы окажемся в ловушке. С Турмалиновой седловины можно попасть только к пику Отчаяния и на Заоблачную возвышенность. На возвышенности банбекские Забулдыги в несколько минут разобьют нас наголову.

Карколо бессильно опустился на диван:

— Возвращай армию в Счастливый Дол. Будем ждать другого случая.

6

От высеченного в южном склоне обширного помещения, именуемого Залом Кергана, веяло глубокой древностью. Пропорции зала, скудные украшения, массивная деревянная мебель напоминали о давних временах, так же как и характерный запах, исходящий от голых каменных стен, окаменелого меха, покрывающего паркет, и старого дерева. Джоаз не любил этот затхлый аромат — как, впрочем, и все остальное в Зале Кергана. Размеры комнаты вызывали в нем мысль о чванстве, а бедность украшений — мысль если не о жестокости, то, по крайней мере, о грубости хозяина. Но однажды он понял, что не любит не столько эту комнату, сколько самого Кергана Банбека вместе с окружающими его имя легендами. Тем не менее в комнате было на что посмотреть. Три высоких окна — множество стеклянных квадратов, вставленных в решетку из черного железного дерева, — выходили на долину, подобным же образом был инкрустирован потолок. Здесь можно было

увидеть и несколько вычурных украшений, типичных для архитектуры Банбеков, например, капители на пилястрах, выполненные в форме голов химер, и фризy, декорированные традиционными листьями папоротника... Из мебели в Зале Кергана стояли только три высоких резных стула да тяжелый полированный стол темного дерева — и стол, и стулья необычайно старые.

Джоаз Банбек нашел применение этой комнате, разместив на столе рельефную карту местности в масштабе примерно один к двадцати одной тысяче, выполненную в мельчайших подробностях. В центре находилась сама Банбекская Долина, справа от нее Счастливый Дол, а между ними, окруженные ущельями, разломами, утесами и расщелинами, высились пять исполинских гор: гора Гетрон на юге, Бархский Шип, Клык, гора Спокойствия на севере и пик Отчаяния где-то посредине. Большая осыпь у горы Гетрон упиралась в Заоблачную возвышенность, которая, огибая с востока пик Отчаяния, протянулась до самого Бархского Шипа. К западу, между пиком Отчаяния и Бархским Шипом, окруженное Сканзским кряжем лежало плато Сканз, с севера ограниченное сбросами базальта у подножия горы Спокойствия.

Пока Джоаз изучал карту, в зал проскользнула Фейд и бесшумно подкралась к нему. Банбек, не оборачиваясь, узнал о ее присутствии — по запаху ладана, в дым которого она окунулась перед тем, как идти на поиски Джоаза. Фейд была одета в традиционные праздничные одежды девушек селения — плотно облегающее платье, сшитое из драконьих кишок, и коричневые меховые браслеты на шее, локтях и коле-

нях, из-под высокого цилиндра с зубчатым верхом и красным плюмажем выбивались пряди густых каштановых волос.

Джоаз притворился, что не замечает девушку. Та осторожно подошла сзади и меховым браслетом пощекотала его шею, но Банбек демонстративно оставался равнодушным. Фейд, поняв его игру, обиженно надула губки.

— Как идет война? Нас всех убьют? — спросила она.

— Для Банбекской Долины все оборачивается как нельзя лучше. Для бедолаги Эрвиса и Счастливого Дола — как нельзя хуже.

— Вы собираетесь уничтожить его? — театральным голосом воскликнула Фейд. — Убийца! О, несчастный Эрвис!

— Ну, каждому по заслугам.

— А что ожидает Счастливый Дол?

Джоаз Банбек пожал плечами.

— Перемены к лучшему.

— И вы станете его правителем?

— Только не я.

— Отчего же? — прошептала Фейд. — Джоаз Банбек, владыка Банбекской Долины, Счастливого Дола, Фосфорного Ущелья, Глоура, Карового озера, Тайного Пристанища и Великой Северной Низины!

— Это не для меня, — повторил Джоаз. — Может быть, ты хочешь стать правительницей?

— А в самом деле! Я тут наведу порядок! Жрецов одену в красные и желтые ленты, велю им петь, танцевать и пить майское вино. Драконов сошлю на юг, в Аркадию, оставлю лишь нескольких Злыдней —

у кого характер помягче: будут няньками при младенцах. И никаких кровопролитий. Я сожгу доспехи и сломаю мечи. Я...

— Моя милая стрекозка! — рассмеялся Джоаз. — Как быстро окончится твое правление!

— Почему? Почему оно не может продолжаться вечно? Если люди не хотят воевать...

— А когда прилетят Породители, ты повесишь гирлянды им на шею?

— Фу, они не вернутся. Какое им дело до горстки бедных деревушек?

— Никто не знает, что им нужно. Мы свободные люди... Возможно, последние свободные люди во Вселенной, это неведомо никому. Вернутся ли Породители?.. Не знаю, — Коралайн сияет ярко.

Фейд посмотрела на карту.

— И ваша нынешняя война — это просто ужасно. Вы будете нападать или защищаться?

— Все зависит от Эрвиса Карколо. Я жду, пока он выдаст себя. — Взглянув на карту, Джоаз добавил: — Карколо достаточно умен, чтобы напакостить мне. Если я не буду начеку.

— А вдруг вы начнете драться с Эрвисом, и тут прилетят Породители?

— Тогда мы все убежим к осыпи, — улыбнулся Банбек. — Или примем бой.

— Я буду сражаться рядом с вами, Джоаз, — провозгласила Фейд, воинственно вздернув подбородок. — Мы нападём на их большущий корабль, прорвемся сквозь тепловые лучи и электрические разряды. Мы пробьемся к самому люку и дадим по носу первому же грабителю, который посмеет высунуть его!

— У твоей стратегии есть одно слабое место, — заметил Джоаз. — Никто не знает, где у Породителя нос.

— Тогда мы схватим их... — Она осеклась, услышав какой-то звук.

Джоаз пересек комнату и распахнул дверь. Привратник Райф бочком скользнул внутрь.

— Вы просили позвать, когда бутылка перевернется или разобьется, — сказал он. — Случилось и то, и другое.

Банбек протиснулся мимо него и убежал.

— Что вы имели в виду? — поинтересовалась Фейд.

Райф раздраженно пожал плечами:

— Я знаю столько же, сколько и ты. Господин Банбек показал мне бутылку и велел: «Следи за ней днем и ночью. Если она перевернется или разобьется — немедленно позови!» Я решил, что это синекура какая-то. Думаю, Джоаз считает меня таким дряхлым, что только эта работа мне по силам. Наблюдать за бутылкой, ха! Да, я стар, и губы у меня дрожат, но из ума я еще не выжил... И что ты думаешь? Бутылка разбилась! На пол упала... Не знаю, что это означает, но я поспешил за господином Банбеком.

Фейд засуетилась:

— Где стояла бутылка?

— Около кабинета.

Выбежав из комнаты так быстро, как это позволяло узкое платье, девушка пронеслась по извилистым коридорам, через мост пересекла Дорогу Кергана и побежала вверх по склону — к резиденции Банбека.

На полу приемной валялись осколки стекла. В кабинете Фейд недоуменно остановилась. Никого и ни-

чего. Лишь книжный стеллаж отодвинут от стены. Бесшумно подкравшись к нему, девушка обнаружила потайной ход, тихо спустилась в мастерскую и увидела странную сцену.

Джоаз стоял в небрежной позе и холодно улыбался, а у противоположной стены Жрец тщетно пытался сдвинуть какой-то неподъемный груз, находящийся на месте верстака. Наконец, оставив свои потуги, обнаженный человек мельком глянул на Джоаза и направился к лестнице в кабинет. Фейд отпрянула. Поднявшись, Жрец пошел к выходу.

— Секундочку, — сказал Джоаз. — Я хочу поговорить с тобой.

Жрец остановился и повернул голову к Банбеку. Несмотря на худобу, он был почти прекрасен — молодое, чистое лицо с бледной, будто прозрачной, кожей, голубые, чуть навывкате глаза, глядящие куда-то в пространство; струящиеся до самой талии светло-каштановые волосы...

Развалясь в кресле, Джоаз низким угрожающим голосом произнес:

— Не очень-то ты вежлив, я погляжу.

Это было утверждение, а не вопрос, поэтому Жрец промолчал. Его тонкие руки нервно подрагивали.

— Располагайся, — Джоаз указал на скамейку. Ты многое должен мне объяснить.

В самом ли деле искорка веселья вспыхнула в глазах нагого человека, или это только померещилось Фейд? Как бы то ни было, Жрец опять промолчал. Джоаз, вспомнив о манерах общения со Жрецами, поинтересовался:

— Не желаешь ли присесть?

— Это несущественно, — ответил Жрец. — Если я стою сейчас, то буду стоять и дальше.

Джоаз поднялся, обошел Жреца и, неожиданно толкнув скамейку под узловатые колени, вынудил гостя опуститься на нее.

— Если ты сидишь сейчас, то с таким же успехом можешь сидеть и дальше, — заметил Джоаз.

Жрец невозмутимо встал:

— Я постою.

— Как знаешь, — пожал плечами Банбек. — Я должен задать тебе несколько вопросов. Надеюсь, ты будешь отвечать охотно и точно. — Жрец по-свиному моргнул. — Договорились?

— Разумеется. Хотя я бы предпочел уйти отсюда тем же путем, каким пришел.

— Во-первых, — начал Джоаз, пропуская его слова мимо ушей, — что тебе понадобилось в моем кабинете?

— Твой язык непонятен мне, — вкрадчиво, словно разговаривая с ребенком, ответил незванный гость. — И я в затруднении, поскольку давал обет и должен правдиво отвечать на любой вопрос.

Джоаз вернулся к своему креслу.

— А ты не торопись, у меня много времени... С твоего позволения я изменю вопрос: существовали ли объяснимые причины, вынудившие тебя прийти в мой кабинет?

— Да.

— Сколько было этих причин?

— Не знаю.

— Больше одной?

— Может быть.

— Меньше десяти?

— Не знаю.

— Хм... Ты неуверен в точном количестве, да?

— Нет.

— Тогда почему ты не можешь определить их число?

— Такого числа нет.

— Понимаю, понимаю... Другими словами, основная причина, которая заставила твой мозг отдать приказ ногам, чтобы те привели тебя сюда, состояла из нескольких маленьких?

— Вероятно.

Тонкие губы Джоаза изогнулись в победной улыбке.

— Ты можешь рассказать о составных частях этой главной причины?

— Да.

— Слушаю тебя.

Все известные Джоазу формы принуждения — огонь, железо, побои, голод — для Жреца являлись не более, чем вынужденным неудобством; он не обращал на них внимания, словно те и не существовали вовсе. Единственной реальностью для него был его собственный внутренний мир, поэтому любое содействие или противодействие поступкам Обыкновенных людей не имело смысла. Недеяние и честность — вот что являлось смыслом жизни Жрецов. Понимая это, Джоаз спросил:

— Знаешь ли ты хотя бы один элемент причины, побудившей тебя придти сюда?

— Знаю.

— Что это за элемент?

— Желание прогуляться.

— Известен ли тебе какой-нибудь другой элемент?

— Да.

— Какой же?

— Желание размяться, гуляя.

— Ага... Ты намеренно увиливаешь от прямого ответа?

— Я просто отвечаю тебе — как ответил бы любому, кто захочет что-либо узнать. Таков закон, поэтому бессмысленно говорить об увиливании.

— Тем не менее, твои ответы меня не удовлетворяют.

Жрец промолчал. Его зрачки немного расширились.

— Ладно, — вздохнул Джоаз. — Знаешь ли ты еще какой-нибудь элемент этой многосложной причины?

— Знаю.

— Какой?

— Меня интересовали старинные вещи. Я хотел осмотреть реликвии древнего мира в твоём кабинете.

Джоаз поднял брови.

— Вот как? Я рад, что обладаю таким сокровищем. Какие именно старые вещи интересовали тебя?

— Книги. Карты. Глобус Древнего мира.

— Древнего мира? Рая, что ли?

— Это одно из его названий.

Джоаз облизнул губы.

— Итак, ты хотел осмотреть реликвии. Пусть. Были ли другие мотивы?

Мгновение Жрец колебался.

— Меня попросили придти сюда.

— Кто?

— Верховный.

— Зачем?

— Не знаю.

— Но предположить-то ты можешь?

— Могу.

— Что это за предположения?

Жрец слегка шевельнул пальцами руки.

— Возможно, собираясь стать одним из Обыкновенных людей, Верховный желает изучить основы вашей жизни. Возможно, Верховный собирается изменить правила торговли с вами. Возможно, Верховный заинтересовался моим рассказом о реликвиях. Возможно, Верховного интересует, насколько точно сфокусирована ваша удивительная система наблюдения. Возможно...

— Достаточно. Какое из этих и множества других предположений, ты считаешь наиболее вероятным?

— Никакое.

Брови Джоаза вновь поползли вверх.

— Почему же?

— Поскольку можно сделать любое количество предположений, то знаменатель вероятностного отношения является величиной переменной, и, следовательно, все выражение — арифметически бессмысленно.

Джоаз устало потер лицо.

— Какое из предположений, пришедших тебе на ум в эту секунду, ты считаешь наиболее вероятным?

— Полагаю, Верховный мог подумать, что мне было бы полезно придти сюда и постоять.

— И чего ты этим добьешься?

— Ничего.

— Значит, Верховный послал тебя не за этим.

Нет ответа. Тщательно взвешивая каждое слово, Джоаз спросил:

— Чего ты, по мнению Верховного Жреца, можешь добиться, стоя здесь?

— Полагаю, он хочет, чтобы я научился образу мыслей Обыкновенных людей.

— И как успехи?

— Не большие.

— Чем это поможет тебе?

— Не знаю.

— Сколько раз ты посещал этот кабинет?

— Семь.

— Почему именно ты приходил сюда?

— Мой танд одобрен синодом. Вероятно, я стану Верховным.

— Завари-ка чайку, — бросил Джоаз девушке и вновь обратился к Жрецу: — Что такое танд?

Жрец глубоко вздохнул.

— Мой танд — это отображение моей души.

— Хм-м-м... И на что он похож?

На лице Жреца появилось недоуменное выражение.

— Это нельзя описать словами.

— У меня есть танд?

— Нет.

Джоаз пожал плечами.

— Откуда ты знаешь? Выходит, ты умеешь читать мои мысли.

Молчание.

— Ты умеешь читать мои мысли?

— Плохо.

— А зачем ты читаешь мои мысли?

— И вы, и мы живем в одной Вселенной. Раз нам не разрешено действовать, мы имеем право знать.

— Какой прок от знаний, если вы не в состоянии действовать? — ухмыльнулся Джоаз.

— События подчиняются определенной целесообразности — как вода, скапливающаяся в углублении, образует лужу.

— Ах, вот как! — внезапно разозлился Джоаз. — Значит, эта ваша доктрина не разрешает вам ни во что вмешиваться, но позволяет, следуя «целесообразности», создавать условия, которые влияют на события. Я правильно понимаю?

— Не уверен. Мы просто ни во что не вмешиваемся.

— И все же, у твоего Верховного должен быть какой-то план, раз он послал тебя сюда, не так ли?

— Ничего не могу сказать.

Джоаз переменял тему:

— Куда ведет тоннель из мастерской?

— В пещеру.

Фейд расставила перед Джоазом серебряный чайный набор. Банбек налил чаю, машинально отхлебнул. В этой странной беседе таились бесчисленные вариации. Он и Жрец играли в «кошки-мышки»: спокойствию и уклончивости Жреца Джоаз противопоставлял терпение и настойчивость; Жрец был вынужден говорить только правду, Джоаз,

в свою очередь, не знал, чего добивается, какая награда ждет его в результате. Он брел в потемках... «Ладно, продолжим, — решил Банбек. — Посмотрим, чья возьмет». Он предложил Жрецу чаю. Тот едва мотнул головой — очевидно, отказываясь. Джоаз пожал плечами.

— Будь добр, когда захочешь пить или есть — скажи мне. Я настолько рад нашей беседе, что боюсь показаться невнимательным. Уверен, ты непрочь присесть.

— Нет.

— Воля твоя. Что ж, вернемся к пещере, о которой ты упоминал. Жрецы живут в ней?

— Не понимаю твоего вопроса.

— Жрецы используют эту пещеру?

— Да.

Слово за словом Джоаз вытягивал из собеседника информацию. Пещера сообщается с целой системой залов, где Жрецы плавят металл, льют стекло, едят, спят и совершают обряды. Когда-то из этих залов можно было попасть в Долину, но выход давным-давно замурован. Почему? В Скоплении шла война; кучка потерпевших поражение людей прилетела на Небесный Булыжник и нашла убежище в ущельях и долинах; Жрецы же предпочитали затворническую жизнь, поэтому и скрыли существование пещер. Где находился выход? Где-то в северной части Долины. За Банбекской Осыпью? Возможно. Однако торговля между людьми и Жрецами ведется в пещере под горой Гетрон — почему? Так привычнее. Кроме того, это удобно для сообщения со Счастливым Долом и Фосфорным ущельем. Сколько Жрецов живет в пещерах? Точно неизвестно — од-

ни умирают, другие рождаются. Сколько их было сегодня утром, примерно? Сотен пять.

К этому времени Джоаз уже охрип, а Жрец пошатывался.

— Вернемся к причине... к элементам причины, побудившей тебя придти в кабинет. Связано ли это со звездой Коралайн и возможным вторжением Породителей — или грефов, как их когда-то называли?

Вновь поколебавшись, Жрец ответил:

— Да.

— Помогут ли нам Жрецы в борьбе против Породителей, если те прилетят?

— Нет, — твердо произнес обнаженный.

— Но, полагаю, Жрецы хотят, чтобы Породители были изгнаны с Булыжника.

Молчание.

— Хотят ли Жрецы, чтобы Породители были изгнаны с Булыжника?

— Целесообразность не велит нам вмешиваться ни в дела людей, ни в дела прочих существ.

Джоаз поморщился.

— Предположим, Породители ворвутся в ваши пещеры и захотят силой увести вас в систему звезды Коралайн. Что тогда?

Казалось, Жрец вот-вот рассмеется.

— На этот вопрос нет ответа.

— Однако вы будете сопротивляться, если они попытаются?

— Не могу ответить.

— Но ответ не отрицательный, а? — захохотал Джоаз. Жрец согласился. — У вас есть оружие?

Бледно-голубые глаза Жреца потускнели, но от усталости ли? Или он хочет что-то скрыть? Джоаз повторил вопрос.

— Есть. — Колени Жреца затряслись, но он унял дрожь.

— Что это за оружие?

— Множество разновидностей. Метательное: камни. Колющее: заостренные палки. Режущее и испаряющее: кухонная утварь... — Его голос начал стихать. — Яды: мышьяк, сера, кислота, черные споры. Сжигающее оружие: факелы и линзы, фокусирующие солнечный свет. Удушающее: веревки, арканы, стропы, канаты. Бочки, чтобы сбрасывать в них врагов...

— Сядь и передохни, — посоветовал Джоаз. — Это очень интересно, но я сомневаюсь в эффективности всего этого. Есть ли у вас оружие, с помощью которого можно наверняка отбить атаку Породителей?

Вопрос, сознательно или случайно попавший в яблочко, повис в воздухе. Жрец медленно опустился на колени, словно молясь, пал ничком, повернулся на бок... Прыгнув вперед, Джоаз рывком поднял его голову за волосы. Приоткрытые глаза Жреца были как две ледышки.

— Говори! — выкрикнул Банбек. — Отвечай на последний вопрос! Есть ли у вас средство или средства против нападения Породителей?!

Мертвенно-бледные губы дрогнули:

— Не знаю...

Нахмурившись, Джоаз посмотрелся в восковое лицо

Жреца и отпрянул в замешательстве:

— Этот человек мертв... — прошептал он.

7

— Ты убил его! — в ужасе закричала Фейд. С пунцовым лицом, с растрепанными волосами, она забилась в угол дивана.

— Нет. Он просто умер... или убил себя.

Девушка встала и нерешительно подошла к Джоазу, но тот, погруженный в свои мысли, словно не замечал ее. Нахмурившись, Фейд пожала плечами и, поскольку Банбек по-прежнему не обращал на нее внимания, покинула мастерскую.

Джоаз сел, не отрывая взора от распростертого на полу тела, и пробурчал себе под нос:

— Все было в порядке, пока я не подобрался к тайне...

Он резко встал, вышел в приемную и послал Райфа за цирюльником.

Через час, остриженный и накрытый простыней, труп лежал на кушетке в кабинете, а Джоаз вертел в руках наспех сделанный парик. Цирюльник, окончив работу, удалился; слуги унесли труп.

Оставшись один, Джоаз нервно стянул с себя всю одежду, напялил парик и посмотрелся в зеркало. Вроде похож. Но чего-то не хватает... Ожерелье. Джоаз повесил его на шею и придиричливо оглядел свое отражение. Затем спустился в мастерскую, поколебавшись, разобрал завал и осторожно

поднял каменную плиту, закрывающую вход в тоннель. Встал на колени, он заглянул в отверстие. Там было темно, хоть глаз выколи, поэтому Джоаз принес стеклянный сосуд с фосфоресцирующей плесенью. В тусклом свете тоннель казался пустым. Подавив страх, Джоаз проскользнул в отверстие и крадучись двинулся по тесному коридору. Нервы его дрожали от напряжения. Время от времени он останавливался, но все было тихо, если не считать биения его собственного сердца. Ярдов через сто тоннель перешел в естественную пещеру, тянущуюся на север — вдоль долины. На стенах едва тлели редкие люминесцентные трубки. Джоаз замер, напрягая слух, и вновь двинулся вперед, поминутно останавливаясь и прислушиваясь.

Жрецы были тихим, мирным народом... Но народом загадочным — как они воспримут его бесцеремонное вторжение?

Пещера вела то вверх, то вниз; то сужалась, то расширялась. Встречались следы человеческой деятельности — выдолбленные в скале тесные кельи, освещенные канделябрами из длинных трубок, наполненных каким-то светящимся веществом. В двух кельях Джоаз увидел Жрецов: один спал на тростниковой циновке, второй сидел, подобрав под себя ноги, и неотрывно глядел на какой-то клубок металлической проволоки. Незамеченный, Банбек с еще большей осторожностью продолжал путь.

Тоннель круто пошел под уклон, расширился и неожиданно вывел его в пещеру столь огромную, что поначалу Джоаз решил: он оказался на поверхности, и вокруг стоит беззвездная ночь. Несмотря на бесчисленные лампы, свечи и

осветительные сосуды высоченный потолок терялся во мраке. Слева стояли плавильные печи, кузнецы ковали металл; справа виднелись ряды тюков и ящиков. А чуть дальше высилась громадная, потрясающая воображение конструкция, сваренная из труб — вокруг нее работало множество Жрецов.

Тут Банбек впервые увидел их женщин — не фей и не отвратительных ведьм, как утверждали легенды. Подобно мужчинам, они были хрупкого телосложения, медлительны и скупы на жесты. Подобно мужчинам, единственной одеждой им служили длинные, струящиеся до самой талии волосы. Доносились обрывки разговоров, но ни разу Джоаз не услышал смеха — здесь царила атмосфера спокойствия и сосредоточенности. В пещере ощущался дух времени: каменный пол был отполирован бесчисленным количеством босых ног, стены хранили следы дыхания многих поколений.

На Джоаза никто не обращал внимания.

По-прежнему держась в тени, он скользнул к ящикам. Чуть дальше пещера переходила в широкий извилистый коридор — кажущийся бесконечным в зыбкой дымке.

Джоаз обошел всю пещеру. Где же арсенал? Где загадочное оружие, чье существование Жрец бесспорно подтвердил своей смертью? Он задрал голову, пытаясь разглядеть металлическое сооружение, возвышающееся над полом футов на пятьдесят. Странная конструкция — он никак не мог понять ее назначение. Впрочем, все в этой пещере казалось необычным... Оружие? Оно может быть где угодно. Но продолжать поиски Джоаз не решился. Он увидел все, что

можно было увидеть, не рискуя обнаружить себя.

Той же дорогой Банбек пошел по темному тоннелю, мимо келии — по-прежнему один Жрец спал, а другой таращился на проволочный клубок — дальше и дальше от пещеры...

Где же выход? Неужели он забрел так далеко? А вдруг он прошел мимо отверстия и не заметил? Что же теперь, возвращаться?.. В душе Джоаза медленно росла паника, но он двигался вперед, внимательно глядя по сторонам. Нет, все правильно: вот он, знакомый поворот. Подняв над головой осветительный сосуд, Банбек скачками понесся по коридору.

И тут, точно из-под земли, перед ним вырос бледный призрак.

Джоаз встал как вкопанный и прижался спиной к стене; исполинский силуэт шагнул вперед, навис над ним... и внезапно съежился до человеческих размеров. Это был тот самый молодой Жрец, труп которого Джоаз обрил и оставил наверху. Бледно-голубые глаза Жреца светились упреком и презрением.

— Отдай ожерелье.

Негнушимися пальцами Джоаз отстегнул золотые бусы. Жрец взял их, но на шею вешать не стал. Он взглянул на волосы, тяжелыми локонами ниспадающие на плечи Джоаза. Глупо улыбаясь, Джоаз снял парик и протянул Жрецу, но тот резко отпрянул, словно Банбек вдруг превратился в пещерного гоблина, обошел его, прижимаясь спиной к противоположной стене коридора, и бросился бежать.

Джоаз разжал пальцы; парик отвратительной кучкой во-

лос упал на пол. Посмотрев вслед мертвенно-бледной фигуре, вскоре растворившейся во тьме, он медленно продолжил свой путь.

Квадрат света — вход в мастерскую. Он вернулся в реальный мир.

Торопливо загнав на место камень, Джоаз навалил сверху всякий хлам. Его одежда лежала там, где он ее бросил; кое-как одевшись, Банбек выглянул в приемную и щелкнул пальцами:

— Эй, Райф! Позови каменщиков. Пусть возьмут с собой цемент, кирпич и стальные штыри.

Потом он принял ванну — несколько раз намыливая все тело пахучей эмульсией и ополаскиваясь. Потом провел каменщиков в мастерскую и велел замуровать вход в пещеру. Потом прилег на диван и, попивая вино из бокала, позволил себе расслабиться.

Поразмыслив о том, о сем, Джоаз задремал.

Вновь он оказался в тоннеле. Легкий как пух, он плыл по коридору, а Жрецы в кельях поднимали головы и глядели ему вслед. Он миновал огромную пещеру, оставил позади печи, наковальни, работающих в поте лица кузнецов, чаны с расплавленным металлом, над которыми поднимался синий дымок, реторты, извергающие фонтаны искр... За поворотом он увидел высохшего старца, сидящего в каморке; грива его белых как снег волос ниспадала до самого пояса, голубые глаза казались бездонными. Жрец глухо сказал что-то, но слов было не разобрать. Он заговорил снова, и голос его эхом отозвался в мозгу Джоаза:

— Я призвал тебя для того, чтобы предупредить: ты ни-

чего не выиграешь, причиняя нам вред. Оружие, которое ты ищешь, существует лишь в твоём воображении. Забудь о нём.

Джоаз с трудом разделил губы и выдавил из себя:

— Ответ молодого Жреца не был отрицательным. Оружие существует на самом деле!

— В определенном смысле. Но юноша отвечал буквально; к тому же он привык, чтобы спрашивающий относился к нему благожелательно... Мы хотим остаться в стороне. Вам, Обыкновенным людям, не введома чистота помыслов; вы всюду ищете выгоду, но на деле лишь копошитесь во мраке, словно крысы. А я вынужден унизиться до беседы с тобой, пока ты не наломал дров. Уверяю тебя: это так называемое оружие — совсем не то, что ты думаешь.

Поначалу устыдившись, Джоаз пришел в негодование:

— Ты что, не понимаешь, о чем я пекусь? Коралайн близко, Породители рядом... Разве вы не люди? Почему вы не хотите помочь нам, не хотите защитить планету?

Верховный покачал головой; с завораживающей медлительностью колыхнулась грива седых волос.

— Недеяние, стремление к совершенству — вот что такое Целесообразность. А это предполагает уединенность, чистоту, покой и мир. Можешь ли представить себе ту боль, которая ожидает меня после нашего разговора? Я вмешиваюсь в ход событий, я влияю на них, испытывая невыносимые душевные муки. Необходимо положить этому конец. Мы никому не причинили вреда, никого не оскорбили и, следовательно, ничего не должны за то, что посещали твой кабинет. А ты за свое посещение уже заплатил — походя

унизил благородного юношу. Будем считать, что мы квиты. Впредь никто не станет подглядывать друг за другом. Договорились?

Не прилагая никаких усилий, чтобы заговорить, Джоаз, тем не менее, услышал свой голос — вопреки ожиданию дрожащий и гнусавый:

— Ты предлагаешь это после того, как узнал все мои секреты, а я по-прежнему ничего не знаю о ваших!

Суровое лицо Верховного заколыхалось. Прочитав презрение в его глазах, Джоаз вздрогнул и попытался говорить спокойно и рассудительно:

— И ты, и я — люди, подумай об этом. Неужели мы не поймем друг друга? Давайте обменяемся нашими тайнами, давайте поможем друг другу. Если хочешь, изучи на досуге мои архивы, а взамен позволь мне осмотреть это существующее ненастоящее оружие. Клянусь, оно будет использовано только для защиты от Порождений!

Глаза Верховного сверкнули.

— Нет.

— Но почему?! Неужели ты хочешь нашей гибели?

— Мы безучастны. Мы ни во что не вмешиваемся. Мы ждем, пока ваша раса вымрет. Вы, Обыкновенные люди — остатки рода человеческого. Вместе с вами исчезнут ваши темные мысли и грязные поступки. Убийства, боль, жестокость канут в небытие.

— Не верю! — выкрикнул Джоаз. — Может, в Скоплении людей и не осталось, но чтобы во всей Вселенной?.. Старый Порядок простирался очень далеко! Рано или поздно человек вернется на Небесный Булыжник.

— Думаешь, я выдаю желаемое за действительное? — нараспев проговорил Верховный. — Ты сомневаешься в наших знаниях?

— Вселенная огромна. Старый Порядок простирался очень далеко.

— На Булыжнике обитают последние отпрыски рода человеческого, — повторил Верховный. — Жрецы и Обыкновенные люди. Когда вы исчезнете, мы гордо понесем знамя Целесообразности сквозь бесконечную Вселенную.

— А как вы собираетесь достигнуть небес? — осведомился Джоаз. — Ползете к звездам, как по скалам, голышом?

— Средства найдутся. У нас много времени.

— Ну да, ваши планы потребуют очень много времени. Ведь и на планетах Коралайн живут люди. Порабощенные, изуродованные телом и душой, но люди. Как быть с ними? По-моему, ты в самом деле ошибаешься — не знание, а слепая вера ведет тебя.

Верховный молчал, лицо его было каменным.

— Разве это не очевидно? — продолжал Джоаз. — Как ты увяжешь это со своей верой?

— Подчас факты никак не увязываются с верой. А наша вера учит, что эти люди тоже исчезнут. Время терпит... О сияющие миры! Они ждут нас!

— Понятно, — вздохнул Джоаз. — Вы — союзники Порождений, вы только и ждете, чтобы нас уничтожили. Боясь, Эрвис Карколо был прав, а я ошибался.

— Мы ни во что не вмешиваемся. — Лицо Верховного колыхалось в разноцветных тенях. — Не помогая и не ме-

шая, мы останемся бесстрастными свидетелями ухода Обыкновенных людей.

— Вера, Целесообразность, или как вы там это называете — завела вас в тупик. Предупреждаю: если Жрецы не помогут нам, они погибнут точно так же, как люди!

— Мы пассивны. Мы безучастны.

— А как же ваши дети?.. Породителям все равно, кто будет томиться в их клетках — люди или Жрецы. Так почему мы должны защищать вас?

Лицо Верховного отдалилось, скрываясь в клочьях тумана. Его глаза казались двумя гнилушками.

— Нам не нужна защита, — тягуче проговорил он. — Мы в безопасности.

— Вы разделите нашу судьбу! — выкрикнул Джоаз. — Обещаю тебе!..

Тело Верховного превратилось то ли в сморщенную кожуру, то ли в высохший панцирь дохлого насекомого.

Джоаз опрометью бросился назад, вернулся в мастерскую, пробежал через кабинет... и очутился на диване в своей спальне. Во рту у него пересохло, горло распухло.

В дверь просунулась голова Райфа.

— Вы звали, господин Бамбек?

Приподнявшись на локте, Джоаз огляделся.

— Нет, не звал.

Райф исчез. Вновь откинувшись на подушки, Джоаз уставился в потолок. Какой странный сон! Сон ли? Или действительно был разговор со Жрецом? Узнать невозможно. Да и не к чему: события идут своим чередом. Джоаз надел сандалии и подбитый желтым мехом халат, поднялся в зал со-

вещаний и вышел на залитый солнцем балкон.

Было далеко за полдень; под западным склоном сгущались тени. Никогда прежде Долина Банбек не казалась ему такой богатой и плодородной... и такой призрачной — словно Джоаз был пришельцем с другой планеты. Посмотрев на высокий скальный кряж, обитель Жрецов, вздымающийся у северного края долины — столь же нереальный как и вся долина — он прикинул, где может находиться огромная пещера. По сравнению с ней скалы выглядели просто игрушечными.

Джоаз перевел взгляд на тренировочный загон, где бодро маршировали Забулдыги, отрабатывая оборонительные приемы. Сколь удивительна жизнь, произведшая на свет Породителей и Забулдыг, Жрецов и самого Банбека! Джоаз вспомнил об Эрвисе Карколо и почувствовал раздражение. Как не вовремя этот тип путается под ногами! Что ж, наступит час, когда он получит сполна.

Легкие шаги за спиной, прикосновение меха, ласковые руки, запах ладана. Джоаз расслабился. Если бы девушек-менестрелей не существовало, их следовало бы выдумать.

Глубоко под Банбекским откосом, в келье, освещенной канделябром из двадцати трубок, сидел обнаженный седовласый человек. На специальном возвышении, на уровне глаз, был установлен его танд — хитросплетение золотой проволоки и серебряных нитей, скрученных и изогнутых, казалось, безо всякой системы. Но это только казалось. Каждый изгиб символизировал отдельный аспект Последнего Изречения, тень на стене представляла собой отражение Це-

лесообразности — вечно изменяющейся и вечно неизменной. Священный танд являлся источником просветления, постижению его не было предела. Прежде незамеченные соотношения между углом наклона и кривизной проволочного узора наталкивали на новые размышления. Каждое соединение, переплетение, каждый изгиб проволоки имел свое наименование; любой завиток этого клубка был продуман и классифицирован. Таков культ танда, культ абсолютной истины, культ созерцания и внутренней чистоты. Когда молодой Жрец достигает зрелости, он, сколь угодно долго изучив оригинал танда, должен воссоздать его, полагаясь только на свою память. Затем происходит самое важное событие в жизни юноши: его танд осматривается синодом. Час за часом, неподвижные, словно зловещие статуи, разглядывают Жрецы замысловатое творение, подмечая малейшие отличия в пропорциях, изгибах и переплетениях. Таким образом они определяют, достоин ли Жрец посвящения, так они судят о его понимании Последнего Изречения, Целесообразности и Основы Сущего. Подчас представленный к рассмотрению танд выявляет личность столь испорченную, что она не имеет права находиться среди Жрецов. В этом случае неудачное творение идет в переплавку и выбрасывается в отхожее место, а отверженный отправляется в изгнание на поверхность планеты.

Разглядывая собственный безукоризненный танд, Верховный Жрец ерзал и горестно вздыхал. У него было такое ясное и отчетливое видение, такое кошмарное и одновременно успокаивающее, что старческий рассудок едва не помутился. Темные струйки сомнения проникли в мозг. «Воз-

можно ли, — спрашивал он себя, — что мы, не желая того, сошли с пути истинной Целесообразности? Не смотрим ли мы на танд незрячими глазами?.. Однако нельзя же отрицать неотрицаемое... Как найти истину, как?! Да, ортодоксальность удобна и проста... Но из всех утверждений почему-то именно догматы — наиболее туманны, тогда как недомолвки наиболее реальны»...

В двадцати милях от Долины Банбек, в долгих сумерках Небесного Булыжника, Эрвис Карколо строил свои планы. «Дерзким, сокрушительным ударом я поражу врага в самое сердце и уничтожу его! Я превосхожу Банбека в смелости, выносливости и решительности. Больше ему не одурачить меня, не погубить моих людей и драконов. О, Джоаз Банбек, как я отплачу тебе за этот подлый трюк! — Он замолотил воздух кулаками. — Джоаз Банбек, трусливая овца! Я раздавлю тебя, как комок сухого мха!»

Но каким образом? У Банбека преимущество во всем... Нахмурившись и потирая пухлый подбородок, Карколо обдумал возможные варианты стратегии: «Несомненно, он ждет моей атаки, но вряд ли еще раз решится на засаду. Поэтому я разошлю патрули по всем направлениям, чтобы знать, где находится Джоаз... Впрочем, этого он тоже ждет и наверняка затаится... Но где? За Пиком Отчаяния? Под Северной Стеной, чтобы напасть, когда я буду пересекать Сканз? Значит, надо идти другим путем — Тропой Слез, мимо горы Гетрон. Таким образом, если Джоаз будет медлить, я встречу его на Банбекском обрыве, а если поторопиться — нападусь среди скал!»

8

Еще не утихла утренняя буря, а войско Счастливого Дола во главе с Эрвисом Карколо выступило в боевой поход. Вспышки молний освещали дорогу. Когда первые лучи солнца коснулись Пика Отчаяния, армия уже вступила на Тропу Слез. Карколо ликовал: пока все идет отлично. Поднявшись в седле, он устремил взор на Заоблачную возвышенность. Никаких следов банбекского войска! Он ждал, зорко вглядываясь в чернеющую на фоне неба дальнюю оконечность Северной Стены. Прошла минута, другая. Люди хлопали себя по бедрам, пытались согреться, драконы раздраженно шипели и рычали. Нетерпение кольнуло сердце Карколо, он заерзал и выругался: неужели так трудно выполнить простое задание?! Наконец, у подножья Бархского Шипа вспыхнул сигнал гелиографа, а чуть погодя — другой, на юго-восточном склоне горы Гетрон. Карколо махнул рукой: дорога через Заоблачную возвышенность свободна. Армия Счастливого Дола двинулась дальше. В авангарде шествовали Длиннорогие Убийцы, вооруженные стальными шипами на груди и гребнем стальных пластин вдоль спины. Следом, подобно красной волне, неслись Злыдни, на бегу мотая головами, а позади шли основные силы. Перед войском расстилалась Заоблачная возвышенность — ее пологие склоны были усеяны обломками кремниевых метеоритов, ярких, как цветы на грязно-зеленом мхе. Заснеженные вершины горы Гетрон, Пика Отчаяния и Бархского Шипа сияли в лучах восходящего солнца.

Вернувшиеся с разных сторон разведчики принесли од-

ну и ту же весть: никаких следов армии Джоаз Банбека. Карколо обдумал ситуацию. Вероятно, Джоаз считает ниже своего достоинства выходить на поле боя. Эта мысль и разозлила его, и одновременно наполнила восторгом: Банбек дорого заплатит за свое высокомерие!

На пути через возвышенность войско обнаружило небольшой загон, в котором резвились сотни две Демонят из банбекского инкубатора. Два старика и мальчишка, пасущие драконов, с ужасом наблюдали за приближением армии.

Карколо проехал мимо. Если он победит, загон станет одним из его трофеев. А в случае поражения... что ж, Демонята не смогут повлиять на исход битвы.

Стоя на покрытой дерном кровле своей лачуги, пастухи смотрели на проходящее мимо войско: на людей в черных кожаных куртках и остроконечных шлемах с откинутыми бармицами, на шагающих, ползущих, прыгающих драконов... Сверкала разноцветная чешуя: розовая и пурпурная у Злыдней, ярко-синяя у Голубых Ужасов, темно-зеленая у Демонов, серая и коричневая у Забулдыг и Убийц. Карколо ехал на правом фланге, Баст Гивен замыкал колонну.

Охваченный внезапным подозрением, Эрвис остановился: а вдруг Джоаз вывел своих Демонов и Забулдыг на Банбекский Откос, чтобы ударить с тыла? Однако, убедив себя, что его атака застанет неприятеля врасплох, Карколо вновь дал шпоры Пауку.

Безо всяких происшествий армия достигла Банбекского Обрыва. Издав победный вопль, Эрвис сорвал с головы шлем.

— Джоаз, ленивый тюфяк! Давай, полезай на Банбек-

ский Откос! — И он окинул долину победным взором.

Баст Гивен, казалось, не разделял воодушевления командующего — он то и дело угрюмо озирался. Бросив на него косой взгляд, Карколо рассмеялся:

— Ха-ха-ха! Ну, что скажешь? В чем я ошибся?

— Может быть, ни в чем. Может быть, во всем, — ответил тот, оглядывая местность. Карколо сердито подул в усы. Гивен продолжал невозмутимым тоном, который всегда злил Эрвиса: — Боюсь, Джоаз Банбек вновь одурачил нас.

— Это еще почему?

— Сам посуди: неужели он позволит нам беспрепятственно проникнуть в Долину?

— Глупости, — проворчал Карколо. — Последняя удача вскружила ему голову... — Однако он нервно почесал подбородок и с беспокойством взгляделся в долину. Отсюда она казалась странно безмятежной: пустынные поля, покинутые стойла... Сердце Карколо дрогнуло. — Вон там, в инкубаторе — это драконы!

Баст Гивен искоса посмотрел вниз, затем, так же искоса, на Карколо.

— Да. Три яйца Злыдня. — Он выпрямился, потеряв всякий интерес к Долине, и принялся изучать скалы и расщелины на севере и востоке. — Допустим, Банбек выступил еще ночью. По Гладкому Оползню взобрался на Обрыв, быстро обогнул Голубую Вершину...

— А как он преодолел Голубую Расщелину?

— Обошел с севера. Пересек Бархский хребет, Сканиз, обогнул Бархский Шип...

Со все возрастающей тревогой смотрел Карколо на Се-

верную Стену. Что это? Какое-то движение? Блеск чешуи?..

— Отступаем! — взревел он. — К Бархскому Шипу, живо! Они заходят с тыла!

Перепуганное войско в беспорядке ринулось вдоль Банбекского Обрыва. Поняв, что его план раскрыт, Джоаз послал наперехват роту Убийц. Карколо быстро выработал тактику. Своих Убийц он считал лучшими бойцами и очень ими гордился. Поэтому он приказал остановиться, окружить малочисленную ударную группу Банбека, и, уничтожив ее, продолжать движение к Бархскому Шипу. Убийцы Джоаза, однако, не решились вступать в бой, а вскарабкались на высоту у подножья Шипа. Тогда Карколо послал вперед Злыдней и Голубых Ужасов.

Драконы сшиблись с ужасающим рыком. Бросившиеся было в контратаку Злыдни Банбека были встречены Бродячими Убийцами и обращены в бегство. Основные силы Счастливого Дола, воодушевленные паническим отступлением вражеского отряда, развернулись у подножья Бархского хребта и перешли в наступление. Банбекские Злыдни не могли сдержать их — Бродячие Убийцы запрыгивали Злыдням на спины, с ревом опрокидывали и вспарывали розовые животы, не защищенные броней. Длиннорогие Убийцы Джоаза предприняли обходной маневр и ударили с фланга, пронзая Бродячих Убийц рогами и копьями. Но в пылу сражения они проглядели отряд Голубых Ужасов Карколо, спешащий на выручку. Разя направо и налево смертоносными топорами и палицами, Ужасы вскарабкивались на поверженных Убийц Банбека, обламывали им рога и сдирали спинные шипы вместе с чешуей и кожей — от головы до

хвоста.

В этом бою Джоаз потерял тридцать Злыдней и дюжины две Убийц. Несмотря на это, стычка позволила его рыцарям, Демонам и Забулдыгам перекрыть все пути отхода вражеских сил к Бархскому Шипу.

Отступив по всему фронту, Карколо послал шестерых человек к загону, где, испуганные звуками битвы, суетились детеныши драконов. Люди сломали ворота, оттолкнули стариков и подпаса и погнали драконят в сторону банбекского войска. Ведомый инстинктом, детеныш прыгал на шею первого попавшегося дракона и тем самым сковывал его движения, поскольку дракон, тоже подчиняясь инстинкту, не мог отшвырнуть малыша.

Воспользовавшись беспорядком, который внесла эта военная хитрость в ряды вражеской армии, Эрвис Карколо бросил в атаку основные силы. Развернутая веером рота Злыдней напала на людей; Длиннорогие Убийцы, единственный вид драконов, в численности которых Карколо превосходил Джоаза, окружили банбекских Демонов, в то время, как блестящие, пышущие силой Демоны Счастливого Дола — любимцы Эрвиса — кинулись на Забулдыг противника. Они пробегали между ног неповоротливых исполинов и хлестали по их ляжкам хвостами, увенчанными пятидесятифунтовыми шарами. Все смешалось в этой неистовой схватке; людей и драконов повергали наземь, разрубали, рвали на куски. В воздухе стоял свист пуль, звон стали, рев, крики, стоны и предсмертные вопли.

Отсутствие всякой тактики у Карколо дало совершенно

неожиданные результаты. Его Демоны глубоко вклинились в ряды обезумевших банбекских Забулдыг, а Убийцы и Голубые Ужасы успешно сдерживали натиск банбекских Демонов. Сам Джоаз Банбек, атакованный Злыднями, бежал под защиту роты своих Ужасов.

В ярости он протрубил отступление, и армия покинула поле брани, усеянное дергающимися в агонии телами.

Поднявшись на стеменах, Карколо послал в бой Забулдыг, которых до той поры держал в резерве и оберегал как собственных детей. Дрожа и икая от возбуждения, те ринулись в самую гущу сражения, вырывая своими плечевыми отростками громадные куски плоти, растапывая Злыдней, поднимая и отбрасывая в стороны машущих лапами Голубых Ужасов и Убийц. Шестеро рыцарей, пытаясь остановить нападающих, разрядили мушкетоны прямо в оскаленные драконьи морды, но волна Забулдыг поглотила смельчаков...

Однако, когда центр битвы сдвинулся к Заоблачной возвышенности, превосходство войска Счастливого Дола стало сомнительным. Опасность перед превосходящими силами Банбекской долины требовала отойти к Бархскому Шипу, чтобы закрепить временную победу — тем более, что на подмогу банбекским отрядам неся свежий взвод Демонов. Но, опьяненный триумфом, Карколо медлил. Успех вскружил голову его армии... Прискакал Баст Гивен, ожидая приказа отступать, однако Карколо не спешил, наслаждаясь опустошением, произведенным в стане врага шестью Забулдыгами. Помрачнев, Гивен твердо сказал:

— Отступаем. Немедленно! Если Банбек ударит с флангов, нам крышка!

Карколо сжал его локоть:

— Вон там, видишь — взвод Демонов! А там — Джоаз! Как только Демоны атакуют, брось на Банбека по шесть Бродячих Убийц с каждой стороны и уничтожь его!

Гивен открыл было рот, чтобы возразить, но, мельком глянул в ту сторону, куда указывал командующий, усккал выполнять приказ.

Поднявшись в седле, Джоаз Банбек следил за осторожным продвижением своих Демонов, когда на него кинулись невесть откуда взявшиеся Бродячие Убийцы, размахивая мечами и палицами. Опрометью вернулись четыре рыцаря и шесть юных корнетов, что-то предостерегающе выкрикивая. Сталь зазвенела о сталь, сталь заскрежетала о чешую. Мушкетеры против этих драконов были бесполезны, рыцари встретили нападающих саблями и погибли один за другим. Встав на задние лапы, Убийца-капрал занес меч над Джоазом, и тот с трудом отбил сокрушительный удар. Тогда дракон поднял одновременно и меч и палицу, но тут пуля с пятидесяти ярдов попала ему в ухо. Обезумев от боли, Убийца выронил оружие, упал, придавив Джоаза, и забился в судорогах. Банбекские Голубые Ужасы перешли в контрнаступление. Охваченные паникой Убийцы носились взад-вперед над поверженным капралом, пытаясь заколоть или раздавить Джоаза, и, наконец, бросились бежать.

Эрвис Карколо разочарованно застонал: еще миг, и победа была бы за ним! Джоаз избит, возможно, ранен, но, к сожалению, жив...

На вершине холма появился всадник — безоружный парнишка, иступленно погоняющий своего Паука.

— Гонец из Счастливого Дола, — сказал подъехавший Гивен. — Какое-то срочное донесение...

Паренек спустился на равнину и поскакал к ним, что-то крича во все горло, но грохот сражения заглушал его вопли. Только когда наездник приблизился, можно было разобрать одно слово:

— Породители! Породители!

Карколо обмяк.

— Где?..

— Большущий, в полдолины, черный корабль! — всхлипывая, объяснил мальчуган. — Я был наверху и сумел убежать...

— Продолжай! — рывкнул Карколо. — Что они делают?

— Не знаю... Я сразу помчался за вами...

Карколо посмотрел на поле боя, где банбекские Демоны теснили его Забулдыг, — те отходили нехотя, оскалившись и опустив головы, — и в отчаянии всплеснул руками.

— Труби отступление, — приказал он Гивену. — Мы возвращаемся. И быстро!

Размахивая белым платком, он объехал стороной сражающихся драконов и поскакал туда, где находился его враг. Джоаза только что извлекли из-под все еще дергающегося тела Убийцы, и теперь он лежал на земле — с лицом таким же белым, как платок Эрвиса. Когда Эрвис приблизился, Банбек поднял голову. Глаза его расширились, он нахмурился, но не сказал ни слова.

— Породители вернулись, — выпалил Карколо. — Они сели в Счастливом Доле, они убивают моих людей!

Рыцари помогли Джоазу встать. Он пошатывался, безвольно опустив руки, и молча смотрел на Эрвиса.

— Надо заключить перемирие, — продолжал тот. — Мы же понапрасну тратим силы в этой бойне! Давай объединимся и нападём на чудовищ, пока они всех нас не перебили! Ах, как нам не достает оружия Жрецов!..

Враги помолчали секунд десять, потом Карколо гневно закричал:

— Ну, чего ты медлишь?!

— Никакого перемирия, — хрипло ответил Джоаз. — Ты не внял моим предупреждениям. Ты решил захватить Банбекскую долину. Не будет тебе пощады.

У Эрвиса отвисла челюсть.

— Но Породители... — Усы его топорщились над красным провалом рта.

— Проваливай. И вы, и Породители — мои враги. Почему я должен выбирать между вами? Никакого перемирия, сам защищай свою жизнь.

Карколо отшатнулся. Его лицо стало бледным, как лицо Банбека.

— Ладно, Джоаз. Отныне ты не сможешь спать спокойно. Даже если выиграешь эту битву, ты не победишь. Ибо я буду бороться с тобой до тех пор, пока ты не запросишь пощады!..

Банбек сделал знак своим солдатам:

— Гоните его в шею. Пусть убирается к своим псам.

Эрвис погрозил кулаком в ответ, развернул Паука и укакал.

Ход сражения изменился. Банбекские Демоны прорвали

оборону Голубых Ужасов противника. Один из Забулдыг Карколо пал, другой, кляца зубами, отчаянно отбивался от трех наседающих Демонов. Огромный меч его сломался от удара о твердую, как скала, броню, и Демоны тут же оказались под драконом, неистово колотя по ногам Забулдыги шипастыми шарами. Забулдыга подпрыгнул и рухнул на спину; нападающие вспороли ему брюхо. У Карколо оставалось лишь пятеро Забулдыг.

— Назад! — кричал Эрвис. — Прекращаем битву!

Остатки его войска полезли на Бархский Шип. Поле боя все еще представляло собой сверкающий чешуей, броней и сталью водоворот. К счастью для Карколо, тылы его армии располагались на возвышенности, и спустя десять кошмарных минут он смог организовать планомерное отступление. Забулдыги, потеряв еще двоих, оторвались от противника и теперь швыряли в него камни. Предприняв несколько вылазок, Джоаз Банбек прекратил преследование: после разговора с Карколо он явно не желал рисковать драконами.

Отчаянно размахивая мечом, Эрвис повел свои отряды в обход Шипа, назад, через плато Сканз.

Джоаз же направился обратно в Долину. Весть о нападении Породителей облетела всех; люди ехали молча, то и дело оборачиваясь или поглядывая на небо. Казалось, даже драконам передалось беспокойство — они тихо шипели себе под нос. Как только Банбек вступил в Голубую расщелину, ветер утих. Наступившая тишина усилила чувство подавленности. Злыдни вслед за людьми начали задирать головы. «Неужели они чувствуют Породителей?» — удивился Джоаз. Он и сам время от времени смотрел вверх, и, когда войско дос-

тигло дна расселины, ему показалось, что высоко над горой Гетрон мелькнул крохотный черный квадратик, быстро скрывшийся за скалами.

9

Позабыв о воинской дисциплине, армия Счастливого Дола в беспорядке скатилась с плато Сканз, преодолела дикий край оврагов и ущелий, раскинувшийся у подножья горы Гетрон, и помчалась к западной оконечности Дола. Карколо скакал впереди на всхлипывающем от усталости Пауке. За ним тяжело топали Убийцы, Голубые Ужасы и Злыдни. Следом, низко припадая к земле, бежали Демоны — стальные шары на хвостах гремели по валунам и пускали солнечные зайчики. Далеко позади ковыляли Забуддыги и их группы.

Войско стянулось к обрыву, драконы переминались с ноги на ногу и повизгивали. Эрвис Карколо спрыгнул с Паука, подбежал к краю и глянул вниз. Он знал, что увидит там, и все же открывшееся зрелище настолько потрясло его, что он замер в оцепенении.

Огромный черный корабль в форме усеченного конуса завис над бобовым полем неподалеку от Счастливого Града. По блестящим металлическим дискам, укрепленным на носу и корме, пробегали разноцветные сполохи. Корабль имел три входа: носовой, центральный и кормовой; из центрального был выдвинут трап.

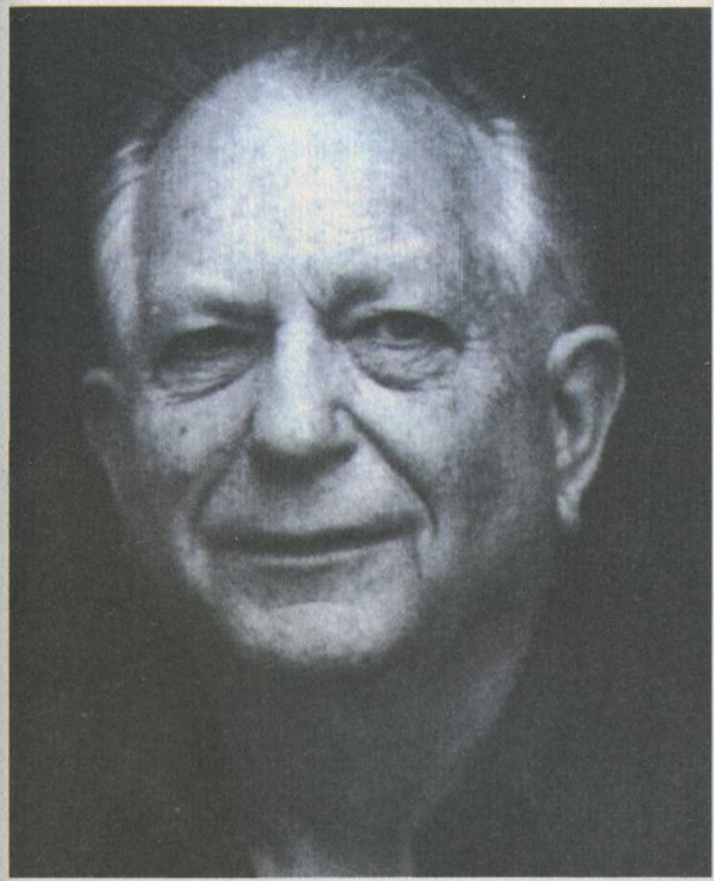
Породители работали, не покладая рук: от города до ко-

рабля протянулась длинная вереница людей, то и дело подгоняемых Тяжелыми Пехотинцами. На подходе к кораблю пленные проходили через странный аппарат, управляемый двумя Породителями. Очевидно, это была своего рода проверка, поскольку Породители внимательно осматривали и исследовали с помощью нескольких инструментов каждого мужчину, женщину и ребенка, а затем, отсортировав по непонятному признаку, либо загоняли на корабль, либо отправляли в стоящую неподалеку палатку. Удивительно, но как бы много человек не входило в нее, палатка не переполнялась. Дрожащими пальцами Карколо потер лоб, а, подняв глаза, увидел стоящего рядом Баста Гивена, который тоже разглядывал долину.

Внезапно сзади раздались тревожные крики. Обернувшись, Карколо заметил черный флаер, бесшумно вынырнувший из-за горы Гетрон и пикирующий прямо на них. Размахивая руками, Эрвис бросился под защиту скал, на бегу приказывая всем рассредоточиться. Люк флаера открылся, и град взрывающихся шаров обрушился на спешащих к оврагу драконов и людей. В воздух взлетели камни и осметки плоти. Все, кто не успел укрыться, были разнесены в клочья. Злыдни в этой атаке почти не пострадали; некоторые Демоны получили различной тяжести ранения, а двое Забулдыг ослепли и стали совершенно беспомощны до тех пор, пока не отрастят новые глаза.

Флаер вновь скользнул над их головами, и несколько человек выстрелили из мушкетонов — не

Краткая библиография Джека ВЭНСА

-
1. Space Pirates (The Five Gold Bands) (1953)
Космические пираты (Пять золотых браслетов)
 2. Vandals of the Void (1953)
Вандалы из бездны
 3. To Live Forever (1956)
Жизнь навсегда
 4. Big Planet (1957)
Большая планета
 5. The Languages of Pao (1958)
Языки Пао
 6. Slaves of the Kiau (1958)
Раббы Кайи
 7. The Dragon Master (1963)
Хозяева драконов
 8. The Houses of Iszm (1964)
Дома Исзма
 9. Son of the Tree (1964)
Сын дерева

10. Monsters in Orbit (1965)

Чудовища на орбите

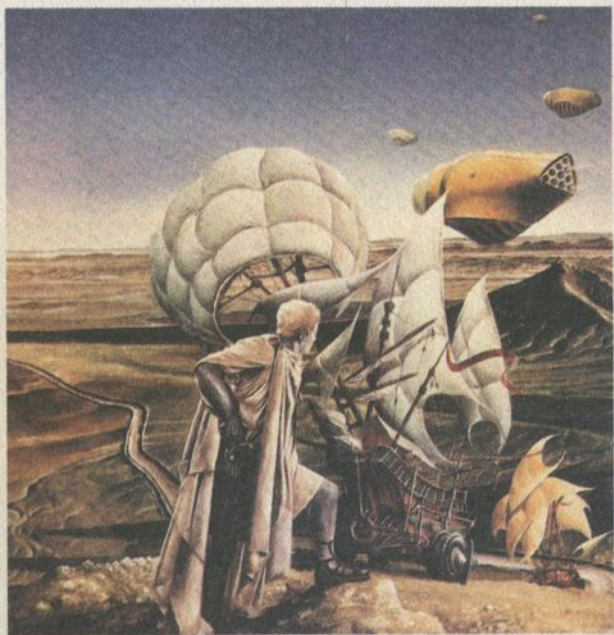
11. Space Opera (1965)

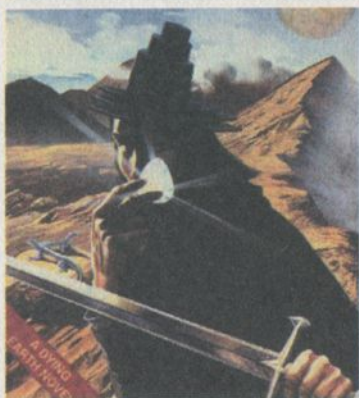
Космическая опера

12. Blue World (1966)

Синий мир

Фрагмент обложки к роману Дж. ВЭНСА "Серый принц"

13. Brains of Earth (1966)
Умы Земли

14. Emphygio (1969)
Имферио

15. The Gray Prince
(1974)
Серый принц

16. Showboat World
(1975)
Мир плавучих театров

Фрагмент обложки к
роману Дж. ВЭНСА
"Сага о Кутеле"

17. Maske (1976)
Маска

Фрагмент обложки к
роману Дж. ВЭНСА
"Риальто Великолепный"

18. Strange Notions (1985)

Странные намерения

19. The Dark Ocean (1985)

Темный океан

20. Light from Lone

Star (1985)

Фрагменты обложки к
книге Дж. ВЭНСА
"Глаза другого мира"
("Глаза Чужого мира",
"Создатели чуда", "Сын
дерева", "Узкая полоса")

Романы из серии
"Звездный король"
("Герсен")

1. Star King (1964)

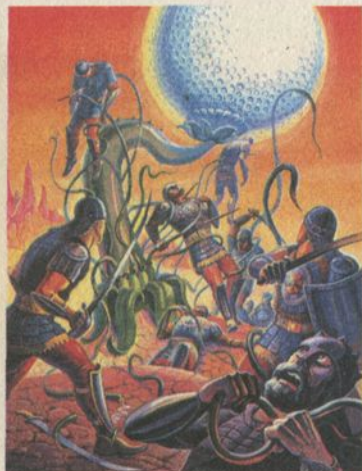
Звездный король

2. The Killing Machine
(1967)

Убивающая машина

3. The Palace of Love
(1967)

Дворец любви

Фрагмент обложек
к двум разным
изданиям романа
Дж. ВЭНСА
“Дворец любви”

4. The Face
(1979)
Лицо

5. The Book of
Dreams (1981)
Книга снов

Серия “Умирающая земля”

1. The Dying Earth (сб. 1950)
Умирающая Земля

2. The Eyes of the Otherworld
(сб. 1966)
Глаза другого мира (Глаза
Чужого мира)

3. Cugel's Saga (1983)
Сага о Кугеле

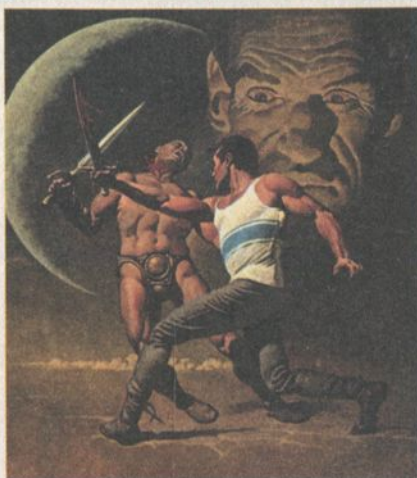
4. Rhialte the Marvelous
(1984)
Риальто Великолепный

5. Morreion (1973)
Моррейон

6. A Bagful of
Dreams (1979)
Сумка, полная
снов

7. Seventeen
Virgins (1974)
Семнадцать дев

Фрагмент обложек
различных
издательств
к роману
Дж. ВЭНСА
“Лицо”

Серия “Планета приключений”
(“Тскей”)

1. City of Chasch (1968)
Город Чешей

2. Servants of the Wankh
(1969)
Слуги Ванкхов

3. The Dirdir (1969)
Дирдир

4. The Pnume (1970)
Пнум

Серия "Дардан"

1. The Anome (The Faceless Man)
(1972)

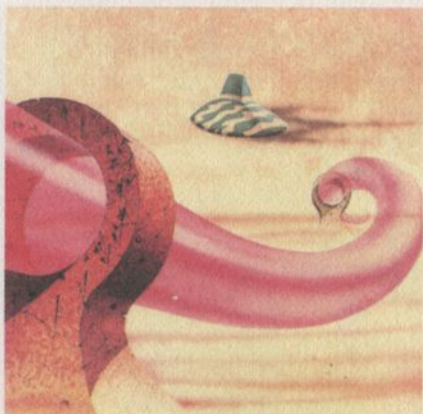
Аном (Человек без лица)

2. The Brave Free Men (1972)
Отважные свободные люди

3. The Asutra (1972)
Асутра

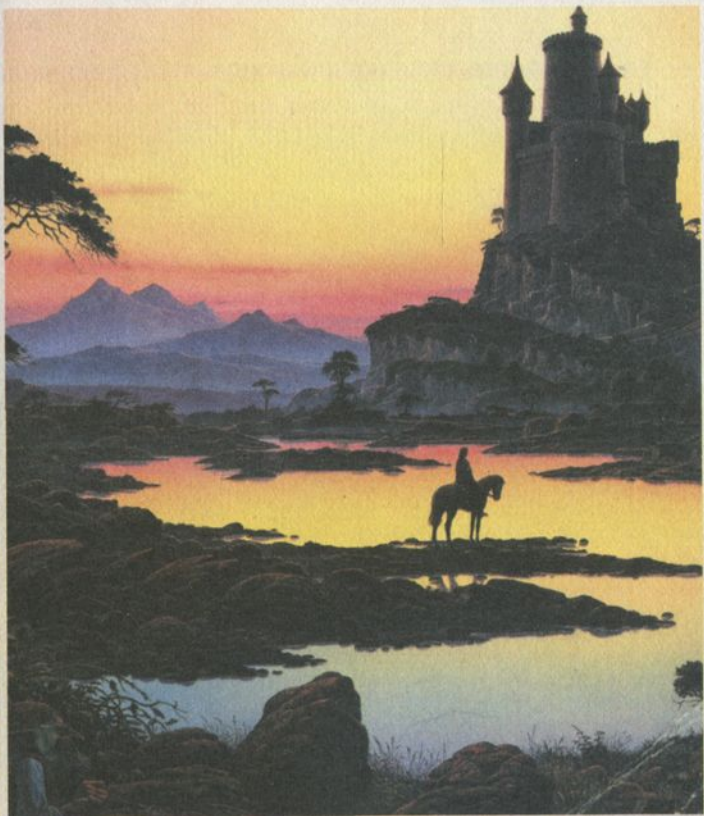

Фрагмент обложки
к роману
Дж. ВЭНСА
"Звездный король"

Фрагмент обложки
к роману
Дж. ВЭНСА
"Книга снов"

Фрагмент обложки к
роману Дж. ВЭНСА
"Зеленая жемчужина"

Серия "Аластор"

1. Trullion: Alastor 2262 (1973)

Триллион: Аластор 2262

2. Marune: Alastor 933 (1975)

Марун: Аластор 933

3. Wyst: Alastor 1716 (1978)

Вест: Аластор 1716

Серия "Львица"

1. Lyonesse: Suldren's garden (1983)

Львица: Сад Сулдрена

2. The Green Pearl (1985)

Зеленая жемчужина

3. Maduc (1987)

Мадук

Серия "Хроники Кэдвелл"

1. Araminta Station (1987)

Станция Араминта

2. Ecce and Old Earth (1991)

Экке и старая Земля

3. Troy (1992)

Трой

Сборники Дж. ВЭНСА

не вошедшие в серии

1. Future Tense (1964)

Далекое будущее

2. The World Between
and Other Stories

(The Moon Moth and
Other Stories) (1965)

Миров между и
другие рассказы (Лунная
моль и другие рассказы)

Фрагменты обложки
к книге

Дж. ВЭНСА

“Планета риска”

(“Город Кешей”

(“Город Чешей”),

“Слуги Вонков”

(“Слуги Ванкхов”),

“Дирдиры”

(“Дирдир”),

“Пнумы” (“Пнум”)

3. The Many Worlds of
Magnus Ridolph (The
Complete of Magnus
Ridolph) (1966)

Множество миров
Магнуса Рудольфа
(Комплект историй о
Магнусе Рудольфе)

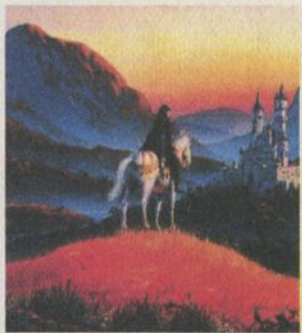

Фрагмент обложки к
роману Дж.ВЭНСА
"Синий мир"

4. The Last Castle and
Other Stories (1967)

Последний замок и
другие рассказы

Фрагмент обложки к
книге Дж.ВЭНСА
"Фантазии и
волшебство"

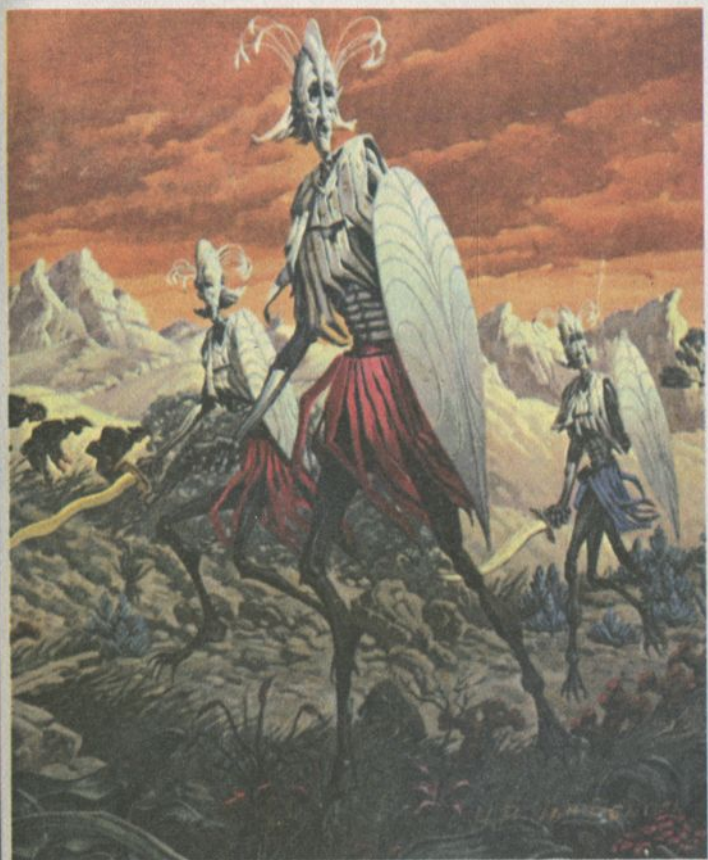
5. Eight Fantasms and
Magics (Fantasms and
Magics) (1969)

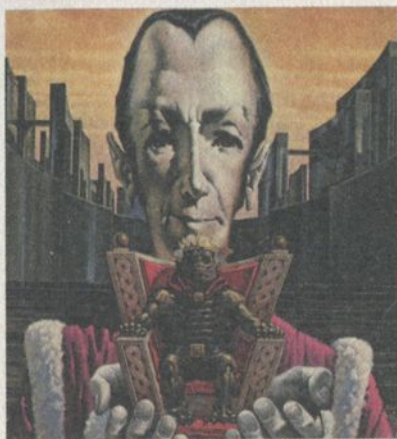
Восемь историй
фантазий и волшебства
(Фантазии и волшебство)

6. The Worlds of Jack
Vance (1973)

Миры Джека Вэнса

Фрагмент обложки к роману
Дж. ВЭНСА “Дирдир”

7. The Best of Jack Vance (1976)

Лучшее из Джека
Вэнса

8. Green Magic (1979)

Зеленая магия

9. Galactic Effectuator (1980)

Галактический
исполнитель

Фрагмент
обложки к
роману
Дж. ВЭНСА
“Слуги Вакхов”

Фрагмент
обложки к
роману
Дж. ВЭНСА
“Пнум”

10. The Narrow
Land (1982)

Узкая земля

11. Lost Moons (1982)

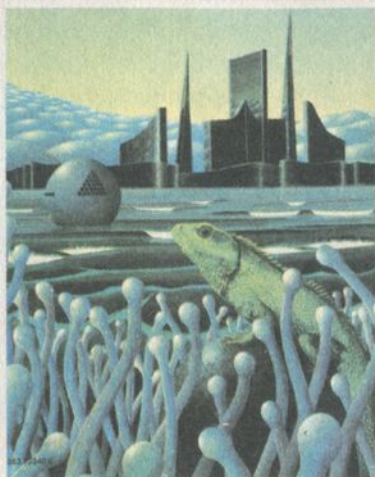
Потерянные луны

12. The Augmented
Agent (1986)

Увеличивающий
агент

13. The Dark Side of
the Moon (1989)

Темная сторона
Луны

Фрагмент
обложки к
роману

Дж. ВЭНСА
"Город Чешей"

Фрагмент
обложки к
роману
Дж. ВЭНСА
"Слуги Вакхов"

14. Chateaud If and
Other Stories (1990)

Предположим и
другие рассказы

15. Dust Stars (1993)

Пыль звезд

16. The Best Worlds of
Jack Vance (1993)

Лучшие миры Джека
Вэнса

Фрагмент
обложки к
роману
Дж. ВЭНСА
“Дирдир”

Фрагмент
обложки к
роману
Дж. ВЭНСА
“Аном”

столько желая попасть, сколько от отчаяния. Однако летящая платформа качнулась, с воем взмыла в небо, перевернулась и рухнула где-то в горах — вспыхнуло оранжевое пламя. Карколо, не помня себя от радости, завопил что-то нечленораздельное, вприпрыжку подбежал к краю обрыва и погрозил кулаком черному кораблю. Впрочем, он тут же опомнился и, помрачнев, закричал своим воинам, выбирающимся из оврага:

— Ну, что скажете? Будем сражаться? Нападём ли на пришельцев?

Молчание было ему ответом. Баст Гивен произнес бесцветным голосом:

— Это самоубийство. Мы ничего не сможем сделать.

Карколо отвернулся, не в силах вымолвить ни слова от безысходности. Гивен, без сомнений, прав. Их либо убьют, либо загонят на корабль и отправят в мир столь странный, что и представить нельзя... и тогда они пожалеют, что родились на свет... Карколо сжал кулаки и посмотрел на запад, чувствуя, как в нем закипает ненависть.

— Джоаз Банбек, это ты во всем виноват! Из-за тебя я не смог защитить родной дом!

— Джоаз не знал о нападении, — холодно возразил Баст Гивен. — Мы бы все равно ничего не смогли поделать, потому что ничего поделать было нельзя.

— Мы могли сражаться. — Карколо чуть не плакал. — Спуститься по ложбине и атаковать всеми нашими силами! Сотня рыцарей и четыре сотни драконов — это не шутки!

Баст Гивен рассудил, что лучше сменить тему:

— Смотрите, они изучают инкубаторы.

Карколо повернулся к долине и дико захохотал.

— Они поражены! Они трепещут от страха!

— Да уж, — согласился Гивен. — Представляю их смятение при виде Демонов и Голубых Ужасов. Не говоря уж о Забуддыгах.

Наконец скорбное шествие из Града прекратилось. Тяжелая Пехота, построившись колоннами, исчезла в чреве корабля. Два огромных, не менее двенадцати футов ростом, человека сложили палатку и унесли ее туда же. Карколо и его люди ахнули: «Великаны!» Баст Гивен хмуро заметил:

— Породители разглядывают Забуддыг так же, как мы — их Великанов.

Породители поднялись на борт. Трап был убран, люк задраен. С турели на носу корабля ударил энергетический луч, и все три инкубатора превратились в груды черного кирпича. Карколо горестно вздохнул, но ничего не сказал.

Задрожав, корабль плавно поднялся в воздух, Эрвис скомандовал искать укрытие. Распластавшись за валунами, люди и драконы наблюдали, как черная громада взлетает над долиной и поворачивает на запад.

— Они направляются в Банбекскую Долину, — сказал Баст Гивен.

Карколо невесело рассмеялся. Главный ментор бросил на него косой взгляд — уж не спятил ли? — и отвернулся: невелика важность.

Внезапно Эрвис подбежал к ближайшему Пауку, прыгнул в седло и повернулся к своим поданным.

— Я скачу в Долину Банбек. Джоаз сделал все для нашего поражения, и я хочу отплатить ему тем же. Идите за мной или оставайтесь, как хотите. Я не приказываю. Но помните: это Джоаз Банбек помешал вам дать отпор Породителям! — С этими словами он ускорился.

Люди посмотрели на разоренный Дол, потом на быстро удаляющуюся фигуру Карколо. Черный корабль плыл над пиком Отчаяния. В долине было нечего делать, поэтому люди, ворча и жалуясь на судьбу, подняли на ноги измученных драконов и поплелись за своим предводителем.

Паук Эрвиса Карколо бешеным галопом делал по плато Сканз. Со всех сторон вздымались огромные скалы, высоко в небе багровело солнце. Сканзский кряж остался за спиной, впереди виднелись Бархский хребет, Шип и Северная Стена. Не обращая внимания на усталость Паука, Карколо что есть силы хлестал его плетью. Из-под лап низко опустившего голову скакуна летел серо-зеленый мох, на жаберных щелях пузырилась пена, но Эрвис вовсю погонял дракона. Ненависть застилала его мозг — ненависть к Породителям, к Джоазу Банбеку, Булыжнику, человечеству и всей его истории.

Неподалеку от Северной Стены Паук издал протяжный стон, зашатался и рухнул, раскинув лапы и вытянув шею. Раздраженный Карколо слез с загнанного скакуна и обернулся к пологим склонам Сканза, чтобы узнать, сколько подданных следуют за ним. Неторопливым галопом подъехал Баст Гивен и, бросив взгляд на лежащего Паука, посоветовал:

— Ослабьте подругу, и он быстро придет в себя.

Карколо удивленно посмотрел на ментора, — ему показалось, что в голосе Гивена появились незнакомые нотки. Как бы то ни было, он нагнулся и растянул большую бронзовую пряжку на брюхе дракона. Спешившись, Баст Гивен помассировал затекшие ноги.

— Корабль Породителей садится в Долине Банбек.

Карколо мрачно кивнул.

— Я буду наблюдать за посадкой. — Он пнул своего Паука: — Ну, хватит, отдохнул! Вставай! Или ты хочешь, чтобы я тащился пешком?

Поскуливая, Паук с трудом поднялся на ноги. Эрвис собрался было вскочить в седло, но Баст Гивен крепко схватил его за локоть. Карколо гневно обернулся: какая наглость!

— Подтяните подпругу, — мягко сказал Гивен. — Не то снова кости переломаете.

Сдержав язвительное замечание, Карколо застегнул пряжку и, не слушая отчаянных воплей Паука, сел в седло. Спотыкаясь на каждом шагу, дракон поплелся дальше. Бархский Шип, отделяющий Бархский хребет от Северной Стены, возвышался над ними, словно нос белого корабля. Немного погодя Карколо остановился, оглядел местность, дергая себя за ус, потом посмотрел назад, на свое войско, растянувшееся по всему Сканзу, и повернул налево. Гивен молчал. Они обогнули Большую осыпь у горы Гетрон и по древнему руслу спустились к Банбекскому обрыву. Двигались они черепашьям шагом, но корабль Породителей летел еще медленнее: когда войско достигло Обрыва, он только-только начал опускаться в

долину. Диски на носу и корме переливались яркими разноцветными огоньками.

— Ни души, — пробормотал Карколо. — Джоаз даже драконов увел в тоннели... Поди, места себе не находит от страха. — И, скривив губы, он произнес елеинным голосом, подражая Банбеку: — «Эрвис Карколо! Мой дорогой друг! Есть только одна возможность спастись от вторжения — копать тоннели!» А я ему говорю: «Мы не Жрецы, чтобы жить под землей. Если хочешь, Джоаз Банбек, полезай в норы. А я человек старой закваски и сам себе рыть могилу не собираюсь».

В ответ Гивен лишь пожал плечами. Карколо продолжал:

— Породители вытащат его из любого тоннеля. Перекопают всю долину, если понадобится. Они мастера на такие фокусы.

Баст Гивен иронически усмехнулся:

— И у Джоаза в запасе найдется фокус-другой, как мы убедились на собственной шкуре.

— Если сегодня он возьмет в плен два десятка Породителей, я признаю его неглупым человеком, — фыркнул Карколо. Он подошел к самому краю Обрыва, нисколько не заботясь о том, что его превосходно видно из вражеского корабля. Гивен бесстрастно наблюдал за своим предводителем. — Ага! Посмотри-ка!

— Нет уж, увольте. Я слишком уважаю оружие Породителей.

Карколо сплюнул, но от края все-таки отошел.

— Там, на Дороге Кергана, драконы. Вот тебе и тоннели! — Он посмотрел на север и в отчаянии по-

тряс кулаками. — Делать нечего, Джоаз ко мне на обрыв не полезет. Опять он улизнул... Разве что я спущусь в долину, найду его и прибью на месте.

— Разве что Породители схватят вас обоих и посадят в одну клетку, — в тон ему ответил Гивен.

— Тьфу!.. — И Карколо пошел прочь от обрыва.

10

Впервые устройство для наблюдения за долиной использовалось по назначению. Мысль об этом приборе появилась у Банбека давным-давно, когда он возился с несколькими старыми линзами, раздумывая, куда бы их приспособить. И однажды, во время торговли со Жрецами в пещере под горой Гетрон, Джоаз предложил им рассчитать и изготовить оптику для этого устройства. Старый слепой Жрец, ведущий торговлю, дал уклончивый ответ: при определенных условиях возможность создания такого прибора заслуживает внимания. Прошло три месяца. Джоаз и думать забыл о своем проекте, когда Жрец в торговой пещере поинтересовался, по-прежнему ли Банбек собирается установить наблюдательную систему. Если да, то оптику можно забрать немедленно. Обговорив условия натурального обмена, Джоаз вернулся к себе с четырьмя громоздкими ящиками. Он приказал высечь бойницы, установил в них линзы и удостоверился, что, затемнив кабинет, может держать под наблюдением всю долину.

Сейчас Джоаз следил за посадкой исполинского черного корабля.

В дальнем конце кабинета раздвинулись бордовые занавески, и появилась девушка-менестрель Фейд.

— Корабль смерти! — хрипло произнесла она, нервно комкая ткань. Глаза ее сияли, как два опала. — Он явился по наши души!..

Джоаз мельком глянул на нее и вновь повернулся к матовому экрану.

— Да, я его прекрасно вижу.

Фейд подбежала к нему, схватила за руки и повернула к себе лицом.

— Надо бежать! К Большой осыпи! Не ждать же, пока они схватят нас!..

— Беги. Никто тебя не держит.

Девушка невидяще посмотрела на него, а потом бросила мимолетный взгляд на экран. Черный корабль опускался со зловещей медлительностью, носовые и кормовые диски мерцали перламутром. Фейд облизнула бескровные губы.

— Разве тебе не страшно?

Джоаз едва заметно улыбнулся:

— Какой смысл бежать? Следопыты проворнее Убийц и свирепее Злыдней. Они могут почуять тебя аж за милю и вытащить из самой середины осыпи.

Содрогнувшись от страха, Фейд прошептала:

— Живой я им не дамся. Они не возьмут меня живой...

Джоаз неожиданно выругался.

— Ну ты посмотри, куда они садятся! Это же наши лучшие плантации беллегарда!

— Какая теперь разница?..

— Разница?! Мы что, голодать должны из-за них?

Фейд взглянула на него, совершенно сбита с толку, потом медленно опустилась на колени и стала выполнять ритуальные пассы теургического культа: руки медленно поднимались, пока тыльная сторона ладоней не касалась ушей; одновременно следовало высунуть кончик языка, а неподвижный взгляд устремить в бесконечность. Джоаз не обращал внимания на девушку до тех пор, пока она не начала хныкать и горестно вздыхать. Тогда полой своего жакета он прикрыл ее лицо, похожее на ритуальную маску, и прикрикнул:

— Хватит ерундой заниматься!

Стеная, Фейд распростерлась на полу, но Джоаз поднял ее на ноги.

— Слушай, Породители не вампиры и не ангелы смерти, — поморщившись, заметил он. — Это разновидность Злыдней, только и всего. Прекращай свои глупости, не то я велю Райфу выставить тебя за дверь.

— Почему ты не готовишься к нападению? Почему ты только следишь за ними и ничего не делаешь?

— Потому что большего я сделать не могу.

Фейд всхлипнула:

— Ты будешь сражаться с ними?

— Разумеется.

— Но как противостоять такой мощи?

— Сделаем все, что сможем. Они еще не встречались с нашими драконами.

Корабль повис над зелеными и пурпурными лозами на другом конце долины, неподалеку от Клайбурнской расселины. Распахнулся люк, и вниз скользнул трап.

— Сейчас ты их увидишь...

Бледные существа, оглядываясь, спустились на землю.

— Похожи на блестящие детские головоломки.

— Это и есть Породители драконов. Наши драконы — мутанты, культивированные из их яиц. Так же они поступают с людьми — выращивают из них своих солдат: вон их Пехота.

Колонной по четыре, шагая в ногу, вышли Тяжелые Пехотинцы и остановились ярдах в пятидесяти от корабля. Их было три отделения по двадцать солдат: плечистые, приземистые существа с толстыми шеями и вытянутыми, ничего не выражающими лицами. Они носили чешуйчатые кольчуги вороненой стали, широкие пояса, на которых висели мечи и пистолеты, и короткие черные церемониальные плащи, пристегнутые к черным, шире плеч, эполетам. Шлемы щетинились гребнями острых шипов, носки высоких, до колен, сапог оканчивались стилетами. За Пехотой выехали сами Породители. Их скакунов — передвигающихся на четвереньках, с лысыми головами и отвисшими, дрожащими губами — лишь с большой натяжкой можно было назвать людьми. Погоняя их арапниками, Породители рысью двинулись через заросли беллегарда. Тем временем несколько Пехотинцев выкатили из корабля трехколесный экипаж со множеством сопел и развернули его в сторону селения.

— Никогда еще они не готовились столь тщательно, — пробормотал Джоаз. — А вот и Следопыты! Хм, только две дюжины? Впрочем, их, наверное, трудно выращивать, — люди размножаются медленнее драконов.

Следопыты — поджарые, узкоплечие, футов семи ростом, с выпученными черными глазами, крючковатыми носами и губами бантиком — отошли в сторону и чуть согнули колени, неустанно дергая головами и обозревая долину. Их длинные руки болтались как плети. Следом показался отряд Пушкарей — обычных людей в плотно облегающих комбинезонах и зелено-желтых шлемах. Выкатив и осмотрев еще два трехколесных механизма, они замерли в напряженном ожидании. Пехотинцы, положив ладони на рукояти мечей и пистолетов, тяжелой поступью двинулись вперед.

— Сюда идут, — сообщил Джоаз.

Фейд издала тихий стон отчаяния, опустилась на колени и вновь принялась за свои пассы. Раздраженный Джоаз выгнал ее.

Оставшись один, он подошел к пульту разработанной им самим системы связи из шести телефонов и поговорил по трем из них, — не мешает лишний раз убедиться, что люди начеку. Затем он вернулся к экранам.

Пехотинцы маршировали через поле, их твердые лица были иссечены вертикальными складками. С флангов наступали Пушкари, катя перед собой трехколесные механизмы. Дюжина Породителей двигалась в арьергарде, неся на плечах диковинное округлое оружие. Следопыты остались около корабля. Ярдов за сто от Дороги Кергана — вне досягаемости банбекских мушкетов — захватчики остановились. Один из Пехотинцев подбежал к тележке Пушкаря, влез в постромки и, подняв ее, засеменял к селению, словно огромная крыса. Два черных шара,

укрепленных на сером механизме, стали излучать парализующие волны. Послышались выстрелы. Из замаскированных укрытий, вырытых в склоне долины, показались облачка дыма. Несколько пуль ударились в землю у ног Пехотинца, несколько расплоснилось о его кольчугу. Сорвавшийся с носа корабля тепловой луч вонзился в склон.

Джоаз ухмыльнулся. Дым был бутафорским, стрелки же прятались в других местах.

Петляя и пригибаясь, Пехотинец, невредимый подливнем пуль, взбежал к portalу, на котором прятались двое людей. Пораженные излучением, люди затряслись, впали в оцепенение, но, несмотря на это, сумели столкнуть большой валун. Ударив в шею, камень поверг Пехотинца наземь. Тот засучил руками и ногами, катаясь по площадке, затем ухитрился подняться. Он бросился обратно, подпрыгивая и спотыкаясь, и наконец упал. Захватчики бесстрастно наблюдали за его конвульсиями.

Последовала минута затишья. Затем корабль послал вдоль долины направленный импульс вибрации. Взметнулись клубы пыли, рассыпались валуны. Лежащий на краю обрыва человек вскочил, пританцовывая, и упал с двухсотфутовой высоты. Импульс задел резиденцию Джоаза: вибрация проникла внутрь сквозь одну из бойниц. Кабинет наполнился душераздирающим воем, пол затрясся. Джоаз потер ноющие виски.

Тем временем Пушкарки подготовили свои трехколесные устройства. Раздался приглушенный выстрел, серый шар, вихляя, описал кривую и, врезавшись в склон, взорвался большим облаком бледно-желтого

газа: прицел оказался неточным. Бомбомет выстрелил еще раз, и следующий шар упал прямоком на Дорогу Керрана. Однако к этому времени Дорога опустела, и второй выстрел также оказался безрезультатным.

Джоаз хмуро наблюдал за действиями захватчиков. Пока они предпринимают только пробные шаги. Но, несомненно, вскоре защитникам придется туго.

Ветер развеял облачко газа, и все стихло. Потери составляли — один Пехотинец со стороны пришельцев и один стрелок со стороны Банбека.

Затем с носа корабля сорвалась струя красного пламени, — это был мощный и убедительный удар. Во все стороны, вращаясь, полетели обломки скал. Тяжелая Пехота трусцой бросилась в наступление.

По телефону Джоаз предупредил командующих отрядами, чтобы те не поддавались на эту явную провокацию и опасались газовой атаки. Однако вскоре он понял, что это не провокация.

Когда Тяжелая Пехота достигла края Дороги Кергана, что, по мнению Банбека, было весьма неразумно, из укрытий выскочили Голубые Ужасы, Демоны и Злыдни. Наступающие остановились и, разинув рты, глядели на неожиданных противников. Но прозвучали команды, и толпа Пехотинцев, немного подавшись назад, ринулась в бой.

Сражение разгорелось по всей Дороге Кергана. Вскоре стало ясно, что пистолеты захватчиков, как, впрочем, и стальные шары на хвостах Демонов, в узком проходе бесполезны. Мечи не могли пробить чешую драконов, тогда как клешни Голубых Ужасов, кинжалы Злыдней, топоры, сабли, клыки и когти Демонов собирали богатый кровавый урожай. Пехоти-

нец был так же силен, как Злыдень, однако в схватке один на один он побеждал чаще, вырывая плечевые отростки дракона или сворачивая ему шею своими ручищами. Но если Пехотинцу противостояли два-три Злыдня, то захватчик был обречен: пока он сражался с одним драконом, двое других ломали ему ноги, выкалывали глаза или перерезали горло. Таким образом потеряв два десятка Пехотинцев, пришельцы отступили, а банбекские защитники вновь открыли огонь, правда, без особого успеха.

Наблюдая из своего кабинета за ходом сражения, Джоаз гадал, что предпримут Породители. Гадать пришлось недолго: пока Тяжелые Пехотинцы перегруппировывались и отдыхали, а их хозяева гарцевали перед ними, выслушивая донесения, отдавая приказы, советуя и воодушевляя, черный корабль послал энергетический луч, ударивший в склон долины над Дорогой Кергана. Пол кабинета заходил ходуном. Джоаз отшатнулся от экранов: что, если пучок энергии попадет в линзы? Не поразит ли сфокусированный ими луч самого Банбека? После следующего удара Джоаз выскочил из кабинета, спустился по лестнице и побежал к центральной галерее. Там царил суматоха. Перепуганные женщины и дети поспешно уходили в глубь горы, расталкивая солдат и драконов, в полном боевом снаряжении толпящихся у одного из новых тоннелей. Убедившись, что эта суматоха не вызвана паникой, Джоаз присоединился к своим воинам,двигающимся на север. Недавно вырытый тоннель привел защитников к Банбекской осыпи. За их спинами гремели взрывы, — Породители принялись за селение Банбек. Угрюмо наблюдая за тем, как рушат-

ся скалы, Джоаз вдруг обнаружил, что армия захватчиков получила подкрепление: из корабля вышло восемь Великанов — чудовища раза в два выше человека, с бочкообразной грудью, криворукие и косолапые, с блестящими глазами и копной рыжевато-коричневых волос. Они были закованы в красные латы с черными эполетами и вооружены мечами, палицами и висящими за спиной бластерами. Джоаз нахмурился. Впрочем, появление Великанов не меняло его стратегии — было бы что менять... Он знал, что понесет большие потери, и от всей души надеялся, что враг понесет неменьшие. Однако своих солдат Породители посылают в бой еще холоднокровнее, нежели Джоаз — драконов. И если захватчики разрушат селение, сровняют долину с землей, чем Банбек сможет отплатить им? Джоаз бросил взгляд через плечо, на высокий белый обрыв, гадая, правильно ли он рассчитал место, где находится пещера Жрецов. Что ж, час пробил. Пора действовать.

Джоаз дал сигнал маленькому мальчику — одному из его собственных сыновей. Глубоко вздохнув, мальчуган выскочил из укрытия и вприпрыжку побежал прочь от осыпи. Секунду спустя мать догнала паренька, схватила в охапку и вернулась под защиту скал.

— Неплохо сыграно... Честное слово, неплохо. — Джоаз выглянул из-за вала.

Породители смотрели в его сторону.

Некоторое время ничего не происходило, и Джоаз извелся от беспокойства, думая, что враги не попались на его хитрость. Но вот, посоветовавшись, Породители стегнули скакунов арапниками по кожистым ягодицам, те взбрыкнули и помчались на север доли-

ны. За ними двинулись Следопыты, Тяжелая Пехота, Пушкари со своими трехколесными орудиями, а в тылу шли восемь Великанов. На своем пути вражеские солдаты злорадно вырывали ростки беллегарда и вики, ломали лозы и живые изгороди, вытаптывали грядки ягод, овощей и масличных культур. Не доходя до Банбекской осыпи, Породители благоразумно остановились, а вперед, по-собачьи задрав головы, побежали Следопыты, принюхиваясь, прислушиваясь, приглядываясь, переговариваясь щебечущими голосами. Двигающаяся следом Пехота словно подстегнула их, и, забыв об осторожности, они углубились в нагромождение рухнувших скал. Когда дюжина Голубых Ужасов внезапно напала на них, Следопыты заверещали и принялись без разбора палить из тепловых излучателей, в смятении поражая и своих, и врагов. Драконы рассвирепели, но сноровку не утратили: они хватали зовущих на помощь пришельцев, пронзали их, разрывали на части и отбрасывали в стороны. Те, кто был еще в состоянии двигаться, покинули Банбекскую осыпь так же поспешно, как и пришли. Из двадцати четырех Следопытов до открытого места добралась только половина, но появившиеся из своих укрытий Длиннорогие Убийцы и тех забодали насмерть.

Мольбы о помощи были услышаны. Тяжелые Пехотинцы, издавая хриплые крики ярости и размахивая оружием, ринулись в бой, но Убийцы уже скрылись среди валунов.

Тем временем люди, подобрав оружие павших Следопытов, вышли из-за скал и дали залп по Породителям. Однако незнакомые ни с фокусировкой, ни с

мощностью излучателей, они лишь подпалили шкуры своим врагам. Пришпорив скакунов, Пороditели поспешно отъехали на безопасное расстояние. Тяжелая Пехота остановилась менее чем в ста футах от осыпи и обрушила на защитников град взрывающихся шаров. Люди отступили, потеряв двух рыцарей.

11

К расположившимся вдалеке от осыпи Пороditелям подошли Пушкар и, пока те оценивали обстановку, понизив голос, о чем-то переговорили с их скакунами. Наконец Пороditели подозвали одного из Пушкарей и отдали приказ. Пушкар снял с себя все оружие и, подняв руки, направился к осыпи. Когда он углубился в проход между двумя огромными, десяти футов в высоту, валунами, люди Банбека схватили его и отвели к Джоазу.

Увидев случайно оказавшихся поблизости шестерых Злыдней, Пушкар замаялся, а потом уверенно подошел к ним и начал что-то втолковывать. Драконы равнодушно смотрели на парламентаря.

— Главные здесь не драконы, — сухо заметил Джоаз. — Что ты хочешь сообщить?

С сомнением глянув на Злыдней, Пушкар упрямо повернулся к Банбеку.

— Ты представитель выводка? — Он говорил медленно и бесстрастно, тщательно выговаривая каждое слово.

— Что ты хочешь сообщить нам? — повторил Джоаз.

- Я принес суммирование от своих хозяев.
- Суммирование? Не понимаю.
- Суммирование мгновенных векторов судьбы.

Интерпретацию будущего. Хозяева желают, чтобы смысл их предложения был передан в следующих словах: «Не расходуйте жизни понапрасну — ни свои, ни наши. Вы ценны для нас, и с вами будут обращаться в соответствии с этой ценностью. Подчинитесь Порядку. Прекратите расточительное разрушение фонда».

- Разрушение фонда? — фыркнул Джоаз.

— Имеется в виду ваш генофонд. Послание окончено. Советую подчиниться. Зачем проливать кровь? Зачем уничтожать самих себя? Пойдем вместе со мной. Все будет хорошо.

Джоаз хмыкнул:

- Как ты, раб, можешь судить о том, что хорошо для нас?

Пушкарь моргнул.

— А какой у вас выбор? Неорганизованная жизнь во всех уцелевших пристанищах подлежит упорядочиванию. Самый лучший и приятный выход для вас — подчиниться. — Он поклонился Злыдням. — Если сомневаешься, то проконсультируйся у своих Высокочтимых. Они дадут толковый совет.

— Это не Высочтимые, — ответил Джоаз. — Драконы — наши братья по оружию, они сражаются вместе с нами... Я хочу предложить кое-что другое. Почему бы тебе и твоим товарищам не присоединиться к нам? Сбросьте цепи рабства, станьте наконец свободными! Мы захватим корабль и полетим на поиски старых миров, где живут люди.

— Миры людей? — с не более чем вежливым интересом переспросил Пушкарь. — Ни одного из них не осталось. Разве что вы да несколько вам подобных уцелели в глухих уголках космоса. Но все будут упорядочены. Неужели вы не хотите служить Порядку?

— Неужели вы не хотите быть свободными?

— Ты меня не понимаешь, — в легком смятении заметил Пушкарь. — Если вы выберете...

— Слушай меня внимательно, — перебил Джоаз. — Ты и твои товарищи могут стать хозяевами самим себе и жить среди людей.

Пушкарь нахмурился:

— Никто не захочет быть неотесанным дикарем. К кому бы мы тогда обратились за советом, кто бы управлял нами, кто бы отдавал нам приказания?

Подавив в себе отвращение, Джоаз сделал последнюю попытку:

— Так и быть, эту ответственность я возьму на себя. Вот мой первый приказ: возвращайся и убей всех ваших Высокочтимых-Породителей.

— Убить их? — дрожащим от ужаса голосом переспросил Пушкарь.

— Убить их, — терпеливо повторил Джоаз. — Тогда мы захватим корабль и отправимся на поиски миров, которыми правят люди.

— Нету таких миров.

— Должны быть! В свое время люди посетили все звезды небосвода.

— Это было давно.

— А как насчет Рая?

— О Рае мне ничего не известно.

Джоаз пожал плечами.

— Так вы перейдете на нашу сторону?

— Не вижу смысла, — мягко ответил Пушкарь. — Пойдем со мной. Не сопротивляйся и подчинись Порядку. — Он в замешательстве повернулся к Злыдням. — Твои Высокочитимые признают правильным заключение такого соглашения. Не сомневайся насчет их мнения.

— Глупец! Эти «Высокочитимые» — такие же рабы, как ты — раб Породителей! Мы выращиваем их, чтобы они служили нам, — так же, как выращивают вас! Вы же деградировали, пойми это наконец!

Пушкарь еще раз моргнул:

— Твои слова мне не совсем ясны. Иначе говоря, вы не хотите сдаться?

— Нет. Мы всех вас перебьем, если хватит сил.

Поклонившись, парламентар отбыл восвояси. Банбек проводил его до края осыпи и остался там, наблюдая за вражеским лагерем.

С обычной невозмутимостью выслушав доклад Пушкаря, Породители отдали приказ, и растянувшаяся цепью Тяжелая Пехота медленно двинулась к цитадели защитников. За ними последовали Великаны, держа бластеры наготове, и около двадцати Следопытов. Достигнув края осыпи, Пехотинцы с опаской заглянули в щели, а Следопыты вскарабкались на скалы, пытаясь обнаружить засаду. Ничего не найдя, они дали сигнал. Пехота, сломав цепь, но соблюдая крайнюю осторожность, углубилась в развалины. Вот они прошли двадцать футов, пятьдесят, сто... ничего. Осмелевшие Следопыты, горя жадой мести, двинулись по верхушкам скал... И тут Злыдни нанесли удар.

Нападение драконов отбросило ругающихся и вопящих Следопытов. Тяжелые Пехотинцы развернулись и открыли огонь. Двое Злыдней, пораженных в самые уязвимые места — подмышечные впадины, — размахивая лапами, рухнули вниз. Остальные, словно обезумев, попрыгали прямо на Пехотинцев. Раздались испуганные вопли, визг, крики боли. Подоспевшие Великаны, оскалившись, хватали драконов, ломали им шеи и забрасывали высоко на скалы. Злыдни отступили. Полдюжины Пехотинцев было ранено, двое остались лежать с перерезанным горлом.

Тяжелые Пехотинцы вновь двинулись вперед, на этот раз с еще большей осторожностью. Однако Следопыты, рысущие над их головами, закричали что-то предостерегающее, и те резко остановились, переговариваясь и нервно водя из стороны в сторону дулами пистолетов.

Следующий удар нанесли Демоны и Голубые Ужасы. Злобно гримасничая, Пехотинцы начали стрелять, воздух наполнился зловонием жженой чешуи и горящих внутренностей. Началась яростная потасовка: в тесных проходах между скал палицы, пистолеты и даже мечи были практически бесполезны. Великаны протиснулись вперед, но были немедленно атакованы Демонами. Идиотские улыбки исчезли с лиц гигантов, они отступили, опасаясь увенчанных стальными шарами хвостов. Впрочем, недостаток места мешал и самим Демонам, — их смертоносная сталь гораздо чаще била по скалам, нежели по врагам. Отошедшие на безопасное расстояние Великаны разрядили свои бластеры в гущу сражения, без разбора сжигая Демонов, Голубых Ужасов и Тяжелых Пехотин-

цев. На помощь защитникам прибыл свежий отряд Ужасов — драконы попрыгали со скал, разя Великанов своими когтями. Однако вскоре с ними было покончено — гиганты пошвыряли Ужасов на землю и растоптали их, а Пехотинцы сожгли тела излучателями.

Внезапно наступило затишье, нарушаемое лишь всхлипами и стонами раненых.

Прошло десять, пятнадцать секунд. В воздухе витала неясная угроза.

И тут появились Забуддыги.

Одно мгновение Великаны смотрели в глаза драконам, а затем потянулись к оружию. Но неожиданно спрыгнувшие со скал Ужасы отвлекли их внимание. Забуддыги бросились в бой.

Извивались плечевые отростки, взлетали и опускались палицы, трескались и разламывались доспехи. Не было слышно ни криков, ни рычания — одно только тяжелое сопение. И вскоре восемь Забуддыг, превосходящие противника и в массе, и в вооружении, отошли, пошатываясь, от восьми мертвых Великанов. Тем временем Тяжелые Пехотинцы, сгрудившись в кучу и ошетилившись разрядниками тепловых излучателей, начали отходить к долине, стреляя в каждого дракона, который пытался их преследовать. Наконец им удалось выбраться из скал, но Демоны, сгорая от желания сразиться на открытом месте, догнали отступающих и вклинились в самую середину отряда. На помощь им подоспели Длиннорогие и Бродячие Убийцы.

Двенадцать человек верхом на Пауках, с бластерами Великанов наизготовку храбро напали на Породи-

телей и Пушкарей. Породители, не колеблясь, пришпорили своих скакунов и помчались к кораблю, а Пушкари, развернув трехколесные орудия, дали залп. Упал один человек, за ним — второй, третий, однако остальные обрушились на стрелков и зарубили их всех, включая давешнего парламентаря.

Покончив с Пушкарями, смельчаки бросились в погоню за их хозяевами, но люди, превращенные Породителями в скакунов, улепетывали, точно гигантские зайцы, не уступая в скорости Паукам.

Со стороны осыпи донесся зов рога, и преследователи повернули обратно. Банбекское войско поспешно возвращалось под прикрытие скал.

Тяжелая Пехота двинулась было в контрнаступление, но усталость оказалась сильнее, и солдаты остановились. От трех отделений Пехотинцев осталась лишь жалкая горстка, погибло восемь Великанов, все Пушкари и почти все Следопыты.

У банбекских сил было всего несколько секунд, чтобы скрыться, ибо возмездие не заставило себя ждать — лавина взрывающихся шаров обрушилась на то место, где только что стояли люди, и сровняла скалы с землей.

Стоя на отполированном ветром каменном карнизе, Эрвис Карколо и Баст Гивен пытались разглядеть, что происходит в Банбекской осыпи. Они видели только блеск чешуи, снующие туда-сюда фигурки да смутные тени; звуки битвы на таком расстоянии казались отдаленным жужжанием насекомых. Исход сражения стал ясен, когда остатки войска Породителей выбежали на открытое место.

— Смотри-ка! — недоверчиво покачал головой Карколо. — Банбек отбил атаку! Он разгромил их отборные силы!

— Кажется, клыки, мечи и стальные шары лучше пистолетов и тепловых излучателей, — заметил Гивен. — По крайней мере, среди скал.

— Будь я на месте Джоаза, мы бы тоже в грязь лицом не ударили... — Он пристально посмотрел на Гивена. — Ты не согласен?

— Ясное дело, согласен. Нет вопросов.

— Породители застали меня врасплох, — продолжал Карколо. — А Банбек успел подготовиться. — Он перевел взгляд на долину, где корабль Породителей бомбардировал укрытие защитников. — Они что, собираются убрать осыпь из Долины? Недурная мысль? В этом случае Джоазу Банбеку негде будет спрятаться. А у Породителей наверняка есть резервные силы.

Действительно, тридцать свежих Пехотинцев спустились по трапу и выстроились перед кораблем.

Карколо ударил кулаком о ладонь:

— Баст Гивен, слушай меня очень внимательно. Есть прекрасная возможность изменить всю нашу жизнь! Обрати внимание: корабль сел прямо перед Клайбурнской расселиной.

— Это самоубийство, Эрвис.

— Брось, Гивен, — засмеялся Карколо. — Один раз живем! За славное дело стоит сложить голову.

Баст Гивен оглядел сильно поредевшую армию Счастливого Дола.

— Вряд ли необходимо нападать на корабль, чтобы снискать себе славу. Можно ограничиться победой над дюжиной Жрецов.

— Плевать, — ответил Карколо. — Рискнем. Я скачу вперед, а ты собирай войско и двигайся следом. Встречаемся на западном краю Долины, у начала Клайбурнской расселины.

12

Переминаясь с ноги на ногу и бормоча проклятия, Эрвис Карколо ждал подхода своих сил. Перед его внутренним взором нескончаемой вереницей проходили всевозможные кошмарные исходы: вдруг Породители отступят перед трудностями захвата Банбекской Долины и улетят? Вдруг Джоаз, чтобы спасти селение, ринется очертя голову в новую атаку и погибнет? Вдруг Баст Гивен не сумеет поднять боевой дух людей и драконов?.. Если случится что-нибудь подобное, мечты о славе рассеются как дым, и он опять останется с носом. Меря шагами неровную гранитную площадку, Карколо то смотрел вниз, на Долину Банбек, то изучал горизонт, надеясь увидеть силуэты приближающихся драконов и рыцарей.

Два отделения Тяжелой Пехоты, сформированные из оставшихся после битвы и резервных Пехотинцев, стояли около черного корабля, хладнокровно наблюдая за уничтожением селения: башни, колонны, шпили оседали, превращаясь в могильные курганы. Однако осыпь подвергалась более серьезному обстрелу: валуны трескались, словно гнилые овощи, обломки скал скатывались в долину...

Минуло полчаса. Эрвис Карколо присел было на камень, но, заслышав топот и звяканье, вскочил. На

фоне бледного неба вырисовывались печальные фигуры: люди были подавлены, Злыдни — раздражены, немногие уцелевшие Демоны, Голубые Ужасы и Убийцы — угрюмы.

Карколо поник головой. Какой прок от этой горстки бойцов? Потом он глубоко вздохнул: выше нос! Скажи смерти «нет»! Стараясь выглядеть уверенным, он шагнул вперед и провозгласил:

— Люди! Драконы! Сегодня мы потерпели поражение. Но еще не вечер! Близок час искупления! Мы отомстим и Пороditелям, и Джоазу Банбеку!.. — Он оглядел хмурые лица своих подданных, надеясь увидеть хотя бы проблеск воодушевления. Тщетно. Драконы, не вполне понимающие, о чем он говорит, фыркали и шипели. — Люди и драконы! — продолжал Карколо. — Как мы можем снискать себе эту славу, спросите вы? Отвечаю: идите за мной! Сражайтесь там, где буду сражаться я! Чего стоит смерть, если Счастливый Дол разрушен? — Он вновь оглядел свои отряды, по-прежнему находя лишь безразличие и апатию. Подавив крик ярости, готовый сорваться с губ, Карколо рявкнул: — Вперед!

Он прыгнул в седло изможденного Паука и начал спускаться по Клайбурнской расселине.

Черный корабль методично уничтожал Банбекскую осыпь и селение Банбек. Сидя в наблюдательном пункте у западного края долины, Джоаз смотрел, как одна за другой рушатся стены, открывая великолепное убранство комнат, создававшееся целыми поколениями; как превращаются в руины прекрасные залы... Сейчас огонь сосредоточился на скале, в которой находились личные апартаменты Джоаза: каби-

нет, мастерская и реликвариум рода Банбеков. Джоаз в бессилии сжимал кулаки. Ясно, чего добиваются Породители — сровнять долину с землей и тем самым убить как можно больше ее жителей. Еще час, и он увидит окончательное уничтожение Банбекского селения. Чем остановить пришельцев?

Чувствуя, как рушатся все его надежды, Джоаз посмотрел на то, что осталось от Банбекской осыпи. Где-то там находится замурованный вход в Большую пещеру Жрецов. Он попытался мыслить здраво. Лобовая атака подобна самоубийству. Однако корабль Породителей сел неподалеку от Клайбурнской расселины, похожей на ту, в которой прятался сам Джоаз. Люк распахнут, Тяжелая Пехота стоит поодаль... Он скривился и потряс головой: не может быть, чтобы Породители не подумали об этом. Или они самонадеянно посчитали, что защитники не пойдут на такой отчаянный шаг?

Джоаз метался по кабинету, не зная, на что решиться. Скала пошла трещинами, еще немного — и реликвариум, древняя сокровищница Банбеков, превратится в руины. Безнадежно махнув рукой, он позвал ментора:

— Собери Убийц, роты три Злыдней, две дюжины Голубых Ужасов, десяток Демонов и всех рыцарей. Мы пройдем краем Банбекского обрыва и спустимся по Клайбурнской расселине. Мы нападём на корабль Породителей.

Ментор удалился, а Джоазом овладели сомнения. Если пришельцы надеются заманить его в ловушку, то это им почти удалось... Вернулся ментор:

— Все исполнено.

— Выступаем!

Отряд защитников забрался на откос и, повернув на юг, двинулся к Клайбурнской расселине. Рыцарь, скакавший впереди, внезапно дал сигнал к остановке и, когда Джоаз подъехал узнать, что случилось, указал на следы, виднеющиеся на дне расселины:

— Не так давно здесь прошли драконы.

— В сторону долины, — добавил Джоаз, разглядывая следы.

— Да.

— Войско Эрвиса Карколо напало на корабль! — сообщил он двум подъехавшим разведчикам и, развернув Паука, ринулся в туманный проход.

Добравшись до конца расселины, воины Банбека слышали вопли и шум битвы. Жуткая картина открылась их взорам — драконы и Пехотинцы резали, сжигали и разрывали друг друга. Где Эрвис? Проскакав вперед, Джоаз заглянул в распахнутый люк. Никого. Значит, Карколо внутри. Неужели вредный коротышка разработал точно такой же план по захвату вражеского корабля?.. Или это ловушка? Могли ли Породители пожертвовать сорока Тяжелыми Пехотинцами, чтобы поймать в плен горстку людей? Сомнительно. Как бы то ни было, Пехотинцы теснили бойцов Карколо — выстроившись фалангой, они дружными залпами убивали драконов. Если это западня, то она сработала... разве что Эрвис Карколо уже захватил корабль. Приподнявшись в седле, Джоаз крикнул:

— В атаку!..

Пехотинцы были обречены. Бродячие Убийцы поражали врагов мечами, Длиннорогие Убийцы орудо-

вали копьями. Голубые Ужасы резали, расчленили, растапывали... Битва только-только разгоралась, когда Джоаз, его люди и несколько Злыдней поднялись по трапу. Иногда сквозь шум работающих механизмов доносились чьи-то вопли.

Размеры корабля потрясли Джоаза. Около люка он остановился и неуверенно заглянул внутрь. За спиной переговаривались его воины. «Такой ли я храбрый, как Эрвис Карколо? — спросил себя Джоаз. — А собственно, что такое храбрость? Я трушу. Я не смею войти, я не смею остаться снаружи...» Но, отбросив сомнения, он шагнул внутрь.

Над его головой все еще ухали орудия. Резиденция Банбека перестала существовать. Следующий выстрел разметал остатки осыпи, обвалился участок склона, открыв лаз в необъятную полость.

Джоаз оказался в шлюзовой камере, внутренний люк был задраен. Заглянув в прямоугольное окошечко, он увидел столпившихся у дальней стены отсека Эрвиса Карколо и его воинов, тщательно охраняемых двадцатью Пушкарями. Несколько Породителей, стоящих в боковой нише, бесстрастно наблюдали за пленными. Один Эрвис Карколо не покорился судьбе: ослепленный яростью, он бросился на врага... Однако пурпурная искра энергетического разряда обрзнула его, отшвырнув обратно к стене.

Повернувшись, один из Породителей случайно заметил Джоаза и нажал какую-то кнопку своим плечевым отростком. Взревела сирена, и наружный люк захлопнулся. Значит, все-таки ловушка? Или так происходит всегда, когда кораблю грозит опасность? Как бы то ни было, результат один. Джоаз дал знак.

Четверо тяжело вооруженных людей вышли вперед, опустились на колени и установили на полу четыре ранее принадлежавших Великанам бластера. Джоаз махнул рукой: «Огонь!» Затрещал и потек металл, кислый запах наполнил камеру. «Еще!» Внутренний люк исчез.

В образовавшееся отверстие хлынула толпа Пушкарей, пурпурное пламя ударило в ряды защитников долины. Люди дергались в конвульсиях и падали со скрюченными конечностями и искаженными лицами. Но не успели бластеры дать ответный залп, как вперед выскочили сверкающие красной чешуей существа — Злыдни. Шипя и воя, они расшвыряли Пушкарей, пробились внутрь корабля... и изумленно замерли перед нишей. Люди затаили дыхание. Даже Карколо с интересом ждал, что будет: Злыдни очутились перед собственными предками, и каждый видел в другом насмешку над собой. Подняв плечевые отростки, Породители издавали свистящие звуки. Поначалу с опаской, но потом все смелее и смелее драконы двинулись на захватчиков. Послышались шум возни и сдавленные хрипы. Чувствуя, как к горлу подступает тошнота, Джоаз отвернулся. Вскоре все стихло.

Банбек посмотрел на Эрвиса Карколо — лицо коротышки отражало целую гамму чувств: злость, усталость, боль, страх... Не поднимая глаз, Карколо погрозил кулаком Джоазу:

— Ни шагу дальше, — пробормотал он. — Корабль принадлежит мне. Уйди с дороги, если не хочешь умереть в луже собственной крови.

Джоаз презрительно фыркнул и повернулся к Карколо спиной. Глубоко вздохнув, тот шепотом выру-

гался и рванулся было к своему недругу, но Баст Гивен оттащил его и что-то быстро зашептал на ухо. Наконец Карколо утомился, обмяк и тихо заплакал.

Тем временем Джоаз осмотрелся. Стены отсека были серыми и гладкими, пол покрыт упругим черным материалом, напоминающим застывшую пену. Источником света служили сами стены.

В прохладном воздухе неприятно пахло чем-то кислым — раньше Джоаз не ощущал этого запаха. Странно. Он прочистил горло, и кашель звоном отозвался в его ушах. Подозрение переросло в уверенность. На негнущихся ногах Джоаз двинулся к выходу:

— Все наружу! Ядовитый газ!

Он выбрался на трап и жадно вдохнул свежий воздух. Следом появились банбекские воины и Злыдни, за ними — Эрвис Карколо и его люди. Сгрудившись у борта корабля, они разминали онемевшие ноги и, тяжело дыша, нервно озирались. Над их головами продолжали бабахать пушки. Рухнула последняя стена апартаментов Банбека, от осыпи осталась кучка валунов, один за другим скатывающихся в широкий дугообразный провал. В царящей внутри темноте Джоаз успел разглядеть исполинский силуэт, блеск, сияние, но тут за спиной раздались бряцание и шорох. Обернувшись, он увидел приближающегося врага — три свежих отделения Тяжелой Пехоты, по двадцать солдат в каждом, и дюжину Пушкарей с четырьмя колесными орудиями. Банбек в ужасе повернулся к своим воинам, — вряд ли они смогут отбить эту атаку. Оставалось одно: бегство.

— Отступаем к Клайбурнской расселине! — крикнул он.

Остатки двух армий гурьбой бросились в обход корабля. Тяжелая Пехота последовала за ними, правда, без особой спешки. Ибо у входа в расселину отступающих поджидало четвертое отделение Пехотинцев, Пушкари и их пушки.

Джоаз посмотрел направо, налево, вверх, вниз. Куда бежать? Где спрятаться? Осыпь? Ее больше не существовало... Внезапно внутри обширной полости он уловил ранее незаметное из-за падающих камней движение чего-то огромного, величественного. Из склона выдвигался темный предмет. Заслонка ушла в сторону, и ослепительно белый с голубым отливом луч ударил в кормовой диск вражеского корабля, прошел сквозь него и исчез.

Раздался надсадный вой корабельного оборудования — подобно сирене, он то поднимался до почти неуловимого ухом визга, то падал почти до нижней границы слышимости. Диск посерел, затуманился, наступила мертвая тишина. Затем висевший в воздухе корабль, лишившись поддержки невидимого поля, с грохотом рухнул на землю.

Джоаз воспользовался оцепенением, в которое впали Пехотинцы, глядя на то, во что превратился доставивший их сюда корабль, и скомандовал:

— Отступаем на север!

Пехотинцы, рыча, как собаки, бросились было в погоню, но Пушкари приказали им остановиться. Они нацелили свои орудия на пещеру, в которой суетились Жрецы, разворачивая таинственную черную громаду. Вновь ударил белый луч. Пушкари, их

пушки и две трети Тяжелой Пехоты исчезли, как утренний туман.

Уцелевшие Пехотинцы поспешно отступили к кораблю.

Но оставалось еще одно отделение — ждущее в засаде у Клайбурнской расселины. Пушкарь судорожно наводил трехколесное орудие. Жрецы из последних сил толкали, тянули, приподнимали черный цилиндр — их напряжение ощущал каждый человек в долине. Вспыхнул ослепительный луч, но прицел оказался неточным: выстрел Жрецов расколол камень в ста ярдах южнее Клайбурнской расселины. В ту же секунду из орудия Пушкаря вылетела струя зелено-оранжевого пламени, и пещера обрушилась. Вниз полетели люди, обломки скал, куски металла, осколки стекла, ошметки резины... Взрыв эхом прокатился по долине.

Смертоносный черный цилиндр Жрецов превратился в грудку никчемного хлама.

Джоаз сделал три глубоких вдоха, прогоняя из легких остатки наркотического дурмана, и дал знак своим Убийцам:

— Всех уничтожить!

Убийцы рванулись вперед.

Залегшие Пехотинцы открыли беглый огонь, но вскоре погибли. Последнее отделение Пехотинцев, укрывшееся у Клайбурнской расселины, в отчаянии бросилось в атаку, однако спрыгнувшие со скал Злыдни и Голубые Ужасы разметали его. Единственного Пушкаря забодал Убийца. Больше никто не оказывал сопротивления, и ведомые Джоаном Банбеком воины беспрепятственно проникли на корабль.

Отсек за шлюзовой камерой был погружен во тьму, оружие Великанов лежало там, где люди бросили его. Из отсека вели три двери, их быстро открыли с помощью бластеров. За первой находилась винтовая лестница. Вторая выходила в длинный пустой зал со скамьями вдоль стен. Третья вела в такой же зал, но битком набитый бледными, перепуганными людьми, охраняемыми низкорослыми Надзирательницами в серых халатах. Эрвис Карколо растолкал Надзирательниц и принялся трясти людей за плечи.

— Выходите! — вопил он. — Вы свободны, свободны! Быстрее, пока не поздно!

Освободители не встретили сопротивления, если не считать вялой попытки полудюжины Пушкарей и Следопытов воспрепятствовать вторжению. Все двадцать темноволосых приземистых Механиков и шестнадцать Породителей без боя сдались на милость победителя.

13

Долину окутали тишина и умиротворенность, разрушаемые лишь потрескиванием охлаждающегося металла в корабле, шорохом катящихся камней да перешептыванием освобожденных жителей Счастливого Дола. Люди разбили лагерь на выжженных полях; пленные расположились отдельной группой неподалеку от корабля.

Только Эрвис Карколо был неспокоен. Он стоял в стороне, спиной к Джоазу, легонько хлопая себя по

бедру кисточкой, украшающей ножны, и смотрел на пылающую точку Скина, висящую низко над западным склоном. Затем он перевел взгляд на покореженную конструкцию Жрецов, виднеющуюся в темном проломе на севере долины, и, в последний раз шлепнув себя по бедру, направился к Джоазу.

Проходя мимо своих людей, Карколо то и дело останавливался и, суматошно жестикулируя, пытался поднять в них боевой дух, но безуспешно.

Подойдя к растянувшемуся на земле Банбеку, Карколо грубовато заметил:

— Итак, война окончена, корабль захвачен.

Джоаз приподнялся на локте:

— Верно.

— Я хочу все расставить по местам. Согласно древнему закону, оставляющему право распоряжаться трофеем за тем, кто первый захватил его, корабль и оборудование принадлежат мне.

Джоаз весело ответил:

— По закону, еще более древнему, корабль уже мой.

— Давай обсудим это, — быстро сказал Карколо. — Кто, по-твоему...

Джоаз вяло отмахнулся:

— Отстань, Эрвис! Ты жив только потому, что меня все еще мутит от крови и жестокости. Не испытывай мое терпение.

Карколо отвернулся, раздраженно теребя кисточку на ножнах, но, глянув на откос, вновь обратился к Джоазу:

— Вон идут Жрецы, фактически уничтожившие корабль. Вспомни, я ведь уже предлагал план, который помог бы избежать разрушения и убийства.

— Ты предложил его два дня назад, — улыбнулся Джоаз. — Кроме того, у Жрецов и в помине не было оружия.

Карколо посмотрел на него как на сумасшедшего:

— Тогда как они подбили корабль?

— Могу только предполагать, — пожал плечами Джоаз.

— Ну так поделись своими предположениями, — с иронией попросил Карколо.

— Думаю, они сами строили космический корабль. Развернули дюзы в сторону корабля Породителей...

Карколо поморщился:

— Зачем Жрецам космический корабль?

— Вон идет Верховный. Спроси у него.

— Пожалуй, — с достоинством ответил Карколо. Но Верховный, шествующий в сопровождении четырех молодых Жрецов, прошел мимо как сомнамбула, очевидно намереваясь взойти на корабль. Джоаз вскочил на ноги, догнал Жрецов и преградил им путь.

— Что вы ищете, Верховный? — вежливо поинтересовался он.

— Вход на корабль.

— С какой целью, простите за любопытство?

Некоторое время Жрец молча смотрел на Джоаза. Лицо его было суровым и изможденным, глаза мерцали, словно звезды в морозном воздухе. Наконец он ответил хриплым от переполняющих его чувств голосом:

— Я хотел узнать, можно ли восстановить корабль.

Подумав, Джоаз рассудительно заметил:

— Да, вам это будет интересно... Не желаете ли вступить под мое командование?

— Мы никому не подчиняемся.

— В таком случае я не смогу взять вас с собой, когда улечу отсюда.

Верховный отвернулся — казалось, он сейчас уйдет. Однако, глянув на разрушенную пещеру в торце долины, Жрец вновь заговорил — его голос опять стал бесстрастным, лишь изредка в нем звучали горькие нотки:

— Это твоя вина! Ты гордишься собой, ты возомнил себя умным и сильным! Ты заставил нас вмешаться в ход событий, попрасть свои убеждения!

— Да, я знал, что пещера находится под осыпью. Догадывался, что вы строите космический корабль. Надеялся, что вы сможете защитить себя от вторжения Породителей и тем самым сослужите мне службу. Принимаю все твои обвинения. Я использовал вас, чтобы спасти себя и своих людей. Я был не прав?

— Не мне судить. Ты свел на нет работу восьми столетий. То, что ты уничтожил, невозполнимо!

— Я ничего не разрушал, Верховный. Если б мы объединились для защиты Банбекской Долины, этой беды не случилось бы. Вы же предпочли остаться в стороне, безразлично взирая на наше горе. Как видишь, вы ошибались.

— И таким образом труд восьми поколений оказался напрасным.

— А куда вы собрались отправиться на этом корабле? — невинно полюбопытствовал Джоаз.

Глаза Жреца вспыхнули ярко, как Скин.

— Когда исчезнет раса людей, мы двинемся по Галактике, вновь заселяя никчемные старые миры. Начнется новая история Вселенной, а прошлое умрет,

словно его и не было. Какое нам дело, если грефы уничтожат вас? Мы просто ждем смерти последнего человека.

— А себя вы людьми не считаете?

— Мы, как вы знаете, сверхлюди.

— Сверхлюди? — хрипло рассмеялся Карколо за спиной Джоаза. — Голые пещерные дикари! Чем ты докажешь свое превосходство над нами?

Рот Верховного приоткрылся, углубились морщины на лице.

— У нас есть танд. У нас есть наше знание. У нас есть наша сила.

Вновь рассмеявшись, Карколо отвернулся.

— Я испытываю к вам больше жалости, нежели вы когда-либо испытывали к нам, — смиренно заметил Джоаз.

— А как вы научились строить космические корабли? — поинтересовался Карколо. — Методом проб и ошибок? Или пользовались знаниями древних людей? Людей, живших задолго до вас?

— Мы — вершина человеческого развития, нам известно все, что люди когда-либо думали, говорили и изобретали. Мы последние — мы первые. Когда обыкновенный народ исчезнет, мы сделаем Вселенную такой же невинной и чистой, как дождь.

— Люди никогда не исчезали и никогда не исчезнут, — возразил Джоаз. — Их осталось мало, это верно. Но разве космос не бесконечен? С помощью Порожденных и их Механиков я почию корабль и отправлюсь на поиски миров, где еще живут люди.

— Ты ничего не найдешь, — ответил Верховный.

— Таких миров не существует?

— Империя Человека рухнула. Осталась лишь ничтожная горстка людей.

— А Рай?

— Сказка, не более. Плод воображения.

— А как же мой мраморный глобус?

— Игрушка.

— Да откуда ты знаешь?! — воскликнул Джоаз, злясь на самого себя.

— Разве я не говорил, что нам известна вся история человечества? Изучая танд, мы можем заглянуть во тьму веков, и ни разу воспоминание о планете Рай не всплывало в нашем мозгу.

Джоаз упрямо потряс головой:

— Должна существовать планета, с которой люди начали заселять Вселенную. Называй как хочешь — Земля, Храм или Рай, но где-то она существует.

Верховный собрался ответить, но прикусил язык.

— Может, ты и прав. Может, мы последние люди. Все равно я отправлюсь на поиски, — упрямо сказал Джоаз.

— И я с тобой, — вставил Карколо.

— Радуйся, если доживешь до рассвета! — огрызнулся Банбек.

Эрвис расправил плечи:

— Не забывайся! Мы еще не выяснили, кто владелец корабля!

Джоаз потерял дар речи. Ну что делать с этим несносным глупцом? Есть только один выход, но Банбек никак не мог на него решиться. Чтобы потянуть время, он повернулся к Карколо спиной и сказал Жрецу:

— Мои планы тебе известны. Если вы не желаете сотрудничать с нами, то я отказываюсь помогать вам.

Верховный медленно отвернулся.

— Что ж, лети. Мы — пассивная раса, мы презираем себя за то, что случилось сегодня. Возможно, это была величайшая ошибка... Лети, ищи свой забытый мир. Ты погибнешь среди звезд. Мы ждали долго, пождем еще. — И он ушел. Четыре молодых Жреца, молча стоявшие поодаль, последовали за ним.

— А если вновь нагрянут Породители? — крикнул Джоаз им вслед. — Будете ли вы сражаться на нашей стороне? Или на стороне врага?

Не оборачиваясь, Верховный уходил на север. Сквозь шлейф белых волос виднелись острые лопатки. Джоаз покачал головой и направился к кораблю.

Скин коснулся западного склона. Сгустились сумерки, быстро похолодало.

— На ночь я оставлю людей здесь, в долине, — сообщил подошедший Карколо. — А утром отправлю домой. Ты, я думаю, будешь сопровождать меня в предварительном осмотре корабля.

Джоаз глубоко вздохнул. Ну почему так тяжело принять это решение? Ведь Карколо дважды покушался на его жизнь, и, окажись коротышка на месте Банбека, пощады ждать не пришлось бы... В конце концов, это его долг перед самим собой, перед своими подданными, перед великой целью.

Взяв себя в руки, Джоаз подозвал рыцарей с трофейными тепловыми пистолетами и приказал:

— Отведите его в Клайбурнскую расселину и расстреляйте.

Вопящего, вырывающегося Эрвиса уволокли. С тяжелым сердцем Джоаз отвернулся и заметил Баста Гивена.

- Я думаю, вы человек разумный, — сказал Банбек.
- Я тоже так думаю.
- Пока не стемнело, уводите своих людей. Я назначаю вас правителем Счастливого Дола.

Не сказав ни слова, Гивен ушел; вскоре соседи собрались и отбыли восвояси.

Джоаз направился к тому, что недавно было селением Банбек. В ярости посмотрев на заваленную камнями и обломками скал Дорогу Кергана, он едва не переменял свои планы: не лучше ли отправиться к Коралайн и отомстить Порождителям?.. Но, проходя мимо руин резиденции, Джоаз по странной случайности наступил на кусок желтого мрамора — обломок древнего глобуса. Подбросив его на ладони, он взглянул на небо, где багровым светом разгоралась Коралайн, и попытался собраться с мыслями.

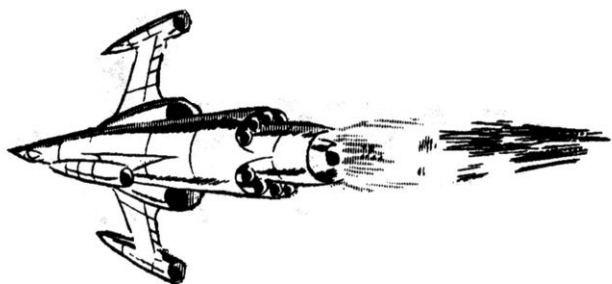
Жители Банбекской Долины выбирались из тоннелей. Девушка-менестрель по имени Фейд подошла к Джоазу.

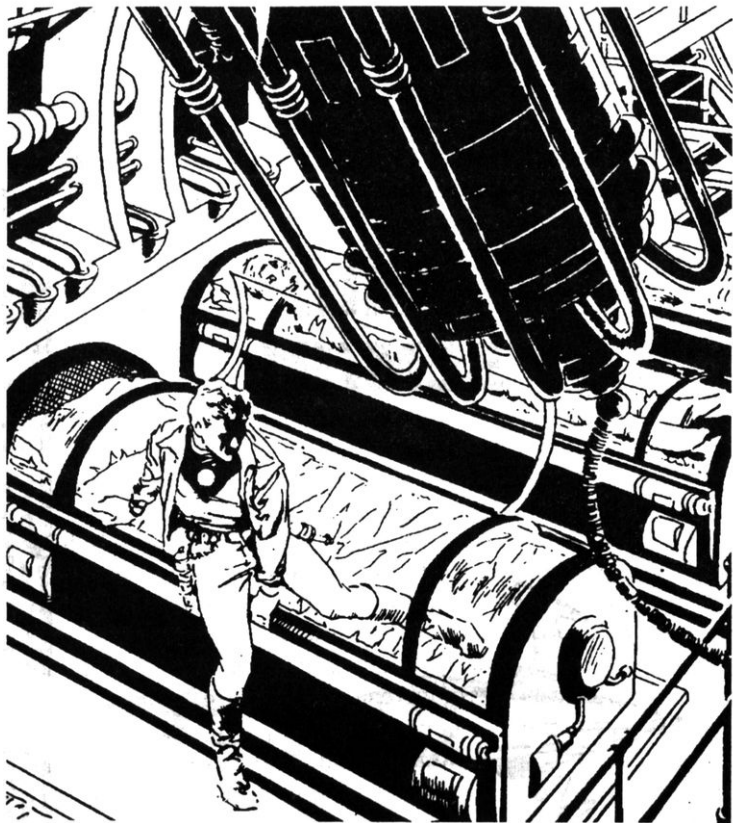
— Какой жуткий день! — прошептала она. — Какие ужасные события!.. И какая великая победа!

— Я чувствую то же, что и ты, — ответил Джоаз. — И кто знает, когда все это кончится!

Он зашвырнул осколок желтого мрамора далеко в развалины.

УМЫ ЗЕМЛИ

Даже в самые лучшие времена Айксекс была довольно унылой планетой. Ураганные ветры, насквозь продувая бесконечные горные цепи, иззубрили вершины, а ледяная крупа и проливные дожди, которые они приносили, стремились смыть последние остатки почвы в океан. Скучным был и растительный мир: к склонам гор кое-где лепились рощицы чахлых деревьев, из трещин в горных породах пробивались пучки восковой травы, за травы цеплялись лишайники, окрашивая их в грязно-синие и зеленые тона. Зато дно океана укрывал роскошный ковер водорослей, которые вместе с микроорганизмами играли решающую роль в процессе фотосинтеза на планете.

Несмотря на суровость среды обитания, а может быть, именно благодаря ей, одно из местных животных, относящихся к двоякодышащим земноводным, в процессе эволюции стало человекоподобным существом. Интуитивное ощущение математической точности и гармонии, пространственное восприятие мира предопределили создание ксексианами технической цивилизации.

Через четыре столетия после их выхода в космическое пространство они обнаружили странных существ — нопалов, из-за которых началась война, самая страшная в истории Айксекса. Длившаяся более столетия, эта война вконец опустошила и без того небогатую планету. Поверхность океана покрылась толстым слоем пены, жалкие остатки почвы были отравлены сыпавшимися с неба желтовато-белыми хлопьями. Немногочисленные города превратились в развалины, являя собой груды почерневших камней и осколки красно-коричневой черепицы, горы битого стекла и бесформенные комья гниющего мяса.

Оставшиеся в живых представители воюющих сторон — и читуми, и таупту (так, пожалуй, можно передать звуками человеческой речи щелчки и дребезжание, с помощью которых общаются между собой ксексиане) — обитали в подземных жилищах. Жители Айксекса разделились на два непримиримых лагеря: таупту, которые знали о существовании нопалов и пытались стереть их с лица планеты, и читуми, которые не признавали самого факта существования этих невероятных существ. Таупту и читуми питали друг к другу чувство, похожее на людскую ненависть, но в десятки раз более сильное.

После первых ста лет войны в ходе боевых действий наступил определенный перелом в пользу таупту. Читуми оказались заперты в их последней твердыне под Северными горами. Вооруженные отряды таупту медленно, но уверенно продвигались вперед, взрывая один за другим выходы на поверхность планеты и отправляя в подземные глубины снабженных ядерными бомбами механических кротов.

Читуми, понимая неизбежность своего поражения, все же упорно сопротивлялись. Все громче становился шум, вызываемый приближающимися кротами, вот уже прорвана передняя линия ловушек и пришел черед внутреннего кольца туннелей, предназначенных для запутывания противника. Описывая одну за другой концентрические спирали, из шурфа, углубленного на десять миль, в помещение силовой установки вломился чудовищных размеров крот, сделав бессмысленным дальнейшее сопротивление читуми. Коридоры твердыни погрузились в непроглядную тьму, но и натываясь в темноте друг на друга, уцелевшие читуми были готовы драться до последней капли крови. Кроты таупту тем временем все глубже вгрызались в скалы, и скрежет их буров резонировал в опустевших туннелях. Вот в одной из стен образовался пролом, в который тут же заполз грохочущий металлический хобот машины. Через несколько мгновений стены твердыни рухнули, и внутрь устремились потоки анестезирующих газов... Так была поставлена точка в войне, длившейся сто лет.

Освещая себе путь прожекторами, по грудам камней вниз стали спускаться таупту. Раненых и больных читуми они добивали на месте, остальных связывали и отправляли на поверхность, в плен.

Главнокомандующий Кхб Тэкс возвращался в древнюю столицу Миа. Пролетая на небольшой высоте сквозь сплошную завесу дождя, он видел грязное море, сушу, изрытую гигантскими кратерами, черные горные хребты. Впереди показались обугленные развалины Миа. Среди них уцелело лишь одно здание:

совсем недавно возведенная вытянутая приземистая коробка из серого базальта.

Кхб Тэкс посадил свой летательный аппарат и, не обращая внимания на дождь, направился к зданию. Пятьдесят—шестьдесят читуми, сгрудившихся в тесном загоне, медленно повернули в его сторону головы, учуяв приближение врага особыми органами чувств, заменявшими глаза. Кхб Тэкс отнесся к их импульсам ненависти с тем же безразличием, что и к лившему с неба дождю, не обратил он внимания и на исступленный скрежет, который говорил о невыносимых мучениях тех, кто находился внутри здания. На читуми же эти звуки производили ужасное впечатление: при каждом звуке они съеживались, будто мучения были их собственными.

Кхб Тэкс, войдя в здание, направился в специально для него отведенное помещение. Здесь он снял шлем, кожаный плащ, устало вытер с лица капельки дождя. Освободившись от остальной одежды, он вычистил всего себя щеткой с очень жестким ворсом, удаляя с кожи омертвевшие частицы ткани и крошечные отслоившиеся чешуйки.

За дверью послышалось робкое поскребывание связного.

— Вас ждут.

— Сейчас иду.

Привычным движениями главнокомандующий облачился в свежее обмундирование, пристегнул фартук, натянул сапоги, перебросил через спину гладкую, как хитин жука, длинную накидку. Случайно оказалось, что все предметы его одежды одинаково черные, хотя к цвету одежды ксексиане были абсо-

лютно равнодушны, отличая одну поверхность от другой по особенностям ее строения или шероховатости материала. Кхб Тэкс взял в руки увенчанный медальоном шлем из плотно пригнанных друг к другу металлических пластин. Углубления на поверхности медальона составляли слово таупту — «прошедший очищение». Гребень шлема венчали шесть высоких выступов: три из них соответствовали костным наростам, расположенным вдоль головы ксексианина, а три оставшихся обозначали его ранг. Подумав, Кхб Тэкс отсоединил медальон и снова надел шлем на серый голый череп.

Степенно прошествовав по коридору к двери из расплавленного кварца, он вошел в комнату идеально круглой формы со стеклянными стенами и высоким параболическим куполом. За круглым столом из полированного базальта восседали четверо ксексиан в шлемах с шестью выступами. Они сразу же заметили отсутствие медальона на шлеме Кхб Тэкса и поняли, что он хотел этим сказать: с падением Великой Северной Твердыни отпала необходимость в различии между читуми и таупту. Собравшаяся здесь пятерка представляла собой высшее руководство таупту. Среди членов пятерки не было четкого разграничения обязанностей, за двумя исключениями: Кхб Тэкс — главнокомандующий — определял военную стратегию. Птиду Эпиптикс командовал кораблями, оставшимися в составе космического флота.

Кхб Тэкс занял свое место и доложил о подробностях падения твердыни читуми. Его соратники слушали бесстрастно, потому что радость или волнение были им незнакомы.

Новое положение дел сухо подытожил Птиду Эпиптикс:

— Нопалы продолжают существовать, как и прежде. Мы одержали победу чисто местного значения.

— Тем не менее победу, — заметил Кхб Тэкс.

Его поддержал третий ксексианин:

— Мы уничтожили читуми, а не они нас. Мы начали борьбу практически с нуля, а в их распоряжении было все, но все-таки победили мы.

— Мы одержали скорее моральную победу, — продолжал упорствовать Птиду Эпиптикс. — Мы не знаем, что последует дальше. Нопалы продолжают досаждают нам.

— Что было — то было, — торжественно провозгласил Кхб Тэкс. — Сделан лишь первый шаг, основную борьбу нужно перенести на Нопалгарт.

Все пятеро погрузились в раздумье: эта мысль уже неоднократно приходила в голову каждому из них, но ее отвергали, не зная, какие последствия она вызовет.

В разговор вступил четвертый ксексианин:

— Мы совершенно обескровлены и больше не в состоянии вести войну.

— Сейчас кровью будут истекать другие, — возразил Кхб Тэкс. — Мы заразим своей ненавистью Нопалгарт, как в свое время Нопалгарт заразил нопалами Айксекс, после чего за нами останется лишь общее руководство борьбой.

— Насколько осуществим этот план? — задумчиво произнес четвертый ксексианин. — Любой из нас рискует головой, стоит ему только показаться на Нопалгарте.

— За нас там будут действовать наши агенты. Мы должны привлечь на свою сторону кого-нибудь такого, в ком не заподозрят смертельного противника Нопалгарта — например, кого-нибудь из жителей этой планеты.

— В таком случае совершенно очевидно, кому следует отдать предпочтение, — заметил Птиду Эпиптикс...

2

Голосом, дрожащим то ли от волнения, то ли от страха — от чего именно, дежурная в Вашингтоне так и не смогла разобрать, — неизвестный просил связать его с кем-нибудь из «большого начальства». Девушка спросила у неизвестного, по какому вопросу он звонит, объяснив, что учреждение, в котором она работает, состоит из множества секторов и отделов.

— Дело сугубо секретное, — произнес незнакомец, — мне обязательно нужно поговорить с кем-нибудь повыше, с тем, кто связан с наиболее важными научными проблемами.

«Какой-нибудь псих», — решила девушка, уже собираясь переключить звонок на сектор связей с общественностью, но как раз в это время в вестибюле появился Пол Бек, заместитель заведующего исследовательским отделом, долговязый мужчина лет тридцати семи, внешне ничем не примечательный, уже успевший раз жениться и развестись. Большинство женщин находили его привлекательным, и дежурная не составляла исключения, поэтому решила лишний раз обратить на себя внимание.

— Мистер Бек, — проворковала она, — может быть, вы поговорите с этим человеком?

— Кто это?

— Не знаю. Похоже, он очень взволнован, хочет поговорить с кем-нибудь из руководства.

— Позвольте узнать, какую вы должность занимаете, мистер Бек? — Голос говорившего на другом конце провода тотчас же вызвал образ пожилого человека, искреннего, но знающего себе цену, взволнованно переминающегося с ноги на ногу.

— Заместитель заведующего исследовательским отделом, — сказал Бек.

— Это должно означать, что вы ученый? — осторожно спросил неизвестный. — Дело у меня такое, что я не могу обсуждать его с кем-нибудь из рядовых сотрудников.

— О чем же вы хотите мне сообщить?

— Мистер Бек, вы ни за что не поверите мне, если рассказывать по телефону. — Голос говорившего задрожал. — Я и сам не очень-то в это верю.

Такой поворот событий заинтриговал Бека, взволнованность говорившего передалась и ему. Тем не менее, интуиция подсказывала, что лучше не связываться с неутомонным стариком.

— Мне обязательно нужно увидеться с вами, мистер Бек, — с вами или с каким-нибудь другим ученым, специалистом в своем деле. — Голос говорившего зазвучал несколько тише, будто он на мгновение отвернулся от микрофона.

— Если вы объясните трудности, с которыми вам пришлось столкнуться, то я постараюсь вам помочь.

— Нет, — возразил старик. — Вы скажете, что я сошел с ума. Вам нужно непременно побывать у меня. Я покажу вам нечто такое, что не могло привидеться вам в самых нелепых и страшных снах.

— Это уж слишком, — возмутился Бек. — Хоть намекните, о чем идет речь!

— Вы подумаете, что я сумасшедший, хотя я уже не исключаю и такой версии... — Говоривший неожиданно рассмеялся. — Очень хотелось бы, чтобы именно так и было.

— Что вы хотите этим сказать?

— Так вы навестите меня?

— Пошлю к вам кого-нибудь из помощников.

— Нет, так дело не пойдет. Вы пошлете ко мне полицию, и тогда... вот тогда-то и начнутся неприятности... — Последние слова он прошептал буквально на одном дыхании.

Бек прикрыл трубку рукой и попросил дежурную проследить, откуда звонят.

— С вами приключилась какая-нибудь беда? Вам кто-то угрожает?

— Нет, что вы, мистер Бек! Ничего подобного! Только скажите, вы сможете навестить меня прямо сейчас? Мне обязательно нужно это знать!

— Совершенно исключено, пока я хоть что-нибудь не узнаю о цели своего визита.

Старик тяжело вздохнул.

— Ладно, тогда слушайте и не говорите потом, что я вас не предупреждал. Я... — Голос в трубке сменился короткими гудками.

Бек посмотрел на трубку со смешанным чувством облегчения и неприязни, затем повернулся к дежурной.

— Чем порадуете?

— Я не успела выполнить вашу просьбу, мистер Бек. Он слишком быстро повесил трубку.

Бек недоуменно пожал плечами.

— Скорее всего, какой-то чокнутый... И все же... — Он отвернулся.

Непонятно отчего вдруг возникшее чувство страха не проходило, в затылке все так же продолжало покалывать. Он направился в свой кабинет, где к нему присоединился доктор Ральф Тарберт, математик и физик, для своих пятидесяти лет весьма подтянутый и импозантный, с копной совершенно белых волос, чем он очень гордился. В противоположность Беку, который любил носить помятые твидовые пиджаки и широкие фланелевые брюки, Тарберт носил элегантные костюмы темно-синего цвета. Он и не думал умерять свойственный ему снобизм, наоборот, он выставлял его напоказ, принимая позу закоренелого циника, что частенько раздражало Бека.

Неожиданно прервавшийся разговор с неизвестным не шел у Бека из головы, и он вкратце рассказал о нем Тарберту, который, как и следовало ожидать, лишь отмахнулся.

— Он был очень напуган, — задумчиво произнес Бек.

— Скорее всего, на дне его пивной кружки хихикал зеленый чертик.

— Нет, впечатление было такое, что он трезв, как стеклышко. Вы знаете, Ральф, у меня чувство, будто я зря не повиделся с этим человеком.

— Примите что-нибудь успокоительное и давайте-ка лучше обсудим вопрос истечения электронов.

Вскоре после полудня посыльный занес в кабинет Бека небольшой пакет. Бек расписался в регистрационной книге и внимательно осмотрел сверток. Имя и адрес были написаны шариковой ручкой, ниже была приписка: «Не вскрывать при посторонних»

Бек, развернув пакет, обнаружил внутри картонную коробку с металлическим диском размером с долларовую монету. Когда он вытряхнул диск себе на ладонь, тот показался ему и легким, и тяжелым одновременно, массивным и в то же время невесомым. Удивленно вскрикнув, Бек отдернул руку, но диск не упал, а завис в воздухе, затем начал медленно подниматься. Бек изумленно уставился на него и потянулся к нему пальцами.

— Дьявольщина, да и только! На него не действует сила тяжести?

Зазвонил телефон. Уже знакомый голос встревоженно спросил:

- Вы получили пакет?
- Минуту назад.
- Теперь вы навестите меня?

Бек сделал глубокий вздох.

- Как вас зовут?
- Вы придете один?
- Да. — ответил Бек. Он принял решение.

3

Сэм Гиббонс был вдовцом. Два года назад он оставил процветающую торговлю поддержанными автомобилями в городке Бьюэллтон, штат Виргиния, в семидесяти пяти милях от Вашингтона. Двое его

сыновей учились в колледже, а он жил в небольшом кирпичном доме на вершине холма в двух милях от городка.

Гиббонс встретил Бека у ворот — представительный мужчина лет пятидесяти с похожим на грушу туловищем и добродушным лицом, которое от волнения покрылось морщинами и слегка подрагивало. Прежде всего он удостоверился в том, что Бек прибыл один, а затем признался:

— Я навел о вас справки. Вы признанный ученый, дока по части космоса и всяких там лучей и занимаете достаточно крупную должность в заведении, в котором работаете. Поймите меня правильно, — нервничая, пояснил Гиббонс, — иначе нельзя, вы в этом убедитесь через несколько минут. Слава тебе, Господи, что я сам-то здесь совсем ни при чем. — Тяжело и часто дыша, он глянул в сторону дома.

— Что же здесь все-таки происходит? — спросил Бек. — К чему такая конспирация?

— Сейчас вы все поймете, — хрипло сказал Гиббонс. Только теперь Бек заметил, что старик едва держится на ногах от усталости, что вокруг его глаз залегли темные круги. — Мне нужно завести вас в дом. Вот и все, что от меня требуется, а дальше разбирайтесь сами.

Бек посмотрел на дорожку, ведущую к дому.

— В чем разбираться?

Гиббонс похлопал его дрожащей ладонью по плечу.

— Все нормально, вы просто...

— Я не сдвинулся с места, пока не узнаю, кто меня ждет в доме.

Гиббонс глянул украдкой через плечо.

— Это человек с другой планеты, — неожиданно выпалил он. — Марсианин, что ли. Не знаю точно откуда, он велел мне позвонить по телефону кому-нибудь, с кем он мог бы переговорить, вот я и связался с вами.

Бек присмотрелся к фасаду дома: за занавеской в одном из окон явно кто-то скрывался. Беку почему-то даже в голову не пришло не поверить Гиббонсу, и он только смущенно рассмеялся.

— Рехнуться можно!

— А что же тогда говорить обо мне? — закивал Гиббонс.

Бек почувствовал, что ноги у него стали ватными, и желание зайти в дом пропало без следа.

— Откуда вам известно, что он с другой планеты?

— Он мне так сказал, и я ему поверил. Вот погодите, вы сами его увидите.

Бек глубоко вздохнул.

— Ладно пойдемте. Он говорит по-английски?

Некое подобие улыбки на мгновение смягчило лицо Гиббонса.

— Из коробки. Он держит у себя на животе коробку, вот она-то и разговаривает.

Они подошли к дому. Гиббонс распахнул входную дверь. Бек переступил через порог и как вкопанный остановился.

Существо, которое его дожидалось, было человеком, но стало им, пройдя совершенно иной путь эволюции, чем тот, которому следовали предки Бека. Человек этот был на четыре дюйма выше Бека; кожа серая, грубая, напоминающая слоновью шкуру; голова узкая и вытянутая; глаза, похожие на необработанные желтые стекляшки, ничего не выражали и, скорее

всего, ничего не видели. Вдоль всего черепа как продолжение позвоночного столба проходил костяной гребень, увенчанный тремя наростами. Круто обрываясь вниз в районе лба, этот гребень становился тонким, как лезвие сабли, носом. Грудь существа была узкая, но выпуклая, вдоль рук и ног обозначались тугие мышцы.

Совершенно ошарашенный таким зрелищем, Бек долго не мог прийти в себя. Его беспокоило, что к пришельцу он испытывает неприязнь и недоверие — чувства, которые он старался в себе подавить всей душой. Но ведь иначе и не может быть, подумалось ему, — существа с различных планет не могут не испытывать стесненности в общении друг с другом. В попытке скрыть охватившие его чувства Бек заговорил с такой искренностью, что она показалась фальшивой даже ему самому.

— Меня зовут Бек. Пол Бек. Насколько я понимаю, вы знакомы с нашим языком.

— Мы изучаем вашу планету вот уже много лет. — Аппарат, висевший на груди инопланетянина, выговаривал слова медленно, но четко, приглушенная синтезированная речь сопровождалась щелчками и шипением, вызванными колебаниями особых пластин, заменяющих голосовые связки. Машина-переводчик, отметил про себя Бек, скорее всего осуществляет и обратный перевод с английского на тот скрежет и треск, которые являются речью инопланетянина.

— Мы давно уже хотели посетить вашу планету, но это сопряжено для нас с крайней опасностью.

— С опасностью? — удивленно переспросил Бек. — Не понимаю почему, ведь мы не варвары. С какой планеты вы сейчас прибыли?

— Наша планета находится на очень большом расстоянии от Солнечной системы. Мы называем нашу планету Айксекс. Меня зовут Птиду Эпиптикс. Вы — один из ученых вашей планеты?

— Да. Физик и математик. А в настоящий момент я состою на высокой административной должности.

— Прекрасно. — Птиду Эпиптикс, вытянув руку вперед, повернул ладонь в направлении Сэма Гиббонса, который стоял, нервно переминаясь с ноги на ногу, в дальнем конце комнаты. Небольшой угловатый предмет, который пришелец держал в руке, издал звук, похожий на удар бича, рассекающего воздух. Гиббонс захрипел и стал оседать на пол бесформенной грудой, будто в одно мгновение исчезли все кости, поддерживающие его тело.

У Бека от ужасахватило дух.

— Эй, эй! — ловя ртом воздух, закричал он. — Что вы делаете?

— Нельзя допустить, чтобы этот человек что-то рассказал кому-нибудь. Слишком важна выполняемая мной функция. Я должен осуществить свою миссию.

— Черт побери вашу миссию! Вы нарушаете наши законы! Здесь вам не...

Птиду Эпиптикс оборвал его на полуслове:

— Иногда нельзя обойтись без убийства. Вам придется переменить свою точку зрения, так как в мои намерения входит привлечь вас к содействию в осуществлении моей миссии. Если вы откажетесь, я убью вас и буду искать другого помощника.

Бек на мгновение потерял дар речи, потом решительно потряхнул головой.

— Что вам от меня нужно?

— Мы отправляемся на Айксекс. Там вы обо всем узнаете.

Бек попытался было протестовать.

— Я не могу отправиться на вашу планету, у меня по горло работы. Давайте лучше вместе съездим в Вашингтон... — Он запнулся, пораженный злобно-насмешливой терпеливостью инопланетянина.

— Мне безразличны ваши проблемы и ваша работа.

Почти доведенный до истерики, Бек задрожал всем телом и подался вперед, но остановился, увидев в руке пришельца страшное оружие.

— Не давайте эмоциям взять верх над собой. — Рот инопланетянина исказила гримаса, по сторонам носа пробежали складки — единственное изменение выражения лица, которое заметил Бек. — Следуйте за мной, если хотите остаться в живых. — Он попятился в дальний угол комнаты.

Бек последовал за ним на одеревеневших ногах. Они вышли через черный ход на задний двор, где Гиббонс соорудил для себя плавательный бассейн и веранду для гостей.

— Подождем здесь, — произнес Эпиптикс и застыл в неподвижности, наблюдая за Беком с холодным безразличием насекомого.

Прошло минут пять. Мрачные предчувствия и не находящий выхода гнев словно парализовали Бека. Десятки раз он подавался телом вперед и десятки раз вспоминал страшное оружие в серой руке...

С неба спустился металлический предмет правильной цилиндрической формы размером с автомобиль. Эпиптикс сделал повелительный жест в сторону открытой секции. Бек на негнущихся ногах вошел внутрь ле-

тательного аппарата, следом за ним шагнул и Эпиптикс, после чего проем в корпусе тотчас же закрылся. На какое-то мгновение у Бека возникло ощущение быстрого движения.

— Куда вы меня везете? — спросил Бек, стараясь, чтобы его голос прозвучал как можно спокойнее.

— На Айксекс.

— Зачем?

— Чтобы вы узнали, чего мы от вас ждем. Я вполне разделяю ваш гнев, прекрасно понимаю, что вы недовольны нашими действиями. Тем не менее я хотел бы, чтобы вы поняли, насколько изменилась ваша жизнь. — Эпиптикс отложил в сторону оружие. — Теперь для вас не имеет смысла...

Бек, не в силах удержать клокотавшую в нем ярость, бросился на ксексианина, но тот крепко схватил его мгновенно напрягшейся мускулистой рукой. Глаза Бека ослепила вспышка ярко-пурпурного света, и на какое-то мгновение возникло ощущение, будто череп его раскалывается. Затем Бек потерял сознание.

4

Очнулся он в совершенно незнакомом месте — в темном помещении, остро пахнущем влажными камнями. В густой темноте ничего не было видно, но под собой он обнаружил некое подобие эластичного мата и, просунув под него пальцы, нащупал холодный твердый пол.

Приподнявшись на локте, Бек прислушался: ни единого звука, всюду царила полнейшая тишина. Бек

ощупал лицо, пытаясь по длине отросшей щетины выяснить, сколько же времени он тут находится. Скулы покрывала щетина длиной по крайней мере в четверть дюйма — значит, он находится в этом каменном мешке примерно неделю.

Вдруг Бек почувствовал, что к нему кто-то приближается. Как ему удалось почувствовать это? Ведь никаких звуков он не услышал... просто нахлынуло ощущение исходящего откуда-то зла.

Стены внезапно стали люминесцировать, осветив продолговатую узкую камеру с изящным сводчатым потолком. В дверях показался Птиду Эпиптикс или кто-то на него очень похожий. Шатаясь от голода и усталости, Бек попытался выпрямиться во весь рост. Страшное напряжение сдавило ему грудь.

— Где я? — невозможная застрявший в горле комок, сиплым голосом спросил он.

— Мы на Айсексе, — ответила коробка на груди Эпиптикса. — Следуйте за мной.

— Нет. — Колени подкосились, и Бек грузно осел на пол.

Птиду Эпиптикс исчез в коридоре. Вскоре он вернулся с двумя другими ксексианами, катившими металлический шкаф со множеством выдвижных ящиков. Они схватили Бека, затолкали ему в горло гибкий шланг и стали вливать в желудок какую-то теплую жидкость, затем столь же бесцеремонно вынули шланг и удалились.

Эпиптикс продолжал стоять, сохраняя молчание. Так прошло несколько минут. Все это время Бек лежал без движения, изредка поглядывая на своего мучителя из-под опущенных век. Несмотря на жесто-

кость инопланетянина невозможно было не признать его сверхъестественного великолепия. Голову и часть спины этого существа прикрывал роскошный шлем, состоящий из узких металлических полосок, с шестью злобными шипами. Бек съежился и закрыл глаза, испытывая крайне неприятное чувство собственной немоги и бессилия в присутствии этого законченного воплощения зла.

Прошло еще пять минут, в течение которых тело Бека снова постепенно наполнялось жизненной силой. Он пошевелился, открыл глаза и раздраженно спросил:

— Полагаю, вы наконец расскажете, зачем меня сюда поместили?

— Когда вы будете готовы, — сказал Птиду Эпиптикс, — мы выведем вас на поверхность. Тогда и узнаете, что от вас требуется.

— Что вам требуется и что удастся получить — разные вещи, — уныло пробурчал Бек и уткнулся головой в мат.

Птиду Эпиптикс вышел, а Бек яростно ругал себя за никчемное упрямство и глупое бездействие — ничего не изменится, пока он будет вот так валяться в темноте.

Через час Птиду Эпиптикс вернулся.

— Вы готовы?

Бек ничего не ответил, он просто поднялся и последовал за инопланетянином в коридор, который вел к лифту. В кабине лифта они стояли очень близко друг к другу, и у Бека возникло ощущение, будто он сжался, превратившись в комок обнаженных нервов. Ксексианин по всем данным принадлежал к тому типу существ, который описывается универсальным

понятием «человек», почему же тогда Бек испытывал к нему непреодолимое отвращение? Из-за проявленной ксексианином жестокости? Причина серьезная, и все же...

Ход мыслей Бека неожиданно прервал Эпиптикс:

— Возможно, вы задаетесь вопросом, почему мы живем глубоко под землей?

— Меня волнует и ряд других вопросов.

— Война загнала нас под землю — война такая, какую на вашей планете даже трудно представить.

— Она продолжается и сейчас?

— Война на Айксексе закончилась, мы завершили очищение читуми. Теперь можно снова выйти на поверхность планеты.

Кабина лифта остановилась. Бек неохотно последовал за ксексианином в коридор, лихорадочно перебирая в уме десятки отчаянных, но неосуществимых планов своего освобождения. Вряд ли можно было ожидать милосердия со стороны Птиду Эпиптикса, но любого рода действие было бы все же предпочтительнее покорной уступчивости. Нужно найти хоть какое-нибудь средство самозащиты — годится любое, пусть даже придется драться, бежать, прятаться, хитрить... Только не сдаваться!

Эпиптикс неожиданно повернулся лицом к нему и поднял руку.

— Сюда, — раздалось из переводчика на его груди.

Бек подался всем телом вперед. Ну! Смелее!... И тут же уныло расслабился. Легко сказать — действуй! Как действовать? Пока что ксексиане не причинили ему вреда, и все же... Звуки, которые он вдруг услышал, заставили его встрепенуться: ужас-

ный прерывистый скрежет, переходящий в хрип. Со всем не нужно было напрягаться, чтобы понять природу этих звуков — язык боли универсален.

Ноги у Бека подкосились, он схватился рукой за стену. Громкий скрежет распался на отдельные щелчки, звуки задрожали, повисли в воздухе, стали едва слышными.

Ксексианин продолжал бесстрастно смотреть на Бека.

- Сюда, — повторил голос переводчика.
- Куда это? — прошептал Бек.
- Сейчас увидите.
- Я не тронусь с места.
- Идите — в противном случае вас понесут.

Бек стоял, не зная, как поступить. Ксексианин сделал шаг в его сторону, и ему ничего не осталось как подчиниться.

Металлическая дверь отъехала в сторону, в образовавшийся проем с оглушительным воем ворвался холодный сырой ветер. За всю жизнь Беку не приходилось видеть более унылого пейзажа. Островерхние вершины, словно зубы крокодила, обрамляли линию горизонта, по небу неслись, сталкиваясь и нагромождаясь друг на друга, черные и свинцовые тучи, проливающиеся траурными завесами дождя. Равнина внизу — сплошные развалины. Высоко в небо вздымались искореженные, насквозь проржавевшие стальные фермы и балки, обвалившиеся стены и крыши превратились в груды почерневших кирпичей и грязной черепицы. Те участки стен, которые продолжали стоять, покрывали уродливые зловещие пятна плесени. Во всей этой безрадостной картине не ощущалось

никаких признаков жизни, никакого намека на какие-нибудь перемены к лучшему — всюду царили запустение и безнадежность. Глядя на это, Бек невольно испытал сострадание к ксексианам, независимо от грехов, которые они совершили... ведь ксексиане тоже хотели счастья и мира.

Бек и Птиду Эпиптикс стояли на пороге единственного уцелевшего сооружения и глядели на темные силуэты внутри открывшегося перед ними загона. Кто это? Люди? Ксексиане?

На этот, еще не произнесенный вслух вопрос, ответил голос переводчика:

— Это последние из читуми. Остались только таупту.

Бек медленно направился к загону. На сгрудившихся в кучу, чтобы защититься от холодного ветра, читуми было невозможно смотреть без сострадания. Подойдя поближе к защитному заграждению, Бек заглянул внутрь. Читуми, повернувшие голову в его сторону, казалось, скорее чувствовали, чем видели его приближение. Вид у них и в самом деле был жалкий: лохмотья едва прикрывали обтянутые кожей скелеты несчастных существ. Они принадлежали, безусловно, к той же расе, что и таупту, но несходство между ними было разительным: несмотря на позор пребывания в загоне, на царившее в нем убожество, эти существа буквально излучали одухотворенность. Древняя, как мир, история: торжество варварства над цивилизацией. Бек бросил ненавидящий взгляд в сторону Эпиптикса, в котором видел средоточие зла и порока. Приступ внезапно вспыхнувшей ярости заставил его позабыть обо всем на свете, в исступлении он бросил-

ся вперед, неистово размахивая кулаками. Читуми одобрительно загудели, подбадривая его, но толку от этого было мало. К Беку бросились находившиеся поблизости таупту и, прижав его к стене, держали, пока он не прекратил сопротивление и не обмяк.

Все тем же бесстрастным голосом Птиду Эпиптикс произнес:

— Вот это и есть читуми. Их осталось совсем немного, и скоро они будут полностью уничтожены.

До Бека донесся еще один душераздирающий скрежещущий звук.

— Пытаете читуми да еще заставляете других слушать?

— Ничего не делается без особой на то причины. Следуйте за мной и посмотрите.

— Я уже достаточно нагляделся.

Бек посмотрел вдаль, пробежался взглядом вдоль линии горизонта. Помощи ждать было неоткуда. Эпиптикс дал знак. Двое таупту поволокли его назад, в здание. Бек сопротивлялся, брыкался ногами, пытаясь высвободиться, но все было тщетно. Таупту внесли его в помещении, залитое ярко-зеленым светом. Бек тяжело и часто дышал, двое таупту стояли рядом с ним.

— Если вам удастся обуздать ваши агрессивные устремления, — раздался бесчувственный голос переводчика, — вас освободят.

Поток бешеных ругательств застрял в горле у Бека. Бороться было бесполезно. Он выпрямился и коротко кивнул. Таупту отступил. Бек стал разглядывать комнату, в которую его затолкали. Вокруг громоздились шкафы с электроаппаратурой, в дальнем конце комнаты стояла металлическая рама с решеткой. У самой

стены в оковах стояли четверо ксексиан. Что-то подсказывало Беку, что это были читуми. Вперед вышел Эпиптикс, неся в руках какой-то предмет, оказавшийся очками без стекол.

— В данный момент вы еще многого не понимаете, — сказал, обращаясь к Беку, Эпиптикс. — Здешние условия сильно отличаются от земных. На Айк-сексе есть две разновидности людей: таупту и читуми. Они различаются наличием нопала.

— Нопала? А что такое нопал?

— Вот это вам и предстоит узнать. Прежде всего мне необходимо выяснить, насколько у вас развита так называемая псионическая чувствительность. — Он показал на очки с почти незаметными для глаза стеклами. — Этот несложный прибор изготовлен из очень необычного материала — вещества, вам неизвестного. Попробуйте посмотреть с его помощью.

Чувство отвращения ко всему, чего касалась рука таупту, заставило Бека непроизвольно отпрянуть назад.

— Нет.

Эпиптикс протянул Беку очки. Лицо его, казалось, исказилось в насмешливой гримасе, хотя ни один мускул на нем не дрогнул.

— Мне снова придется прибегнуть к силе.

Превозмогая себя, Бек надел очки. Не произошло ничего такого, никаких зрительных искажений.

— Поглядите внимательно на читуми, — сказал Эпиптикс. — Линзы очков добавляют, скажем так, некое новое измерение к вашей способности видеть.

Бек взглянул на читуми. На какое-то мгновение перед ним что-то мелькнуло. Что? Этого он уже не мог вспомнить. Он посмотрел еще раз, но теперь линзы

только мешали. Контуры читуми затуманились, верхнюю половину их тела прикрывали расплывшиеся черные кляксы, похожие на гусеницу. Бек посмотрел на Птиду Эпиптикса и удивленно заморгал, увидев снова черную кляксу — или нечто другое? Но что именно? Пятно было как бы фоном, на котором просматривалась голова Эпиптикса, оно состояло из какой-то сложной субстанции, не поддающейся объяснению, но чем-то безмерно опасной. И еще слышался какой-то странный звук, этакое скрежещущее гортанное урчание: «ггер, ггер». Откуда оно исходило? Бек снял очки, быстро осмотрелся. Непонятный звук исчез.

Раздалось щелканье и гудение в гортани Эпиптикса.

— Что вы увидели? — произнес голос из коробки.

— Ничего такого, чтобы можно было описать, сказать что-нибудь определенное, — в конце концов был вынужден признаться Бек, хотя в глубине сознания осталось смутное ощущение, что что-то все-таки не так... — А что я должен был увидеть? — спросил он.

Негромкий ответ, произнесенный переводчиком, захлебнулся в kloкочущем скрежете непереносимой боли, раздавшемся в дальнем конце комнаты. Бек обнял ладонями голову и стал раскачиваться из стороны в сторону, чувствуя, что вот-вот упадет. На читуми это тоже очень подействовало: тела их стали оседать, двое упали на колени.

— Что вы делаете? — хрипло закричал Бек. — Для чего вы меня сюда привели? — Он не мог заставить себя посмотреть на страшную решетку в конце комнаты.

— В связи с крайней необходимостью. Пройдите туда и посмотрите.

— Нет! — Бек рванулся к двери, но его задержали. — Не желаю больше ничего видеть.

— Вы должны.

Ксексиане бесцеремонно развернули Бека и, не смотря на его отчаянное сопротивление, потащили через комнату к таинственным механизмам. На металлической решетке лицом вниз лежал ксексианин. Голову его стягивали два полуобруча замысловатой конструкции, а руки, ноги и туловище облегали стальные рукава. Над головой и плечами свободно висела тончайшая пленка из какого-то материала, прозрачного, как целлофан. К большому удивлению Бека, жертва была не читуми. На мужчине была одежда таупту, на столике рядом покоился такой же шлем, какой венчал голову самого Эпиптикса, только с четырьмя зубцами. Удивительный парадокс! В замешательстве Бек наблюдал за тем, как продолжается процесс — чем бы он не был: пыткой, наказанием или испытанием силы духа.

К решетке подошли двое таупту в белых перчатках и плотно со всех сторон прикрыли голову жертвы прозрачной пленкой. Тотчас ноги и руки ее судорожно задергались, повинуясь безусловным рефлексам, обручи внезапно озарились бледно-голубым сиянием — произошел разряд какой-то энергии. Жертва издала скрежещающие звуки, и Бек напрягся в крепких руках ксексиан.

Мучители поправили пленку на голове у жертвы, кое-где подтянули ее, чтобы она плотнее облегала голову, следуя всем изгибам черепа. Еще раз вспыхнуло голубое мерцание, снова несчастный издал жалобные звуки, затем тело распростертого ксексианина совер-

шенно обмякло. Один из мучителей сдернул прозрачный мешок с головы жертвы и поспешно унес его прочь. Двое других таупту бесцеремонно сбросили беднягу на пол, затем схватили одного из читуми и с размаху швырнули на решетку. Ноги и руки новой жертвы были уже связаны, однако он продолжал извиваться на решетке, пуская пену изо рта. В комнату внесли едва различимую пленку, которая, казалось, не имела веса, затем плотно закрыли этой пленкой голову и плечи читуми. Началась очередная пытка...

Через десять минут тело читуми, голова которого безвольно свешивалась вниз, отнесли к одной из боковых стен.

Эпиптикс вручил дрожащему всем телом Беку очки.

— Поглядите на очищенного читуми. Что вы сейчас видите?

— Ничего, — ответил Бек, глянув в сторону решетки. — Абсолютно ничего.

— А теперь посмотрите вот сюда. Быстро!

Бек повернул голову и уставился в зеркало. Над его головой витало нечто. Огромные выпуклые глаза горделиво и в то же время бесстрастно глядели из-за его затылка. Видение это мелькнуло на какую-то долю секунды, затем совершенно исчезло. Зеркало затуманилось. Бек сорвал очки. Зеркало было очень чистым, и в нем он увидел только свое бледное лицо.

— Что это было? Я увидел нечто такое...

— Это и был нопал, — сказал Эпиптикс. — Вы спугнули его.

Он забрал у Бека очки, после чего землянина схватили двое таупту и потащили к решетке, не обращая внимание на сопротивление. После того как его руки

и ноги просунули в стальные рукава, он не мог шевельнуть даже пальцем. Голову ему накрыли таким же прозрачным мешком. Последнее, что увидел Бек, — исполненное лютой ненависти лицо Птиду Эпиптикса. Затем острая боль пронзила позвоночник.

Бек, закусив губу, напрягся, чтобы пошевелить головой. Еще одна вспышка голубого света, еще один приступ невыносимой боли... Бек закричал. Он никогда не думал, что страдание может быть таким чудовищным.

Голубое мерцание прекратилось, остались только ощущение упругого прикосновения пальцев в белых перчатках да сосущая боль под ложечкой. Еще один удар голубой энергии уничтожил последние остатки его воли и душевной стойкости. Бек ощутил последний, мучительный рывок, будто из его тела вырвали позвоночный столб, затем последовал приступ бесильной ярости, после чего Бек потерял сознание.

5

Голова слегка кружилась, будто после принятия наркотика. Через несколько мгновений Бек обнаружил, что лежит примерно на таком же эластичном мате, на каком лежал раньше. Ему вспомнились последние мгновения, муки, которые он испытал... Он приподнялся на локте, терзаемый воспоминаниями. Дверь помещения, где он сейчас находился, была открыта и не охранялась. Бек лихорадочно стал обдумывать планы побега, но вдруг услышал шаги. Все пропало. Он снова принял прежнюю позу.

В дверях показался Птиду Эпиптикс, бесстрастный и несокрушимый, как всегда. Бек неторопливо поднялся на ноги, готовый к чему угодно.

Птиду Эпиптикс сделал несколько шагов ему навстречу. Бек не спускал с него глаз, следя за каждым движением с враждебной настороженностью.

Но неужели это Птиду Эпиптикс? На первый взгляд, все тот же человек, но что-то изменилось: исчезла злоба и ненависть, исходившие от него раньше.

— Ступайте за мной, — раздалось из пульты на груди Эпиптикса. — Сначала мы вас накормим, а затем я многое вам объясню.

Слова застряли в гортани у Бека. Как изменилась личность ксексианина!

— Вы удивлены? — спросил Эпиптикс. — На это есть своя причина. Следуйте за мной.

В полнейшей растерянности Бек прошел в большую комнату, служившую, по всей видимости, столовой. Эпиптикс предложил ему сесть, сам же направился к раздаточному лотку и вскоре вернулся с похлебкой и лепешками из какого-то темного вещества, внешне напоминающими прессованный изюм. «Только вчера этот человек подвергал меня пыткам, — подумал Бек, — а сегодня выступает в роли радушного хозяина». Бек внимательно посмотрел на похлебку: он не был привередлив, но еда, приготовленная из неизвестных продуктов, не вызывала у него особого аппетита.

— Наша пища сплошь синтетическая, — сказал Эпиптикс. — Мы не можем позволить себе употреблять настоящие продукты. Но не бойтесь отравиться — у нас совершенно одинаковый обмен веществ.

Превозмогая тошноту, Бек попробовал содержимое своей миски — оно оказалось просто безвкусным. За все время, пока они ели, никто не произнес ни слова. Бек думал о том, что никакая перемена в Эпиптиксе не заставит его иначе к нему относиться, факты говорили красноречивее слов: он оставался убийцей, похитителем, палачом.

Эпиптикс разделался с едой очень быстро, вряд ли она и ему доставляла удовольствие. Ксексианин погрузился в мрачное раздумье, и Беку вдруг вспомнился фотоснимок головы слепня, сделанный под большим увеличением: у ксексианина были точно такие же глаза, пронизанные множеством жилок и разделенные тканями на совершенно одинаковые выпуклые участки, такие же абсолютно ничего не выражающие глаза — даже не глаза, а огромные пузыри.

— Ваша реакция вполне естественна, — заметил Эпиптикс. — Вы сбиты с толку и испытываете неловкость. Вы не можете разобраться, что с вами произошло, не можете понять, почему я сегодня воспринимаюсь вами совершенно иначе, чем вчера. Разве не так?

Бек был вынужден признаться, что ксексианин не ошибается.

— Разница не во мне. Она в вас самом. Вот, взгляните-ка. — Он повел рукой у них над головами. — Присмотритесь получше.

Бек пристально уставился в потолок, пока перед глазами не поплыли какие-то бесформенные пятна. Несколько раз закрыв и открыв глаза, он попытался освободиться от них. Так ничего и не увидев, он вопросительно посмотрел на Эпиптикса.

— Что вы увидели? — спросил Эпиптикс.

— Ничего.

— Посмотрите снова, — ксексианин показал рукой, — вот сюда.

Как ни всматривался Бек в пространство над головой, перед уставшими глазами плыли только пятна и ленты.

— Ничего не вижу... — Он запнулся. У него возникло ощущение, будто смотрят на него самого.

— Продолжайте смотреть, — сказал Эпиптикс. — У вашего мозга нет должной подготовки. Пройдет совсем немного времени — и вы начнете различать их совершенно отчетливо.

— Кого? — растерянно спросил Бек.

— Нопалов.

— Но здесь совершенно ничего нет.

— Неужели вы не видите этикие едва различимые силуэты? Зрение у землян развито гораздо лучше, чем у ксексиан.

— Я вижу только пятна, ничего больше.

— Приглядитесь повнимательнее. Например, вот к этому пятну.

Удивляясь в душе, как это Эпиптиксу удастся видеть пятна перед чужими глазами, Бек внимательно взгляделся. Ему вдруг показалось, что пятна начинают собираться вместе, сосредотачиваться, и вот уже на него зловеще глядят два огромных яблока, совершенно ни с чем не связанные, как бы вынутые из глазниц. Теперь он даже разглядел игру света, отражаемого ими.

— Что это?! Гипноз?

— Это нопал. Айксекс наводнен нопалами, не смотря на все наши усилия. Вы закончили еду? Тогда

пойдемте, вам непременно нужно посмотреть на не прошедших очищение читуми.

Выйдя из здания, они сразу оказались под мощными потоками ливня, который, казалось, шел не переставая на этой планете. Всюду среди развалин светились рассеянным светом лужи, мертвенно-бледные, как ртуть.

Птиду Эпиптикс, не обращая внимания на дождь, твердой походкой направился к загону, где находились читуми. Их там оставалось всего десятка два, не больше, и все с ненавистью смотрели на Птиду Эпиптикса, но теперь эта ненависть распространилась и на Бека.

— Последние из читуми. Присмотритесь к ним еще раз.

Бек подошел к самой сетке загона и заглянул внутрь. Контуры голов и верхних частей туловища показались ему размытыми. Как будто... Он в изумлении вскрикнул. Теперь он увидел все совершенно четко, без помех. Каждый читуми был словно оседлан ужасным всадником, прицепившемся к его затылку с помощью студнеобразной присоски. Над головой у каждого из читуми гордо вздымался роскошный султан, состоящий из множества продолговатых щетинок и выраставший из комка темного пуха, напоминающего футбольный мяч, а между человеческими глазами и плечами в воздухе висели две сферы, по-видимому, выполняющие функцию глаз. И эти глаза обдавали Бека такой же вызывающей ненавистью и презрением, что и пленные читуми.

Огромным усилием воли Беку удалось обрести дар речи.

— Что это за существо? — сиплым голосом спросил он. — Нопал?

— Да. Это и есть нопал. Один из мерзких паразитов. — Он показал рукой на небо. — Вы еще многих увидите. Они непрерывно парят над нами, вечно голодные, в надежде оседлать кого-нибудь из нас. Все наши усилия направлены на то, чтобы очистить планету от гнусных тварей.

Бек посмотрел на небо. Если и там парили нопалы, то в дождь, видимо, они были незаметны. И вдруг ему почудилось, что он видит одну из этих тварей, плывущих в толще воздуха, как медуза в воде. Нопал был небольшой и не до конца оформившийся, щетинистый гребень был довольно редкий, глаза — не больше лимона.

Бек, прищурившись, потер лоб. Нопал исчез, над головой свистел лишь ледяной ветер и проносились рваные тучи.

— Эти существа материальны?

— Они существуют — следовательно, природа их материальна. Если же вы спросите, из какого вещества складывается их оболочка, я не смогу вам ответить. Война настолько поглощала все наши силы в течение ста лет, что у нас не было возможности заниматься исследованиями.

Втянув голову в плечи, Бек повернулся к пленным читуми. Как все изменилось... Если вчера он расценивал их открытое неповиновение как проявление благородства, то теперь оно казалось ему бессмысленным. И таупту, к которым он питал отвращение... Тут было над чем поразмыслить. Взять, например, Птиду Эпиптикса, который, нарушив нормальное течение

его жизни, втянул в эту историю, убил ни в чем не повинного Сэма Гиббонса. Вряд ли такая личность может вызвать к себе симпатию, и все же отвращение, которое питал к нему Бек еще вчера, сменилось невольным восхищением.

Неожиданная мысль пронзила мозг Бека: неужели он стал жертвой искусно проделанной промывки мозгов, которая превратила ненависть в уважение и породила в его сознании иллюзию существования паразитов материального свойства?

Он еще раз обернулся к читуми и поймал точно такой же, как и раньше, лютый взгляд нопала. Стало даже трудно мыслить под этим взглядом, но тем не менее что-то прояснилось.

— Нопалов привлекают не только ксексиане? — спросил он Птиду Эпиптикса.

— Совершенно верно.

— Один из них пристроился ко мне?

— Да.

— И вы поместили меня на ту решетку, чтобы соскрести с меня нопала?

— Да.

Это признание повергло Бека в такие тяжелые раздумья, что он даже перестал обращать внимание на дождь, на холодные струи, стекающие по спине.

— Уже скоро вы почувствуете, насколько реже станут возникать у вас непроизвольные приступы ярости и неосознанные побуждения. Для того чтобы сотрудничать с вами, нам прежде всего нужно было подвергнуть вас очищению.

Бек удержался от вопроса о будущем сотрудничестве, потому что, запрокинув голову, увидел паряще-

го над собой нопала, глаза-пузыри с вожделением взирали на Бека.

— Почему нопалы снова не пристраиваются ко мне? — спросил он.

На лицо Эпиптикса легла тень.

— Они еще успеют это сделать, и тогда вас снова придется подвергнуть очищению. Примерно в течение месяца они держатся в стороне. Возможно, их что-то отпугивает. Может быть, мозг не может отгонять их более длительное время. Для нас эта пока загадка. Однако рано или поздно они спускаются — и тогда любой из нас снова делается читуми и подлежит очищению.

В нопале было нечто такое, что вызывало к нему болезненное влечение — Бек никак не мог отвести взгляд от этого существа. И одна из таких тварей была его неразлучным спутником! Бек ощутил прилив благодарности к таупту за то, что они освободили его от этой гадости, хотя им пришлось забрать его с Земли на Айксекс.

— Идите за мной, — сказал Эпиптикс. — Сейчас вы узнаете о том, что от вас требуется.

Насквозь промокший и продрогший, хлюпая ногами в мокрых ботинках, Бек понуро поплелся за Эпиптиксом в столовую, чувствуя себя несчастным как никогда. Эпиптикс, которому, казалось, ни стужа, ни дождь были нипочем, пригласил Бека присесть.

— Я расскажу вам кое-что из нашей истории. Сто двадцать лет назад Айксекс была совершенно другой. Тогда наша цивилизация по уровню развития напоминала вашу, хотя в некоторых отношениях мы продвинулись несколько дальше. К тому времени мы давно

путешествовали в космосе и хорошо знали вашу планету. Сто лет назад группа ученых... — Тут он заметил, что Бек дрожит. — Вам холодно?

Не дожидаясь ответа, он что-то протрещал служителю, и тот принес массивную стеклянную кружку с горячей синей жидкостью.

Бек попробовал жидкость, горячую и горькую — по всей вероятности, алкогольную. Не прошло и несколько минут, как он почувствовал, что взбодрился, даже стал каким-то беспечным, хотя вода по-прежнему стекала с него, образуя на полу лужицу.

— Сто лет назад, — продолжил свой рассказ Птиду Эпиптикс, — один из наших ученых в процессе исследования явления, которое вы называете псионической активностью, совершенно случайно попал на след существования нопалов. Неизвестно, по какой причине Мауб Киамкагх — так звали этого ученого, — человек с необычайно развитыми телетактильными способностями, в течение нескольких часов никак не мог выбраться из нагромождения высокочастотной электронной аппаратуры, в которой почему-то что-то разладилось, и все это время его омывали и пронизывали потоки высокочастотной энергии. В конце концов его спасли, и ученые возобновили свои эксперименты, спеша выяснить, каким образом повлияла на телетактильные способности Киамкагха приключившаяся с ним история.

Мауб Киамкагх стал первым таупту. Когда коллеги к нему приблизились, он в ужасе отпрянул. Ученые, в свою очередь, тоже почувствовали к нему необоснованную неприязнь. Сам Мауб никак не мог разобраться со своими ощущениями. Он чувствовал

вокруг себя присутствие нопалов, но поначалу приписывал их существование своему воображению, вернее, своим телетактильным ощущениям. На самом деле он был таупту — очищенным. Он описал нопалов ученым, но те ему не поверили. «Почему вы не замечали этих ужасных существ раньше?» — говорили они.

И тогда Мауб Киамкагх выдвинул гипотезу, которая привела нас к победе над читуми и их нопалами: «Энергия силового генератора убила паразитировавшее на мне существо. Таков вывод, к которому я пришел».

Был поставлен соответствующий эксперимент, в ходе которого очищению подвергли преступника. Мауб провозгласил его таупту. Ученые, в свою очередь, стали испытывать ненависть уже к двоим первоочищенным, однако, побуждаемые жаждой понимания истинного положения вещей, они подвергли очищению еще двоих из своей среды. Мауб и их объявил таупту, тогда прошли очищение и остальные ученые группы, образовав первоначальное ядро таупту.

Вскоре вспыхнула война, кровопролитная и ожесточенная. Таупту стали жалкой группой беглых преступников, жить им приходилось в толще льда, в естественных кавернах, ежемесячно подвергая себя энергетическим пыткам, а заодно и очищая тех читуми, которых удалось взять в плен. Однако со временем таупту стали выигрывать эту войну, и вот, всего лишь месяц назад, она закончилась. Последние читуми ожидают своей очереди подвергнуться очищению.

Такова наша история. Мы победили на этой планете, сломили сопротивление читуми, но нопалы на ней так и остались, поэтому нам приходится ежемесячно

подвергать себя пытке на энергетической решетке, и мы не прекратим войны до тех пор, пока не будет уничтожен последний нопал. Так что война для нас не закончена, она просто вступила в новую фазу. Нопалов на Айксексе не так уж много. Все дело в том, что их родина — не наша планета. Их цитаделью является Нопалгарт. Именно с Нопалгарта полчища нопалов устремляются на Айксекс со скоростью мысли, чтобы упасть нам на плечи. Вы должны отправиться на Нопалгарт и поднять его обитателей на борьбу с тварями — такова следующая стадия нашей войны с нопалами, в которой мы непременно когда-нибудь победим.

Какое-то время Бек молчал, не находя слов.

— Почему вы сами не отправитесь на Нопалгарт?

— На Нопалгарте ксексиане сразу же вызовут отращивание и ненависть, нас станут убивать и преследовать, не дав возможности даже приступить к осуществлению своей миссии.

— Но почему вы избрали именно меня? Какой от меня прок, если даже я и соглашусь помогать вам?

— Потому что вы не будете вызывать подозрений, а значит добьетесь большего.

Нехорошие предчувствия закрались в душу Бека.

— Обитатели Нопалгарта такие же люди, как и я?

— Да. Они — люди, и это неудивительно, поскольку слово «Нопалгарт» употребляется нами для обозначения планеты Земля.

Бек скептически улыбнулся.

— Скорее всего вы заблуждаетесь. На Земле нет нопалов.

— Вы просто не осознаете, что ваш мир кишит этими тварями.

От мрачных предчувствий у Бека похолодело внутри.

— Для меня это совершенно непостижимо.

— Такова истина.

— Значит, нопал был со мной еще до того, как я попал сюда?

— Он был с вами всю вашу жизнь.

6

Бек присел и затих, едва не захлебнувшись в водовороте сумбурных мыслей, потоками нахлынувших на него, а тем временем ксексианин продолжал:

— Земля и есть Нопалгарт. Нопалы кишат в воздухе под вашими больницами, поднимаясь с покойников, теснясь над новорожденными. С самого первого мгновения, когда вы вступаете в мир, и до самой смерти нопал всегда с вами.

— Мы бы, безусловно, узнали об этом, — невнятно бормотал Бек. — Мы бы узнали так же, как и вы...

— Наша история на многие тысячи лет старше вашей, и все равно только благодаря чистейшей случайности нам стало известно о существовании нопалов...

Бек погрузился в угрюмое молчание, ощущая, как стремительно разворачиваются трагические события, предотвратить которые он не силах. В столовую вошли несколько ксексиан и расселись так, что Бек видел их чуждые, слепые глаза.

— Почему вы говорите мне это? — неожиданно спросил он у Эпиптикса. — Ради чего доставили меня сюда?

Птиду Эпиптикс устало вздохнул:

— Мы очистили свою планету, дорого заплатив за это. Пока нопалам не найти здесь пристанища. В течение месяца мы свободны, затем нопалы с Нопалгарта устремляются на нас, и нам опять приходится претерпевать ужасные муки, чтобы очиститься.

Бек задумался.

— И вы хотите, чтобы мы очистили Землю от нопалов?

— Вы обязаны это сделать. — Больше Птиду Эпиптикс уже ничего не говорил. Он и его соплеменники молча откинулись на спинки своих сидений, ожидая ответа.

— Работенка предстоит немалая. Слишком уж велика она для одного человека, даже если он посвятит ей всю оставшуюся жизнь.

— А разве может быть легкой такая работа? Нам удалось очистить Айксекс, но какой ценой? В процессе выполнения этой миссии была разрушена почти вся планета.

Бек ничего не ответил.

— Вас одолевают сомнения: не является ли лекарство опаснее самой болезни, — сказал Эпиптикс, предчувствуя реакцию Бека.

— Да, я подумал об этом.

— Через месяц нопал снова пристроится к вам. И вы позволите, чтобы он так и остался с вами?

Бек вспомнил процесс очищения — хоть скольконибудь приятным его не назовешь. Предположим, он не даст подвергнуть себя очищению. Тогда к нему снова возвратится нопал и, благополучно пристроившись к его затылку, станет опять невидимым, но Бек

будет знать, что тот сидит у него на шее, гордо расправив свой султан, как павлиний хвост, и совиные глазки-пузыри злобно выглядывают из-за его плеч. Тончайшие волокна-щупальца, проникнув в его мозг, будут направлять любые эмоции... Бек тяжело вздохнул.

— Нет, не допущу, чтобы он остался.

— Столь же решительно настроены и мы.

— Вот только как очистить Землю от нопалов...

Бек запнулся на полуслове, полный нерешительности, ошеломленный масштабом задачи, затем сокрушенно покачал головой, чувствуя свое бессилие.

— Я даже не представляю, как это может быть сделано... на Земле живет очень много самых разных людей: различной национальности, вероисповедания, расовой принадлежности — миллиарды людей, которые ничего не знают и не захотят знать о нопалах, которые ни за что не поверят мне, когда я расскажу об этом!

— Я вас прекрасно понимаю, — согласился Птиду Эпиптикс. — Точно такое же положение сложилось на Айксексе сто лет назад. Только миллион моих соплеменников пережил ужасную войну, но мы, не задумываясь, начали бы новую. Если народы Земли не очистятся от этой скверны сами, тогда мы за них это сделаем.

Наступила гнетущая тишина. Когда Бек заговорил, его голос звучал угрюмо, как колокол над водой.

— Вы угрожаете нам войной.

— Я угрожаю войной против нопалов.

— Если нопалов изгнать с Земли, они переберутся на какую-нибудь другую планету.

— Мы будем преследовать их и там, пока не уничтожим всех до единого.

Бек сокрушенно покачал головой. Такие настроения ксексиан казались ему проявлением обыкновенного фанатизма. Да и насколько откровенны были с ним ксексиане? Все ли они рассказали ему из того, что им известно? Не находя ответов на эти вопросы, он произнес почти безнадежно:

— Я не могу брать на себя такие огромные обязательства! Я просто не могу принять столь ответственное решение, не располагая более полной информацией!

— Что вы еще хотели бы узнать?

— Намного больше того, что вы мне рассказали. Например, что из себя представляют нопапы? Какова их материальная основа?

— Эти вопросы не относятся к сути проблемы. Тем не менее я постараюсь удовлетворить ваше любопытство. Нопалы представляют собой совершенно особый вид жизни, нечто вроде сгустка мысленной энергии в ее чистом, оторванном от материального содержания виде, в нашем понимании материи. Кроме этой, чисто умозрительной теории, нам больше ничего не известно о нопалах...

— Вы располагаете только умозрительными представлениями? — ошеломленно спросил Бек. — В вашем понимании, это материальное воплощение мысли?

Ксексианин долго молчал, с трудом подбирая слова, чтобы выразить непривычные для человеческого ума понятия.

— Термин «мысль» для нас имеет несколько другое значение, он наполнен другим содержанием, но я попытаюсь объяснить вам ситуацию, пользуясь термином

«мысль» в том смысле, какой в него вкладываете вы. Нопал перемещается в пространстве со скоростью мысли. Нам неведома истинная сущность и природа мысли, поэтому нам ничего не известно о природе нопалов.

Остальные ксексиане взирали на Бека с бесстрастной сдержанностью, похожие на ряд античных статуй.

— В их поведении есть определенная логика? Они являются разумными существами?

— Разумными? Вы используете термин «разум» для обозначения такого рода мышления, который свойствен вашим соплеменникам. «Разум» — это созданная живущими на Земле людьми концепция. Нопал тоже мыслит, но не так, как люди. Если вы подвергнете нопала какому-либо тесту на определение «уровня интеллектуального развития», то его коэффициент будет удивительно низким, однако ему удастся манипулировать вашим сознанием более легко и умело, чем вам самим. Ваши мыслительные процессы и ваше восприятие зрительных образов гораздо быстрее наших, им свойственна большая гибкость и большая податливость к внушению со стороны нопалов. Нопалы прекрасно понимают, что вы ужаснетесь, узнав об их существовании, поэтому стараются лучше спрятаться. Они понимают, что таупту — враги, поэтому внушают читуми ненависть к таупту. Это очень хитрое существо, ничем не брезгующее в борьбе за существование, не обделенное изворотливостью и инициативностью. В наиболее общем смысле нопал — вполне разумное существо.

Несколько задетый снисходительным, как ему показалось, тоном ксексианина, Бек ответил по возможности лаконичнее:

— Ваши представления об интеллекте не лишены логики, хотя и не все в них мне кажется бесспорным. Ваши же представления о природе нопалов кажутся мне весьма несуразными, а методы очищения — абсолютно примитивными. Неужели никак нельзя обойтись без попыток?

— Нам другие способы неизвестны. Вся наша энергия была направлена на ведение военных действий. У нас не было времени для научных исследований.

— Ваша система может оказаться несостоятельной на Земле.

— Вы должны позаботиться о том, чтобы она сработала!

Бек наигранно рассмеялся.

— Да стоит мне только прибегнуть к ней, как меня упекут за решетку.

— В таком случае вам придется создать особую организацию, чтобы не допустить подобного исхода и замаскировать свою деятельность.

Бек медленно покачал головой.

— Вас послушать — все так просто, проще даже быть не может. Я же один-одинешенек и даже не знаю, с чего начать.

Эпиптикс пожал плечами — точно как землянин.

— Сейчас вы один, а завтра вас должно стать двое. Двое должны стать четырьмя, и так далее, пока не будет очищена вся Земля. Так мы очистили Айк-секс от читуми и поэтому надеемся на успех на другой планете. Со временем восстановится численность вашего населения, отстроятся города. Война — всего лишь миг в истории планеты.

Бека это не очень убедило.

— Если Земля наводнена нопалами, то ее нужно освободить от них — здесь и спорит не о чем. Но мне совсем не хочется поднимать паники, всеобщего брожения умов, а о войне и говорить не приходится.

— Не хотел этого и Мауб Киамакагх. Война началась только тогда, когда читуми обнаружили таупту. Нопалы возбудили ненависть в них, и они принялись уничтожать таупту. Таупту сопротивлялись, ловили читуми и очищали их. Такой была война. Такой же оборот события могут принять и на Земле.

— Надеюсь, что нет, — коротко бросил Бек.

— Пока нопалы на Нопалгарте будут уничтожаться и притом быстро, нас не будут интересовать методы, с помощью которых это делается.

Вновь воцарилась тишина. Ксексиане сидели неподвижно, как каменные изваяния. Бек устало вздохнул. Будьте все вы трижды прокляты — и ксексиане, и нопалы, и вся кутерьма, с ними связанная! Но раз уж он оказался вовлеченным в нее...

— Я сделаю все, что в моих силах.

Эпиптикс, казалось, ждал такого ответа, поэтому не выразил ни удивления, ни восхищения.

— Я поделюсь с вами всем, что знаю о нопалах, — поднявшись, сказал он. — Идемте со мной.

Пройдя по коридору, они вернулись в помещение, которое Бек в уме назвал камерой денопализации. Работа в ней шла полным ходом. Чувствуя, что внутри у него сжался комок, Бек смотрел, как на решетку поместили извивающуюся всем телом женщину. Теперь его зрение и чувства обострились настолько, что он явственно видел нопала: залитая ярким светом тварь тряслась всем своим естеством, щетинки султа-

на в ужасе расширились в разные стороны, нервно пульсировали глаза-пузыри, беспомощно трепетала покрытая пухом грудная клетка.

Бек повернулся к Эпиптиксу.

— Неужели нельзя использовать обезболивающие средства? — недовольно спросил он. — Разве обязательно доставлять такие страдания?

— До вас так и не дошла суть процесса, — ответил ксексианин. — Энергия сама по себе не приносит никакого вреда нопалу, его ослабляет и заставляет покинуть жертву сумятица, которая творится в ее сознании. В данном случае это абсолютная уверенность читуми в тех муках, которые придется терпеть, поэтому их и помещают рядом с камерой, откуда слышны крики соплеменников. Это ужасно, но это ослабляет нопала. Возможно, со временем вам на Земле удастся разработать более совершенную методику денопализации.

— Очень надеюсь, — пробормотал Бек. — Мне не под силу терпеть такие муки.

— Вам никуда от них не деться, — с обычной бесстрастностью констатировал переводчик.

Бек сделал попытку отвернуться от страшной картины, но она притягивала его. Тело женщины сотрясалось, как в лихорадке, из груди непрерывно раздавалось неистовое клочкотание. Нопал отчаянно цеплялся за череп женщины, но в конце концов его удалось отодрать, и он был унесен в прозрачном мешке.

— А что дальше? — спросил Бек.

— В конечном счете становится полезным и сам нопал. Возможно, вы уже задумывались над тем, из

чего сделан мешок и как в нем удастся удерживать совершенно бесплотное существо?

Это действительно очень интересовало Бека.

— Вещество мешка — мертвый нопал. Тепло, кислота, электричество — ничто из нашего физического мира на него не действует. Это вещество не обладает ни массой, ни инерционностью, оно не сцепляется ни с каким веществом, кроме себя. Потому-то нопал не может проникнуть через пленку из вещества, полученного при умерщвлении нопала. Едва отсоединив нопала от читуми, мы сразу же хватаем его и давим, превращая в тончайшую пленку. Сделать это совсем нетрудно, так как нопал крошится даже от малейшего соприкосновения с пленкой из мертвого нопала. — Он посмотрел в сторону решетки, и к нему прямо по воздуху подплыл обрывок нопалона — пленки, полученной из уничтоженного нопала.

— Как вам это удалось?

— Телекинез.

Бек, не очень удивленный ответом, присмотрелся к нопалону внимательнее. Материал показался ему волокнистым, как будто сотканным из тончайшей паутины... Но тут снова заговорил Эпиптикс, прервав ход мыслей Бека.

— Из нопалона же изготовлены линзы очков, сквозь которые вы смотрели вчера. Нам непонятно, почему читуми могут иногда чувствовать присутствие нопала, когда свет проходит через пленку. Мы много над этим рассуждали, но законы природы, действующие в нашем пространстве, неприменимы к тому роду материи, из которого состоит нопал. Возможно, вы добьетесь большего, мы же — лишь уставшие воины.

С тоской вспомнилась Беку его мирная, безоблачная жизнь, которая безвозвратно канула в прошлое. Вспомнились друзья: доктор Ральф Тарберт, Маргарет — энергичная, жизнерадостная Маргарет Хэвен. Ему представились их лица — и их нопалы. Получившаяся картина была одновременно несуразной и трагической. Теперь ему была понятна непреклонная беспощадность таупту, на их месте он бы действовал так же. На их месте? Да ведь он уже и есть на их месте.

Печальную вереницу мыслей прервал Эпиптикс.

— Смотрите.

Бек увидел отчаянно сопротивлявшегося читуми, которого волокли к денопализационной решетке. Нопал возвышался над ним, как фантастический боевой шлем.

— Сейчас вы являетесь свидетелем великого события, — сказал Эпиптикс. — Это последний из читуми, их не осталось больше ни одного. Айксекс очищен полностью.

Бек лишь тяжело вздохнул, помня об огромной ответственности, которая легла на его плечи.

— Со временем и Земля будет такой же... Со временем, со временем...

Таупту прикрепили последнего читуми к решетке. Бек отвернулся — смотреть он просто не мог.

— Сейчас я вам покажу, что станется с нопалом, — сказал Эпиптикс.

Они вошли в длинное, тускло освещенное помещение, заставленное рядами верстаков. Примерно сотня ксексиан напряженно трудились, собирая какой-то механизм.

— Крепко сожмите эту сумку, — велел Беку Эпиптикс.

Бек осторожно сдал сумку. Нопал внутри раскрошился при первом же прикосновении.

— Он такой же ломкий, как высушенная яичная скорлупа, — заметил Бек.

— Не странно ли? — спросил Эпиптикс. — Не обманываетесь ли вы? Как можно ощущать неосязаемое?

Бек изумленно поглядел на Эпиптикса, затем на сумку. Он уже больше не ощущал сумку в своих пальцах, она проходила сквозь них, как струйка дыма.

— Она не ощущается, — упавшим голосом признался он.

— Определенно ощущается, — возразил Эпиптикс. — Она здесь, никуда не делась, вы можете ее чувствовать, как уже удалось раньше.

Бек снова протянул руку. Поначалу сумка показалась ему еще менее ощутимой, чем раньше, но она была здесь. И по мере роста этой уверенности, он все более чувствовал ее в своей руке.

— Может быть, мне все это только кажется? — спросил Бек. — Сумка в самом деле реальна?

— Это нечто такое, что вы ощущаете не пальцами, а разумом.

Бек стал так и этак вертеть сумку.

— Я перемещаю ее в руках. Сжимаю ее. Чувствую, как нопал крошится у меня под пальцами.

Лицо Эпиптикса стало насмешливо-лукавым.

— Разве ощущение не является реакцией вашего мозга на поступление нервных импульсов? Так, насколько я понимаю, действует мозг у землян.

— Я понимаю различие между ощущением, которое испытывает моя рука, и чисто мысленным ощущением, — холодно заметил Бек.

— В самом деле?

Бек хотел ответить, но воздержался.

— Вы заблуждаетесь. Вы ощущаете сумку разумом, а не пальцами, а вот руки ваши чувствуют только чисто механическое движение, которым сопровождается ощущение сумки. Вы протягиваете руку и прикасаетесь пальцами к сумке — у вас создается впечатление, будто вы к ней прикоснулись. Когда вы не протягиваете руку к сумке, вы ничего не ощущаете, потому что вы не ожидаете получить какое-либо ощущение.

— В таком случае, — заметил Бек, — я мог бы почувствовать нопалов без помощи рук.

— Вы чувствовали бы что угодно, не прибегая к помощи рук.

Телеосязание, отметил про себя Бек. Ощущение прикосновения без помощи чувствительных нервных окончаний. А разве ясновидение не было зрением без помощи глаз? Он снова повернулся к сумке. Нопал внутри нее злобно смотрел в его сторону. Он мысленно представил себе, как берет сумку в руку, сжимает между пальцами. Всего лишь едва различимое ощущение коснулось его рассудка, не более того, — всего лишь какой-то намек на хрупкость и легкость.

— Попробуйте переместить сумку с одного места на другое.

Бек сосредоточил все свое внимание на сумке. Сумка и нопал в ней чуть переместились без всяких усилий с его стороны.

— Непостижимо! — пробормотал он. — У меня, выходит, способности к телекинезу?!

— С этим материалом проявить их довольно несложно, — пояснил Эпиптикс. — Нопал представляет

собой мысль, сумка — мысль, что же еще можно передвинуть с помощью разума?

Считая вопрос риторическим, Бек ничего не ответил и стал смотреть, как операторы, швырнув сумку на верстак, разгладили ее так, что она стала совершенно плоской. Нопал, рассыпавшись в мельчайший порошок, смешался с материалом сумки.

— Здесь больше нечего смотреть, — сказал Эпиптикс. — Пошли.

Они вернулись в столовую. Бек угрюмо плюхнулся на скамью, от его недавнего рвения не осталось и следа.

— Вас одолевают сомнения, — посочувствовал Эпиптикс. — Спрашивайте.

Бек задумался.

— Совсем недавно вы вскользь упомянули о том, как действует мозг землян. Не значит ли это, что у ксексиан иной механизм мышления.

— Да. Ваш мозг проще, а его составляющие более гибки и универсальны. Наш мозг устроен куда сложнее. В одних случаях это оборачивается для нас преимуществом, в других — наоборот. Ваш мозг наделен способностью создавать мысленные представления, которые вы называете воображением. Мы этого лишены, как лишены способности открывать новое, сопоставляя неизмеримые и неисчислимые величины между собой. Большая часть вашей математики для нас непостижима, выводы кажутся нам бессвязными, несуразными и даже бессмысленными. Но ваш разум располагает и определенными механизмами, компенсирующими эти недостатки: встроенными калькуляторами, которые мгновенно производят вычисления,

для вас кажущиеся сложными и утомительными. Вместо того, чтобы создавать мысленный образ, то есть воображаемый предмет, мы конструируем подлинную модель этого предмета в особой полости у себя в черепной коробке. Некоторые из нас в состоянии создавать очень сложные модели. Такой процесс полезен, но обременителен. Мы постигаем мир так: сначала формируем у себя в мозгу модель, а затем ее изучаем с помощью своего внутреннего осязания.

После небольшой паузы Бек спросил:

— Когда вы приравниваете нопала к сгустку мысли, вы имеете в виду мысль землянина или мысль ксексианина?

Птиду Эпиптикс ответил не сразу.

— Это слишком общее сравнение, я применил его в довольно широком смысле. Что такое мысль? Мы не знаем. Нопалы невидимы и неосязаемы и, когда лишены свободы перемещения, могут без особого труда подвергаться телекинетическим манипуляциям. Они питаются умственной энергией. Являются ли они воплощением мысли, мы не знаем.

— Почему вы не можете просто снимать нопала с мозга? Неужели для этого так необходимы мучения?

— Мы именно так и пытались поступать, — сказал Эпиптикс. — Мы боимся физической боли ничуть не меньше, чем вы. Но это оказалось невозможным: нопал в последнем отчаянном приступе злобы убивает читуми. На денопализационной решетке мы подвергаем его таким мучениям, что он сам извлекает из разума жертвы корешки, с помощью которых к ней присосался, и только после этого его можно отодрать от жертвы.

— Хотелось бы мне знать, как можно денопализовать Землю, не нажив врагов?

— Процесс уничтожения нопалов не может быть легким. Я передам вам чертежи и схемы денопализатора, вы должны будете построить такую установку и начать очищение своих соплеменников. Почему вы качаете головой?

— Слишком уж громоздкое начинание. Меня не покидает чувство, что существует более простой способ. — Бек задумался, затем произнес:

— Нопал, безусловно, мерзкое существо, но если абстрагироваться от этого, какой еще от него вред?

Птиду Эпиптикс застыл, устремив на Бека глаза-самоцветы, формируя внутри себя, как теперь догадался Бек, модель его головы.

— Не исключено, что они препятствуют свободному развитию у нас парапсихических или, как вы называете, псионических способностей, — продолжал рассуждать Бек. — Разумеется, мне ничего не известно, однако впечатление такое...

— Выбросите из головы все подобные опасения. Существует один неоспоримый факт: мы сейчас таупту и ни за что не станем читуми. Запомните: у нас нет ни малейшего желания ежемесячно подвергать себя мучительным пыткам; мы хотим, чтобы вы сотрудничали с нами в войне против нопалов, но мы можем обойтись и без вас, мы сами уничтожим нопалов на Нопалгарте, если этого не сделаете вы.

Бек снова про себя отметил, что питать дружеские чувства к ксексианам довольно трудно.

— Может случиться, что мне не удастся разобраться в чертежах денопализатора.

— Они будут адаптированы к вашей системе единиц и к возможности применения стандартных комплектующих компонентов. Вы столкнетесь с трудностями.

— Мне понадобятся деньги.

— В них недостатка не будет. Мы снабдим вас золотом в таком количестве, в каком сами пожелаете, вам только придется позаботиться о том, чтобы сбыть его. Что еще вы хотите знать?

— Для отсоединения напала вы пользуетесь материалом, полученным из мертвого нопала. А откуда к вам попал первый кусок нопалона?

Слепые стеклянные глаза Эпиптикса застыли, из пульта на груди проклокотало что-то совершенно неразборчивое, после чего Эпиптикс поднялся во весь рост.

— Идемте, сейчас вы отправляетесь на Нопалгарт.

— Но вы так и не ответили на мой вопрос.

— Я не знаю на него ответа.

Беку почудилось, что последнюю фразу его собеседник произнес как никогда холодно и резко.

7

На Землю они возвратились в некомфортабельном черном цилиндре, изрядно потрепанном за сто пятьдесят лет эксплуатации. Птиду Эпиптикс наотрез отказался сообщить что-нибудь об устройстве цилиндра, намекнув только на принцип антигравитации.

Беку вспомнился диск из антигравитационного металла, который — как давно это было! — соблазнил его отправиться к Сэму Гиббсону, в городишко Бью-

эллтон в штате Виргиния. Он пытался затеять разговор с Птиду Эпиптиksom об антигравитации, но безуспешно. Ксексианин упорно не хотел говорить на эту тему, и у Бека сложилось впечатление, что тот не желает делиться секретами.

Попробовал он говорить и на другие темы, пытаясь выяснить, как далеко продвинулась ксексианская наука, но Эпиптикс не удовлетворил его любопытства. «Скрытная, малоразговорчивая, лишенная чувства юмора раса», — подумал Бек, однако тут же напомнил себе, что длившаяся целое столетие война не могла способствовать развитию положительных качеств. И столь же печальная участь могла постигнуть и Землю.

Прошло несколько дней. Они приближались к Солнечной системе, но Беку так и не удалось посмотреть на нее со стороны: в звездолете не было иллюминаторов, а в командную рубку вход был запрещен.

Бек сидел, в очередной раз изучая чертежи денопализатора, как вдруг рядом с ним возник Эпиптикс. Ксексианин резким жестом дал понять, что настал момент высадки. Он повел Бека в кормовой отсек, где находился посадочный бот, такой же проржавевший и обшарпанный, как и корабль-носитель.

Бек крайне изумился, обнаружив закрепленный в трюме бота свой собственный автомобиль.

— Мы неплохо знакомы с вашими телепередачами, — объяснил Эпиптикс, — и понимаем, что оставленный без внимания автомобиль привлечет к себе внимание, а это может расстроить наши планы.

— А как же тогда Сэм Гиббонс, человек, которого вы убили? — язвительно спросил Бек. — Неужели вы думаете, что это останется без внимания?

— Мы уничтожили труп. Обстоятельства его исчезновения так и останутся невыясненными.

Бек негодуяще фыркнул:

— Он исчез одновременно со мной. Мои сотрудники знают, что он разговаривал со мной по телефону. Мне придется давать показания, если кому-нибудь придет в голову сопоставить факты.

— Вам придется пустить в ход всю свою изобретательность. Советую, по возможности, избегать общения со своими друзьями и сотрудниками. Теперь вы таупту среди читуми. Не ждите от них милосердия.

Бек усомнился в способности пульта-переводчика донести сарказм замечания, готового уже было сорваться с языка, и поэтому промолчал.

Цилиндр совершил посадку на тихом проселке в деревенской глуши. Бек, приятно потягиваясь, поспешил выйти наружу. Воздух показался ему удивительно сладким — воздух Земли!

Было примерно девять часов вечера. Вовсю заливались сверчки в густых зарослях смородины, с ближайшей фермы доносился собачий лай.

Эпиптикс дал Беку последние наставления. Голос переводчика казался приглушенным после гулких коридоров звездолета.

— В вашем автомобиле сто килограммов золота, вы должны обратить его в деньги. — Затем он похлопал по черному кейсу, который Бек держал в руке. — Соорудите денопализатор как можно скорее, не забывайте, что очень скоро, через неделю или две нопал снова пристроится к вашему мозгу. Вы должны быть готовы к тому, чтобы очиститься от него. Вот это

устройство... — он вручил Беку небольшой черный ящичек, — будет информировать меня о вашем местонахождении. Если вам потребуется помощь или не хватит золота, взломайте пломбу и нажмите на кнопку — этим вы установите связь со мной.

Без каких бы то ни было формальностей он зашагал назад к кораблю. Через несколько мгновений звездолет взмыл в небо и исчез.

Бек остался один на проселке. Родная старушка Земля! Никогда еще Бек не ощущал так остро любовь и привязанность к родной планете. А вдруг ему пришлось бы провести остаток дней на Айксексе? У него защемило сердце от одной мысли об этом. И все же Земля должна будет, да еще при его пособничестве, истекать потоками крови... Если только ему не удастся придумать не такой жуткий способ убиватьнопалов...

Вдоль проселка, ведущего к ближайшей усадьбе, запрыгал световой зайчик от карманного фонарика. Это фермер, разбуженный лаем собаки, решил посмотреть, что происходит на дороге. Бек забрался в кабину автомобиля, но тут зайчик его настиг и замер, слепя глаза.

— Кто здесь? — раздался ворчливый голос. Бек скорее почувствовал, чем увидел, что у человека в руке дробовик. — Что вы здесь делаете, мистер? — Голос был откровенно враждебным. Нопал, обволакивающий голову фермера и чуть-чуть светящийся, важно выпятился и негодуяще раздулся.

Бек объяснил, что остановился облегчить мочевой пузырь. Любое другое объяснение могло бы показаться неправдоподобным при таких странных обстоятельствах.

Фермер, оставил без внимания слова Бека, обвел лучом придорожные кусты, затем снова направил на Бека.

— Отправляйтесь-ка дальше своей дорогой. Что-то вы мне не нравитесь, меня так и подмывает всадить в вас добрую порцию дрови.

Понимая, что спорить бесполезно, Бек постарался уехать раньше, чем попал окончательно убедил фермера выстрелить. В зеркале заднего обзора зловещий луч фонарика мелькнул еще несколько раз и исчез совсем. «Вот как радушно встретил меня на пороге родного дома один из читуми, — с грустью подумал Бек. — Хорошо еще, что обошлось...»

Грязный проселок в конце концов вывел его на шоссе. В баке оставалось совсем немного бензина, и проехав по шоссе примерно километров пять, Бек подкатил к ближайшей бензозаправке. Из-за стойки ему навстречу вышел коренастый молодой человек с загорелым обветренным лицом и выгоревшими светлыми волосами. Иглы, венчавшие гребень его нопала, переливались всеми цветами радуги, глаза-пузыри по-совиному пристально вглядывались в Бека. От внимания Бека не ускользнуло, что иглы нопала вдруг неожиданно дернулись. Заправщик на мгновение остановился как вкопанный, и с его лица с поражающей быстротой исчезла традиционная профессиональная улыбка.

— Слушаю, сэр, — грубовато проворчал он.

— Наполните, пожалуйста, бензобак, — попросил Бек.

Заправщик что-то пробурчал себе под нос и пошел к колонке. Когда бензобак наполнился, он, не глядя на Бека, принял от него деньги, не удосужившись ни проверить смазку, ни протереть ветровое стекло. Вы-

тащив сдачу, он сунул ее прямо через боковое стекло, невнятно пробормотав:

— Спасибо, сэр.

Бек спросил, как побыстрее выехать на дорогу, ведущую в Вашингтон. В ответ парень ткнул пальцем в небо и хмуро пошел прочь.

— Следите за знаками, — бросил он через плечо.

Бек невесело рассмеялся в душе, поворачивая на шоссе. Таупту в Нопалгарте и снежный ком в пекле имеют много общего, подумалось ему.

Мимо с грохотом и ревом мчались автомобили... С неожиданно вспыхнувшей тревогой Бек задумался о водителях и их нопалах, которые вместе вглядывались в залитое светом фар шоссе. Насколько сильным может оказаться влияние нопала на человека? Легкое движение руки, ничтожный поворот баранки... Теперь едва завидев впереди фары встречных машин, Бек втягивал голову в плечи и наклонялся почти к рулю, едва успевая стирать пот со лба.

Без особых происшествий Бек добрался до окраины Арлингтона, где жил в ничем не примечательной квартире. Неприятное ощущение в желудке заставило его вспомнить, что он ничего не ел уже часов восемь. При тормозив у ярко освещенной бутербродной, он нерешительно заглянул в окно. В одной из кабин веселилась стайка подростков, двое молодых рабочих в джинсах расправлялись с гамбургерами за стойкой. Все, казалось, были полностью поглощены своими делами, хотя их нопалы явно занервничали и устремили глаза в сторону Бека. Он задумался, не зная, как поступить, а затем, повинувшись скорее дерзкому упрямству, чем доводам рассудка, припарковал машину.

Пройдя к стойке с прохладительными напитками, Бек присел у самого краешка. К нему подошел, вытирая руки фартуком, хозяин — высокий мужчина с помятым лицом. Над белой поварской шапочкой гордо возвышался огромный нопал с глазами, похожими на перезревшие грейпфруты. Такого большого и величественного нопала Беку еще не доводилось видеть.

Как можно более спокойным и выдержанным тоном он заказал пару гамбургеров. Хозяин уже собирался было идти на кухню, как вдруг остановился и искося поглядел на Бека.

— Что с вами, дружище? Хватили лишку? Что-то вы странно себя ведете.

— Нисколько, — вежливо ответил Бек. — Вот уж несколько недель капли в рот не брал.

— Что-то не похоже.

— Просто я очень голоден, — чуть улыбнувшись, сказал Бек.

Хозяин медленно пошел прочь.

— Только остряков мне еще не хватало. И так всякой шпаны полно.

Бек до боли прикусил язык. Хозяин, раздраженно швырнув биток на сковородку, то и дело поглядывал через плечо на Бека. Его нопал, казалось, тоже повернулся, сосредоточив на Беке все свое внимание.

Бек обвел взглядом помещение: глаза всех находившихся здесь нопалов были устремлены на него. Нопалы не только сидели на головах у людей, три-четыре твари проплывали в воздухе, словно рыбы в аквариуме; они были повсюду — большие и маленькие, розовые и бледно-зеленые, целые стаи нопалов, в любом конце помещения и за его пределами...

Входная дверь распахнулась, внутрь зашли четверо молодых парней и присели совсем рядом с Беком. Из реплик, которыми они перебрасывались, Бек понял, что они катались по округе в надежде подцепить девочек, но не преуспели. Бек сидел тихо, хотя его нестерпимо жгла мысль, что со всех сторон прямо ему в лицо смотрят наглые глаза нопалов. Он даже съежился при этой мысли, и тотчас сидевший рядом с ним парень, повернувшись к нему, спросил неприязненно:

— Тебя что-нибудь беспокоит, приятель?

— Нет, нет, ничего, — вежливо ответил Бек.

— Слишком ты веселый, а с чего?

Перед ними возник хозяин.

— Что здесь происходит?

— Тут среди нас завелся весельчак, — пояснил парень, не давая Беку объясниться.

Глаза одного из нопалов зависли сантиметрах в тридцати от головы Бека, с мрачным вожделением уставившись на него. Остальные нопалы внимательно следили за происходящим. Бек почувствовал себя всеми покинутым и совершенно одиноким.

— Прошу меня извинить, — ровным голосом произнес он. — Я не хотел никого обидеть.

— Может быть разберемся, приятель? Был бы рад тебе помочь.

— Нет, спасибо.

— Кишка тонка?

Бек проямлил что-то невразумительное. Парень недовольно фыркнул и повернулся к нему спиной.

Бек доел гамбургеры, небрежно брошенные хозяином, расплатился и вышел наружу. За дверью его ждали четверо парней.

— Послушай, друг, — произнес все тот же задира, — со мной этот номер не пройдет. Да и рожа твоя мне не очень-то нравится.

— Мне она не нравится тоже, — сказал Бек, — а вот жить приходится.

— С таким языком, как у тебя, ты мог бы трепаться по телеку. И уж больно ты умный.

Бек промолчал и сделал попытку вернуться к машине. Задира прыгнул и заслонил ему дорогу.

— Может быть, раз уж твоя рожа не нравится мне, не нравится тебе, мы ее маленько поправим?

Парень замахнулся на Бека, но тот увернулся, однако кто-то другой толкнул его сзади. Бек споткнулся, и тут первый из хулиганов нанес ему сильнейший удар в лицо. Бек упал на асфальт, и все четверо стали пинать его ногами.

— Получай, сукин сын, — цедили они сквозь зубы. — Получай еще!

Из дверей закуской выскочил хозяин.

— Прекратите! Слышите? Хватит! Мне все равно, что тут у вас происходит, только не занимайтесь этим здесь. — Он повернулся к Беку: — А вы поднимайтесь и мотайте отсюда, пока целы. И чтоб ноги вашей здесь не было...

Бек, прихрамывая, проковылял к своему автомобилю и забрался в кабину, провожаемый злобными взглядами. Он запустил двигатель и поехал домой. Все тело ныло от бесчисленных ссадин и ушибов. «Приятное возвращение, ничего не скажешь», — с горечью отметил он про себя.

Оставив машину прямо на улице, Бек, шатаясь, поднялся по лестнице, открыл дверь своей квартиры и

устало ввалился внутрь. Стоя посреди гостиной, он с любовью глядел на мебель, книги, дорогие сердцу безделушки. Какими родными и привычными были они ему еще совсем недавно — и какими далекими стали теперь. У него возникло ощущение, будто он забрел в комнату, где провел детство и долго не бывал...

В коридоре послышались шаги миссис Макриди, его квартирной хозяйки, женщины с безупречными манерами, но при случае любящей поболтать. Остановившись возле двери, она легонько постучала. Бек недовольно скривился: весь в синяках, усталый, взъерошенный, он не испытывал желания обмениваться светскими любезностями.

Стук повторился. Бек не мог проигнорировать ее: хозяйка знала, что он дома. Пришлось проковылять к двери.

В коридоре действительно стояла миссис Макриди. Она жила в одной из квартир первого этажа. Хрупкая энергичная женщина шестидесяти лет, с тщательно причесанными волосами и ухоженным лицом, она держалась с достоинством, говорила четко и выразительно. Беку она всегда казалась обаятельным реликтом эдвардианской эпохи. Нопал, восседавший на ее плечах, оказался огромным, гигантский плюмаж надменно поднимался на высоту, равную росту самой миссис Макриди. Зрелище это потрясло Бека до глубины души — как могла миниатюрная женщина выдерживать на себе такую громадину?

Миссис Макриди, в свою очередь, была поражена ужасным видом Бека.

— Мистер Бек! Что с вами приключилось? Неужели... — Голос ее дрогнул, и последние слова

прозвучали с большими паузами: — С вами... произошел... какой-то несчастный случай?

Бек сделал попытку успокоить ее благодушной улыбкой.

— Ничего серьезного. Просто мне немного досталось от хулиганов.

Миссис Макриди от удивления раскрыла рот, одновременно на Бека уставились два огромных пузыря — глаза нопада. Лицо женщины покрылось розовыми пятнами.

— Вы были пьяны, мистер Бек?

Невесело рассмеявшись, Бек возразил:

— Нисколько, миссис Макриди. Разве я пьяница и забулдыга?

Миссис Макриди презрительно фыркнула.

— Вы бы оставили хоть какую-нибудь записку, мистер Бек. Вам звонили несколько раз с работы, а еще приходили какие-то люди — видимо, переодетые полицейские.

Бек пробормотал что-то о не зависящих от него обстоятельствах, но его слова не произвели на миссис Макриди никакого впечатления. Ее раздражали беззаботность Бека и отсутствие у него должной предупредительности. Она никогда не думала, что мистер Бек может быть — да, да — таким грубияном.

— Звонила также и мисс Хэвен, почти ежедневно. Она ужасно беспокоится. Я обещала дать ей знать, как только вы объявитесь.

Бек аж застонал, скрипнув зубами. Совершенно невыносимо впутывать в свои дела Маргарет!

— Может быть, вы заболели мистер Бек? — спросила она, но не из сочувствия, а повинувшись внутрен-

нему кредо творить всегда и везде добро, что делало ее непримиримым врагом тех, кто, по ее мнению, дурно обращается с животными.

— Нет, миссис Макриди, я совершенно здоров, только не звоните мисс Хэвен, пожалуйста.

Миссис Макриди откланялась.

— Спокойной ночи, мистер Бек.

Она гордо спустилась по лестнице, явно недовольная поведением мистера Бека, которого считала таким воспитанным и заслуживающим доверия молодым человеком. Направившись прямо к телефону, она тут же позвонила Маргарет Хэвен.

Бек приготовил себе изрядную порцию виски с содовой и без всякого удовольствия выпил, затем принял горячий душ, побрился, заполз в постель и уснул.

Проснулся он сразу же, как начало светать, и долго лежал, прислушиваясь к утренним звукам: урчанию случайного автомобиля на улице, неожиданному звону далекого будильника, бойкому щебету воробьев. Все было таким естественным, что его миссия показалась вдруг нелепой и фантастической. И все же нопалы существовали! Он видел, как они проплывали в утреннем воздухе, будто огромные пучеглазые фонари. И сколь ни фантастичными они кажутся, их нельзя выбросить из головы. Если верить Птиду Эпиптиксу, у него оставалось не более двух недель, а потом нопал преодолет остатки сопротивления, и он опять станет читуми... Бек задрожал при мысли об этом и сел на край кровати. Он будет таким же беспощадным, как ксексиане, он не станет больше рабом паразита.

Раздался звонок в дверь. Бек нетвердой походкой направился к двери, страхась увидеть именно то

лицо, которое он не сомневался, должно оказаться за дверью.

Прямо перед ним стояла Маргарет Хэвен. Беку стало тошно при виде нопала, присосавшегося к ее голове.

— Пол, — с придыханием спросила она. — Что с тобой стряслось? Где ты пропадал?

Бек взял ее за руку и провел внутрь комнаты.

— Приготовь кофе, — угрюмо попросил он, — а я пока оденусь.

Ее голос донесся в спальню:

— У тебя такой вид, будто ты перенес месячный запой.

— Нет, — ответил он. — Со мной приключилась, скажем так, некая удивительная история.

Через пять минут он присоединился к Маргарет. Высокая и длинноногая, всеми движениями напоминающая очаровательного мальчишку-сорванца, в толпе Маргарет ничем не выделялась, но глядя на нее сейчас, Бек подумал, что никогда в жизни не видел более привлекательной девушки. У нее были темные непослушные волосы, широкий рот с характерными кельтскими ямочками в уголках, слегка изогнутый нос — результат автомобильной катастрофы в детстве. Удивительно выразительное и живое лицо отчетливо передавало каждое чувство, владевшее ею в данное мгновение. Бек прекрасно знал, что Маргарет удивительно бесхитростна и незлобива. Ей было двадцать четыре года, и работала она в каком-то безвестном отделе министерства внутренних дел.

Теперь она хмуρο глядела на него, явно ничего не понимая. Бек сообразил, что она ждет объяснений по

поводу его отсутствия, хотя ничего придумать не успел. Маргарет, несмотря на свою природную искренность, чувствовала малейшие оттенки фальши в других.

В конце концов все-таки решившись, он произнес:

— Меня здесь не было почти месяц, но я просто не могу объяснить тебе все.

— Не можешь или не хочешь?

— Того и другого понемножку. Это нечто такое, что пока приходится держать в тайне.

— Правительственное задание?

— Нет.

— Ты попал... в какую-то беду?

— Не совсем такую, как ты себя представляешь.

— Я как раз не думаю ни о чем конкретном.

Бек уныло плюхнулся в кресло.

— Поверь мне, я не развлекался с какой-нибудь женщиной и не занимался контрабандой наркотиков.

Маргарет только пожала плечами и села в другом конце комнаты.

— Ты сильно изменился.

— Да, сильно изменился.

— Ты собираешься что-нибудь делать?

— Одно знаю точно: на работу я больше не пойду, — ответил Бек. — Сегодня же подаю заявление, если меня и без него еще не уволили... Что напомнило мне... — Он запнулся на полуслове, едва не проболтавшись, что у него в багажнике лежит центнер золота стоимостью почти в миллион долларов, если его, конечно, еще не украли.

— Мне очень хотелось бы знать, что же все-таки произошло, — сказала Маргарет. Голос ее был

спокоен, но руки дрожали, и Бек понял, что она вот-вот расплачется. Ее нопал безмятежно взирал на Бека, не выказывая какого-либо возбуждения. — Все стало не таким, как раньше, и я никак не пойму, почему. Мне страшно.

Бек поднялся и пересек комнату, подойдя к девушке совсем близко. Взгляды их встретились.

— Ты хочешь знать, почему я не могу рассказать тебе все, то произошло?

— Да.

— Да потому что, — медленно произнес он, — ты все равно мне не поверишь. Ты подумаешь, что я сошел с ума, а я не хочу провести в сумасшедшем доме даже несколько часов.

Маргарет ничего не ответила, но Бек почувствовал, что она и в самом деле подумала, не сошел ли он с ума. Как ни парадоксально, но в нее такая мысль вселяла надежду: Пол Бек сумасшедший — больше не являлся таинственным и злобным Беком, явившимся ей в новом обличье, и во взгляде, которым она теперь смотрела на Бека, явно теплилась искорка этой надежды.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — робко спросила она.

Бек взял ее руку в свою.

— Я прекрасно себя чувствую и нахожусь в здравом уме. Я получил новую работу чрезвычайной важности, поэтому мы больше не можем встречаться друг с другом.

Она выдернула руку из его пальцев, в глазах ее сверкнула ненависть, но эта ненависть была лишь зеркальным отражением той ненависти, что теперь пылала в глазах-пузырьках нопала.

— Что ж, я только рада, что ты решил больше не скрывать своих чувств. Так проще, потому что я ненавижу тебя.

С этими словами она повернулась и выбежала из квартиры.

Бек допил кофе, затем, подойдя к телефону, набрал номер. После нескольких гудков ему стало ясно, что доктор Ральф Тарберт уже выехал в свою вашингтонскую контору.

Бек налил себе еще чашку кофе и через полчаса позвонил в контору Тарберта.

Секретарша попросила его назвать имя, и через несколько секунд в трубке послышался ровный голос Тарберта:

— Где, черт возьми, носило вас столько времени?

— Это долгая и неприятная история. Вы сейчас сильно заняты?

— В общем, нет. А что?

Неужели тон Тарберта изменился? Возможно ли, чтобы нопад учуял таупту на расстоянии в пятнадцать миль? Бека напугала такая неопределенность, за последнее время он стал очень мнительным и больше не доверял собственным суждениям.

— Мне нужно поговорить с вами. Гарантирую, вас это очень заинтересует.

— Хорошо, приезжайте ко мне прямо сейчас.

— Я предпочел бы, чтобы вы ко мне заглянули. На это есть серьезные причины.

«Главным образом потому, что я не отважусь покинуть квартиру», — добавил про себя Бек.

— Гм, звучит таинственно, даже как-то зловеще.

— У вас прекрасная интуиция.

На несколько минут воцарилось молчание, затем Тарберт осторожно спросил:

— Вы, наверное, были больны? Или пострадали в какой-то аварии?

— Почему вы так решили?

— У вас как-то странно звучит голос.

— Вот как, вы заметили даже по телефону? Что ж, я и в самом деле стал весьма странным, даже уникальным. Объясню все при встрече.

— Я сейчас приеду.

Сложные чувства овладели Бекон: вешая трубку, он испытал наряду с облегчением и весьма мрачные предчувствия. Тарберт, как и любой другой житель Нопалгарта, может так люто его возненавидеть, что откажется помогать. Складывается такая ситуация, что любой неверный шаг мог провалить все дело, требовался тонкий подход. До какой степени можно посвятить Тарберта в эту историю? Можно ли надеяться, что скептик Тарберт примет все за чистую монету? Бек судорожно думал, как лучше поступить, но так и не пришел ни к чему...

За окном, возле которого притаился Бек, шли по своим делам мужчины и женщины — читуми, неведающие, с каким грузом за плечами они ходят. И пока они проходили под его окнами, Бека ни на секунду не оставляло ощущение, что все нопалы смотрят в его сторону, хотя это могло быть плодом фантазии. Посмотрев на небо, он увидел, что всюду шныряют туманные силуэты нопалов, тоскливо проплывая над людскими толпами, завидуя своим более удачливым собратьям. Тогда Бек решил сосчитать, сколько же нопалов у него в комнате: раз, два, три... нет, четыре!

Он подошел к столу и вынул из кейса обрывок нопалона. Соорудив из него кулек, он принялся ловить одного из нопалов, но тот все время уворачивался, как ртутный шарик. Но даже если он поймает одного и раздавит, что тогда? Что значит один нопал, если они наводнили всю планету? С таким же успехом можно бороться с мухами, ловя их по одной.

Раздался звонок. Бек пересек комнату и осторожно открыл дверь. На пороге стоял доктор Тарберт в элегантном костюме и белоснежной рубашке, еще более оттеняемой черным галстуком в крапинку. Ни один случайный прохожий ни за что не догадался бы, чем занимается этот человек. Преуспевающий делец, телеобозреватель, архитектор-авангардист, удачливый гинеколог — да, один из величайших ученых — никогда! А вот нопал над его головой был самый что ни на есть заурядный, не шедший ни в какое сравнение с тем, что оседлал миссис Макриди. Видимо, умственные способности человека никак не влияли на особенности пристроившегося нопала. Однако глаза-пузыри глядели на Бека с такой же злобностью, как глаза всех других нопалов, которых Беку приходилось видеть вблизи.

— Здравствуйте, Ральф, — произнес как можно почтительнее Бек. — Заходите, пожалуйста.

Тарберт осторожно зашел в комнату. Нопал тотчас же вздыбил свой плюмаж и затрепетал в ярости.

— Кофе? — спросил Бек.

— Спасибо, не надо. — Тарберт обвел комнату любопытным взглядом. — А впрочем, не возражаю. Черный, хотя, я думаю, вы помните об этом.

Бек налил Тарберту кофе, наполнив заодно и свою чашку.

— Садитесь, разговор предстоит долгий.

Тарберт сел поудобнее в кресло. Бек устроился на диване.

— Начну с того, что вы сами пришли к выводу, будто что-то изменило мою личность.

— Да, я заметил перемену в вас, — признался Тарберт.

— В худшую сторону?

— Да, если уж вы настаиваете, — вежливо согласился Тарберт. — Хотя я не в состоянии сказать что-то определенное в отношении характера этой перемены.

— Тем не менее вы чувствуете ко мне неприязнь и удивляетесь, как такое могло случиться, ведь раньше вы хорошо ко мне относились.

Тарберт недоуменно улыбнулся.

— О, вы утверждаете очень категорически!

— Это лишь часть общей проблемы, хотя весьма существенная. Я специально с самого начала хочу обратить на нее ваше внимание, чтобы в дальнейшем вы попробовали делать скидку на это или даже вовсе не замечать.

— Понимаю, — кивнул Тарберт. — Продолжайте.

— Чуть позже я объясню все подробно, а пока вам придется мобилизовать всю свою профессиональную непредубежденность и отбросить в сторону ту непонятную, только что зародившуюся неприязнь ко мне. Она и в самом деле существует, но уверяю вас, имеет искусственное происхождение — нечто, не зависящее от нас обоих.

— Хорошо, я обуздаю свои эмоции. Продолжайте, я очень внимательно вас слушаю.

Бек задумался, подбирая слова.

— В самых общих чертах моя история такова: я наткнулся на совершенно новую область знания, и мне нужна ваша помощь для ее исследования. Меня ставит в очень невыгодное положение та атмосфера ненависти, которая меня сейчас окружает. Вчера вечером хулиганы набросились на меня прямо на улице, теперь я даже не отваживаюсь покинуть квартиру.

— Область знания, на которую вы ссылаетесь, — осторожно спросил Тарберт, — относится, вероятно, к человеческой психике?

— В какой-то мере да. Хотя я предпочел бы не употреблять специфическое слово «психика»; знание, о котором говорю, включает в себя слишком много сопутствующих метафизических построений, я все еще затрудняюсь выбрать наиболее подходящий термин для его обозначения. Псионика — вот, пожалуй, самое лучшее из всего, что приходит мне в голову. — Заметив, с каким трудом Тарберту удастся сохранить сдержанность, Бек тут же решил уточнить: — Я пригласил вас сюда не для того, чтобы обсуждать отвлеченные понятия. В данном случае речь идет о психике как о своего рода системе преобразования электрических импульсов. Мы не видим электрического тока, но можем наблюдать различные проявления его прохождения. Та неприязнь, которую вы сейчас ко мне испытываете, является одним из побочных эффектов рассматриваемого мною явления.

— Я ее больше совсем не ощущаю, — задумчиво произнес Тарберт, — теперь, когда я пытаюсь уловить хотя бы намек на нее... Могу отметить некоторые

чисто телесные ощущения: головная боль, беспокойство в желудке...

— Не торопитесь с выводами — она никуда не делась. Вам нужно быть все время начеку.

— Хорошо, начеку так начеку, — сказал Тарберт.

— Источником всего этого является... — Бек задумался, подбирая нужное слово, — некая сила, воздействию которой я на какое-то время перестал быть подвержен, но которая и сейчас продолжает расценивать меня как угрозу своему существованию. Эта сила сейчас обрабатывает ваш разум, пытаясь разубедить вас мне помочь. Не знаю, какими рычагами она в данном случае пользуется, так как не вполне уверен, насколько разумна эта сила. Во всяком случае, она осведомлена о том, что я представляю для нее смертельную опасность.

Тарберт кивнул.

— Да, я сейчас как раз это и ощущаю: испытываю желание, как ни странно, убить вас. — Он улыбнулся. — На чисто эмоциональном, а не интеллектуальном уровне, рад сказать. Гм, я и в самом деле заинтригован... Никогда даже не представлял себе, что такое возможно.

Бек наигранно рассмеялся:

— То ли еще будет, когда вы выслушаете меня до конца! Тогда вы будете более, чем заинтригованы.

— Источником этого воздействия является кто-то из людей?

— Нет.

Тарберт покинул кресло и сел на диван рядом с Бекем. Его нопал затрепетал и стал извиваться, злоб-

но сверкая глазами-пузырями. Тарберт несколько искоса посмотрел на Бека, взметнув бровь.

— Вы отодвинулись от меня? Вы ощущаете ко мне такую же неприязнь?

— Нет, никоим образом. Посмотрите-ка вот сюда, на столик. Обратите внимание на сложенный кусок ткани.

— Где?

— Да вот здесь.

Тарберт прищурился.

— Кажется, что-то вижу, но не могу быть уверенным. Что-то очень смутно различимое. Что-то, что заставляет меня вздрогнуть, сам не знаю почему, — как отпечатки пальцев лектора на доске.

— Мне следует вас утешить. Если вы в состоянии питать к куску материи чувства такого же рода, как и ко мне, значит, вы должны понять, что такое чувство не имеет рациональной подоплеки.

— Я понимаю, — сказал Тарберт. — Теперь, когда я это осознаю, я в состоянии контролировать свое чувство. — С него в какой-то мере сошел налет холодной учтивости, обнажив искренность натуры, которую он скрывал под маской напускного снобизма. — Сейчас я ощущаю какое-то странное урчание у себя в голове: «грр», «грр», «грр». Как будто лязгают шестеренки при переключении передач или кто-то прочищает горло... Странно. «Ггер» — так точнее, гортанное «ггер». Это, случайно, не телепатия? Что за «ггер»?

Бек покачал головой.

— Понятия не имею, хотя и мне приходилось слышать то же самое.

Тарберт посмотрел куда-то вдаль, затем прикрыл глаза.

— Я вижу какие-то своеобразные, беспорядочно перемещающиеся силуэты — очень странные, в какой-то степени даже отталкивающие. Трудно разобрать что-нибудь определенное... — Он открыл глаза и потер лоб. — Странно... Вы тоже в состоянии воспринимать эти... видения?

— Нет, — сказал Бек. — Я просто вижу то, чем они являются на самом деле.

— Вот как? — изумился Тарберт. — Вы сразили меня наповал. Ну-ка, расскажите поподробнее.

— Я хочу соорудить целый комплекс оборудования. Оно громоздкое, и мне нужно большое изолированное помещение, куда бы никто не входил. Месяц назад я мог бы выбирать такое помещение среди доброго десятка лабораторий, теперь же мне неоткуда ждать помощи: куда бы я ни обратился — в любую точку земного шара, — меня встретят лютой ненавистью.

— «В любую точку земного шара», — задумчиво повторил Тарберт. — Не означает ли это, что кто-нибудь, кто не живет на нашей планете, не питает к вам такой ненависти?

— В какой-то мере именно так. Вы узнаете обо всем столько же, сколько знаю я, через неделю или две, самое большее, и тогда вам придется сделать свой выбор, как пришлось его сделать мне, — ввязываться в это дело или нет.

— Хорошо, — сказал Тарберт. — Я могу подыскать вам приличную мастерскую. «Электродин Инжиниринг» будет только рада, так как фирма, по сути

лопнула, завод ее закрыт, там никто не работает. Вы возможно, знакомы с Клайдом Джефффри?

— Даже очень.

— Я переговорю с ним. Уверен, он позволит пользоваться заводскими помещениями столько, сколько вам будет необходимо.

— Хорошо. Вы можете позвонить ему сегодня?

— Я позвоню ему прямо сейчас.

— Вот телефон.

Тарберт позвонил и сразу же добился неофициального разрешения пользоваться помещением и оборудованием «Электродин Инжиниринг Компани» столько времени, сколько Беку понадобится.

Бек выписал Тарберту чек.

— За что это? — удивился Тарберт.

— Мне понадобится множество различных материалов и комплектующих. За них нужно будет платить.

— Ну, на две тысячи двести долларов не очень-то разгуляешься.

— Деньги меня беспокоят меньше всего. В багажнике моего автомобиля лежит сто килограммов золота.

— Боже правый! — воскликнул Тарберт. — Это впечатляет. Что вы собираетесь соорудить на заводе «Электродин»? Машину для синтеза золота из железа?

— Нет. Нечто под названием денопализатор. — Говоря, Бек внимательно следил за поведением нопа-ла Тарберта. В состоянии ли он постичь смысл сказанного? Разобраться было трудно. Гребень его заколыхался, вздыбился, но это могло означать, как очень многое, так и вообще ничего.

- Что такое денопализатор?
- Скоро узнаете.
- Хорошо, — сказал Тарберт. — Подожду, если так надо.

8

Двумя днями позже в дверь квартиры Бека постучалась миссис Макриди. Сделала она это деликатно, чисто по-женски, но тем не менее решительно.

— Доброе утро, мистер Бек, — подчеркнуто вежливо произнесла она. Ее чудовищный нопал при виде Бека надулся, как индюк. — К сожалению, мне придется огорчить вас. Ставлю вас в известность, что мне нужна ваша квартира. Я была бы крайне признательна, если бы вы поскорее нашли себе другое жилье.

Требование квартирной хозяйки не явилось для Бека неожиданностью. Не дожидаясь его, он оборудовал уголок в одном из цехов завода, поставил там койку и бензиновую плитку.

— Хорошо, миссис Макриди. Не сегодня-завтра я съеду.

Миссис Макриди почувствовала угрызения совести: вот если бы жилец устроил ей сцену или хотя бы выразил недовольство, она могла бы оправдать свой поступок в собственных глазах. Она уже хотела высказаться по этому поводу, но все же сдержалась и сухо произнесла:

— Благодарю вас, мистер Бек.

Этот эпизод вполне вписывался в схему событий, которых следовало ожидать Беку. Чопорная учтивость миссис Макриди была проявлением не мень-

шего антагонизма, чем разбойное нападение хулиганов. Ральф Тарберт, склад характера которого не позволял сомневаться в его объективности, сам признавался, что ему все время приходится преодолевать явную предубежденность по отношению к Беку. Крайне расстроенной и встревоженной показалась ему Маргарет Хэвен, звонившая по телефону. Что с ним стряслось? То отвращение, которое она почувствовала к Беку, не могло быть чем-то естественным. Может, Бек заболел? Или ее саму поразила паранойя? Бек не мог дать ей вразумительного ответа, и те секунды, что он стоял молча, сжимая в руке телефонную трубку, были для него настоящей пыткой. Что он мог сейчас предложить ей, кроме огорчений и страданий? Единственно порядочным поступком по отношению к девушке было бы сейчас навсегда порвать с ней отношения. Запинающимся голосом Бек попытался об этом сказать, но она и слушать не хотела; постигшая их беда, считала она, является чем-то внешним, и они справятся с ней, объединив усилия.

У Бека, удрученного такой ответственностью и одиночеством, которое усугубляло его душевную подавленность, не было сил сопротивляться и спорить. Бек сказал, что если она придет на завод «Электродин Инжиниринг», то он ей все объяснит.

Дрожащим от волнения голосом Маргарет ответила, что придет сейчас же.

Через полчаса она уже стучала в дверь проходной. Бек вышел из цеха, закрыв дверь на засов. Маргарет прошла внутрь медленно, нерешительно, как будто заходила в бассейн с холодной водой. Она была напугана не на шутку, ее нопал тоже показался Беку

изрядно возбужденным, его плюмаж испускал переливчатое зелено-красное свечение.

Бек попытался улыбнуться, но лицо Маргарет было настолько встревоженным, что улыбка получилась изрядно вымученной.

— Идем со мной, — произнес он наигранно бодрым тоном. — Сейчас тебе многое станет ясным.

В цеховой мастерской она обратила внимание на столик с походной плиткой.

— Что это? Ты теперь живешь здесь?

— Да, — ответил Бек. — Миссис Макриди стала испытывать ко мне точно такую же неприязнь, как ты.

— А это что? — совсем уж упавшим голосом спросила Маргарет.

— Это денопализатор.

Она обвела испуганным взглядом странное сооружение, ее нопал разволновался еще больше.

— И что он делает?

— Осуществляет денопализацию.

— Мне как-то страшно, когда я смотрю на него, он похож на что-то вроде дыбы или на какую-то машину для пыток.

— Не бойся, — сказал Бек. — Этот механизм не таит в себе никакого зла.

— В таком случае, что это все-таки такое?

Вот и наступило — сейчас или никогда — время во всем признаться, однако он не мог заставить себя говорить. Зачем обременять ее своими бедами, даже если допустить, то она всему поверит? Но поверит ли она? Что его силком завезли на другую планету, что ее жители убедили его в том, будто все люди на Земле поражены мерзкой пивякой, паразитирующей на их

рассудке, и что только он один в состоянии ощущать присутствие этих тварей... Что на него, Бека, возложена миссия освободить Землю от этих паразитов! Что если ему не удастся этого сделать, то пришельцы вторгнутся на Землю и уничтожат ее. В реакции Маргарет можно не сомневаться: она поставит диагноз «явная мегаломания» и посчитает своим первейшим долгом вызвать «скорую помощь».

— Ты не хочешь рассказать мне?

— Мне хочется придумать какую-нибудь убедительную ложь, — признался он, тупо глядя на денопализатор, — но никак не могу. Если я расскажу тебе всю правду, ты мне не поверишь.

— Попробуй.

Бек отрицательно покачал головой:

— Одно ты должна знать: ни я, ни ты нисколько не виноваты в той ненависти, которую ты ко мне испытываешь. Это результат внешнего внушения со стороны того, кто хочет, чтобы ты меня ненавидела.

— Как такое может быть? Пол, как ты переменялся, ты совсем не такой, каким был раньше!

— Да, я изменился. И совсем не обязательно в худшую сторону, хотя тебе кажется, что именно так. — Он уныло посмотрел на станину денопализатора. — Если я и дальше буду сидеть сложа руки, то снова стану таким, как прежде.

Маргарет непроизвольно схватила его за руку.

— Как мне этого хочется! — Она отдернула руку, отошла на шаг, продолжая глядеть на Бека в упор. — Сама не пойму, что со мной... и что с тобой...

Она повернулась и быстро направилась из цеха в контору.

Бек только тяжело вздохнул ей вслед, но остался в мастерской. Сверившись с чертежами, полученными от Птиду Эпиптикса, он возобновил работу. Время летело быстро. И постоянно у него над головой парили два или три нопала, ожидая загадочного сигнала, необходимого им, чтобы снова прикрепиться к затылку Бека.

В дверях снова появилась Маргарет и какое-то время молча наблюдала за Бекон, затем взяла кофейник, заглянула в него, брезгливо сморщила нос. Вылив остатки кофе в туалет, она помыла кофейник и заварила новый ароматный напиток. Тут появился Ральф Тарберт, и они вдвоем сели пить кофе. Присутствие Тарберта заметно приободрило Маргарет, и она попыталась выудить что-нибудь у него.

— Ральф, что такое денопализатор? Пол так и не удосужился объяснить мне.

— Денопализатор? — с наигранной веселостью переспросил Тарберт. — Устройство, которое служит для денопализации, в чем бы она ни заключалась.

— Значит, и вы толком не знаете?

— Не знаю. Пол стал таким скрытным.

— Потерпите немного, — сказал Бек. — Еще дня два — и вам все станет ясно. Вот тогда и начнется потеха.

Тарберт окинул каркас будущего устройства критическим взглядом, особое внимание обратив на стойки с электронными блоками, посмотрел и на источник питания.

— Полагаю, здесь собирается какой-то прибор из области радиотехники, а вот служит ли он для приема сигналов или для их передачи — мне не совсем ясно.

— А меня эта штука просто пугает, — сказала Маргарет. — Всякий раз, когда я на нее смотрю, у меня все холодеет внутри, слышатся непонятные звуки, чудятся таинственные огни. И почему-то видятся консервные банки, наполненные червями, какие готовят перед рыбалкой.

— У меня точно такие же ощущения, — согласился Тарберт. — Странно, что вид разрозненных элементов оборудования может так действовать.

— В этом нет ничего странного, — возразил Бек.

Маргарет искоса посмотрела на него. На нее нахлынули гадливость и страх, готовые прорвать плотину самоконтроля в ее сознании.

— Твои слова звучат зловеще.

Бек только пожал плечами, но этот жест показался Маргарет проявлением жестокости и бессердечия.

— Ты неправильно меня поняла. — Он поднял глаза на нопала, парившего прямо у него над головой, чем-то похожего на португальскую каравеллу под всеми парусами. Этот экземпляр преследовал его днем и ночью, выпучив глаза, топорща плюмаж и судорожно дергаясь от неумной алчности. — Мне нужно вернуться к работе. У меня осталось совсем мало времени.

Тарберт поставил на стол пустую чашку. Наблюдая за ним, Маргарет поняла, то он тоже начинает находить Бека совершенно невыносимым. Что же произошло со стариной Беком, всегда таким обходительным, добродушным и немножечко легкомысленным? Маргарет пришла в голову мысль о мозговых опухолях, иногда они бывают причиной неожиданных изменений характера человека. Ей даже стало стыдно

за себя: старина Пол такой же, как и всегда, его нужно лишь понять и пожалеть.

— Завтра я не приду, — сказал Тарберт, — буду весь день занят.

— Ничего страшного, — кивнул Бек. — У меня все готово будет во вторник, вот тогда-то вы мне и понадобится. Во вторник вы будете свободны?

— Да, — ответил Тарберт, — во вторник я свободен, а вы, Маргарет?

Маргарет хотела что-то сказать, но Бек перебил ее.

— Лучше, если мы все сделаем вдвоем. По крайней мере, пробные испытания.

— Почему? — удивленно спросил Тарберт. — Это опасно?

— Нет, — ответил Бек. — Ни для одного из нас. Присутствие же третьего лица может осложнить положение.

— Хорошо, — довольно безразлично согласилась Маргарет.

Раньше в подобной ситуации она здорово бы обиделась на Бека, теперь же осталась совершенно равнодушной к происходящему. Эта машина, по всей вероятности, лишь плод его помрачившегося рассудка, бессмысленное нагромождение деталей... Странно только, что все эти чудачества принимает всерьез доктор Тарберт. Может, машина все-таки не бред сумасшедшего? Если так, то каково ее предназначение? Почему Бек не хочет, чтобы она пришла на испытание?

Она потихоньку прошла в примыкавшее к мастерской складское помещение. Пройдя к неприметной двери, запертой на пружинный замок, Маргарет от-

тянула задвижку и поставила ее на предохранитель. Теперь сюда можно было зайти и снаружи.

Она вернулась в мастерскую. Тарберт уже собрался уходить. Маргарет вышла из цеха вместе с ним.

Спала она очень плохо. На следующий день все валилось у нее из рук. В понедельник Маргарет попыталась связаться с Ральфом, но его не оказалось дома. Что-то подсказывало ей, что завтрашний день будет каким-то особенным. Маргарет провела еще одну бессонную ночь, но под утро наконец уснула, а когда проснулась, ее снова начали одолевать мучительные сомнения. Она попыталась связаться с Тарбертом — опять безуспешно.

Побуждаемая ничем не объяснимым беспокойством, Маргарет направилась к гаражу и через некоторое время уже подъезжала к серым заводским корпусам «Электродин Инжиниринг». Снедаемая тревогой, она свернула на первую попавшуюся проселочную дорогу и остановилась на обочине, собираясь с мыслями. Она вела себя безрассудно, вопреки всякой логике и здравому смыслу. Почему она позволяет, чтобы ею владели совершенно безумные побуждения? И что это за странные звуки у нее в голове, что за странные видения?

Развернувшись на сто восемьдесят градусов, Маргарет направилась в сторону шоссе, у перекрестка остановилась в нерешительности, а затем, заскрипев зубами от непонятного смятения, направилась прямо к «Электродин Инжиниринг».

На стоянке перед проходной виднелись только старый черный «плимут» Бека с откидным верхом и «феррари» доктора Тарберта. Маргарет припаркова-

лась и еще с полминуты сидела в нерешительности, рассуждая, пройти ли через административный корпус или проникнуть через складскую дверь.

В конце концов Маргарет обогнула здание завода и направилась к складу. Отворив дверь, которая оказалась в том же состоянии, в каком ее позавчера оставила Маргарет, девушка вошла в тускло освещенное помещение склада. Шаги гулким эхом отдавались в пустом помещении, несмотря на все ее усилия подкрасться как можно незаметнее.

Из мастерской послышался приглушенный говор, и вдруг раздался хриплый отчаянный крик — кричал доктор Тарберт. Маргарет, тихонько подбежав ближе, заглянула внутрь.

Она была права. Бек и в самом деле сошел с ума: привязав Тарберта к прутьям своей дьявольской машины и прикрепив к голове какие-то массивные контакты, он что-то говорил своей жертве с искаженным в дьявольской усмешке лицом. До нее доносились обрывки фраз...

— ... В гораздо менее приятном окружении на планете Айксекс... нопал, как вы сами убедитесь... а теперь расслабьтесь — и очнетесь уже таупту...

— Отпустите меня, — ревел Тарберт. — Не надо мне этого!

Бек, лицо которого стало белым, как снег, не обращал уже на Тарберта никакого внимания, решительно повернул ключ на пульте. Сполохи синевато-лилового света озарили стены комнаты. Из рта Тарберта вырвался нечеловеческий вопль, все тело напряглось в попытке разорвать связывающие его путы и избавиться от мучительной боли.

Пораженная ужасом, Маргарет не могла отвести глаз от происходящего. Бек поднял со стола скомканный лист какой-то прозрачной пленки и набросил его на голову и плечи Тарберта. Что-то явно мешало плотно прижать пленку к плечам Тарберта, не давало возможности завернуть голову, раздувало пленку под пальцами Бека, однако Бек, не обращая внимания на частые вспышки, сопровождаемые громким треском электрических разрядов и отчаянными воплями Тарберта, энергично орудовал руками, разглаживая пленку вокруг головы и плеч своей жертвы.

Постепенно Маргарет пришла в себя. «Ггер, ггер, ггер!!!» Она стала искать глазами что-нибудь, что могло бы послужить оружием: стальной прут, гаечный ключ... Но ничего такого не попадалось на глаза. Она уже почти решилась наброситься на Бека с голыми руками, как вспомнила, что в конторе есть телефон.

К счастью, он оказался подключен — в трубке раздались продолжительные гудки.

— Полиция! Полиция! — взхлеб кричала она в микрофон. — Здесь сумасшедший! Он убивает доктора Тарберта! Пытает его!

Ей ответил не очень любезный мужской голос, потребовав сообщить адрес. Запинаясь, Маргарет объяснила, куда надо ехать.

— Сейчас пришлем патрульную машину. «Электродин Инжиниринг», Легторн-Роуд, верно?

— Да. Быстрее, быстрее...

Слова застряли у нее в горле. Каким-то шестым чувством она ощутила, что в комнате есть кто-то еще. Ей стало так страшно, что все тело ее онемело. Медленно с большим трудом она повернула голову.

В дверях стоял Бек. Он сокрушенно покачал головой, затем развернулся и медленно пошел туда, где в страшных конвульсиях билось тело Ральфа Тарберта. Снова взяв в руки пленку, он принялся обтягивать ею голову несчастного.

Ноги Маргарет подкосились. В потрясенном ее сознании никак не укладывалось, почему Бек не сделал ей ничего плохого, ведь он маньяк, он должен бы слышать, что она звонила в полицию... Откуда-то издали раздались вой сирены. С каждой минутой он приближался, становился все громче, все надежнее...

Бек выпрямился во весь рост. Он тяжело дышал, его и без того изможденное лицо теперь совершенно осунулось. Он казался Маргарет воплощением зла, и, окажись у нее в руках пистолет, она выстрелила бы, не задумываясь. Более того, не будь она сейчас так слаба, она разорвала бы его голыми руками... Бек держал в руках пленку, будто это был кулек, в который удалось что-то запихнуть. Внутри прозрачного кулька ничего не было, но, тем не менее, он казалось, трепетал у Бека в руках и даже сам по себе передвигался, что никак не укладывалось в сознании девушки. Затем она увидела, как черная дымка окутала кулек... А потом Бек стал топтать кулек ногами, как бы оскверняя его невидимое содержимое. Это показалось Маргарет совершенно омерзительным.

Прибыла полиция. Бек поворотом ключа остановил свою дьявольскую машину. В немом оцепенении Маргарет проводила взглядом полицейских, осторожно приближавшихся к Беку, который покорно ждал, измученный и побежденный.

Затем они заметили Маргарет.

— Все в порядке, барышня?

Маргарет только кивнула и вдруг осела на пол, разразившись рыданиями. Ее перенесли в кресло и попытались успокоить. Вскоре прибыла «скорая помощь». Санитары вынесли находящегося без сознания Тарберта, Бека увезли в одной патрульной машине, Маргарет — в другой.

9

Бека определили в федеральную психиатрическую больницу для душевнобольных с преступными наклонностями. Его поместили в небольшую палату с побеленными стенами и бледно-голубым потолком, с окнами из каленого стекла, зарешеченными снаружи.

Психиатры считали Бека человеком, способным четко формулировать свои мысли и хорошо воспитанным, хотя их и смущала мрачноватая насмешливость, с которой он относился к различным тестам, картам, диаграммам и играм, предназначенным для установления точного диагноза.

С диагнозом у них так ничего и не вышло. Умственное расстройство Бека отказывалось проявляться каким-то объективным образом, поэтому психиатры, оказавшись на редкость единодушными, решили отнести заболевание к «крайней степени паранойи». Они охарактеризовали Бека как «способного маскировать свои навязчивые идеи за вводящей в заблуждение ясностью мышления». Они докладывали, что Бек замкнут и апатичен, не проявляет особого интереса ни к чему, кроме местонахождения и состояния

своей жертвы, доктора Ральфа Тарберта, о встрече с которым неоднократно просил, но в чем ему, естественно, было неоднократно отказано. Врачи требовали для обследования Бека дополнительное время.

Шли дни, и с каждым следующим днем состояние Бека ухудшалось. Курировавший его психиатр выявил у него манию преследования: Бек все чаще иступленно оглядывался по сторонам, как бы провозжая взглядом какие-то проплывающие в воздухе предметы, отказался от еды, похудел, стал так бояться темноты, что у него в палате перестали выключать свет. Были отмечены два случая, когда он просто молотил воздух руками.

Бек страдал не только духовно, но и физически, испытывая постоянную болезненную пульсацию в голове и острые спазмы — примерно те же ощущения, которыми сопровождается первоначальная денопализация, но, к счастью, не такие мучительные. Ксексиане предупредили его об этих болях. Если им приходилось терпеть такое ежемесячно вдобавок к пыткам самой денопализации, то Бек теперь уже вполне разделял их решимость ликвидировать нопалов во всей Вселенной.

Тем временем какая-то непонятная деятельность внутри его мозга становилась все более интенсивной. Он все больше опасался в самом деле сойти с ума. Психиатры с умным видом задавали Беку заковыристые вопросы, делали большие глаза, выслушивая его ответы, а восседавшие на их плечах нопалы почти с таким же всепонимающим благодушием взирали на Бека. В конце концов палатный врач назначил ему успокоительное, но Бек категорически отказался от

укола, страшась уснуть. Один из нопалов уже завис непосредственно у него над головой, нагло заглядывая ему в глаза. Врач вызвал санитаров, Бека схватили, насильно сделали инъекцию, и, несмотря на отчаянную решимость не засыпать, он в изнеможении свалился на постель.

Проснулся он через шестнадцать часов и еще долго лежал, вперившись безразличным взглядом в потолок. Головная боль прошла, но состояние оставалось вялым, как при простуде. Память возвращалась медленно, фрагментарно. Обведя взглядом пространство, Бек не увидел ни одного нопала.

Дверь открылась, вошел санитар и вкатил тележку с едой. Бек приподнялся на локоть и присмотрелся к санитару — нопала не было, пространство за его плечами не было заполнено ничем. Бек все понял... плечи его обмякли. Медленно поднял руку, тщательно ощупал затылок — ничего, кроме кожи и колючих волос.

Санитар, глядя на него, задержался в дверях. Бек показался ему значительно более спокойным, почти нормальным. Такое же впечатление сложилось во время обхода и у палатного врача. Перебросившись несколькими фразами с Беком, врач пришел к выводу, что пациент выздоровел. Памятуя об обещании, данном Маргарет Хэвен несколькими днями раньше, он позвонил ей и сообщил, что она может посетить Бека в специально отведенные часы.

Во второй половине дня Беку сообщили, что его пришла навестить мисс Маргарет Хэвен. В сопровождении санитара Бек проследовал в уютную приемную, обманчиво похожую на вестибюль провинциальной гостиницы.

Маргарет кинулась к нему навстречу, схватила его за руки, оглядела с ног до головы, заглянула в глаза, и ее лицо, бледное и осунувшееся, радостно засветилось.

— Пол! Ты снова такой, как раньше! Поверь мне! Я знаю, что говорю.

— Да, — сказал Бек. — Я вернулся к своему прежнему состоянию. — Они присели. — Где Ральф Тарберт?

Блеск в глазах Маргарет угас.

— Не знаю. Он потерялся из виду, как только выписался из больницы. — Она сжала руки Бека. — Меня просили не говорить с тобой на эту тему: врач опасается, что мое посещение разволнует тебя.

— Уважим его просьбу. И сколько меня намерены здесь содержать?

— Не знаю.

— Гм. Они не имеют права держать меня здесь без официального заключения.

Маргарет отвела глаза.

— Насколько я понимаю, полиция сняла с тебя всякую вину за случившееся. Доктор Тарберт отказался выдвинуть обвинение против тебя, он утверждает, что вы с ним проводили совместный эксперимент. Полиция считает, что он такой же... — она прикусила язык.

Бек отрывисто рассмеялся.

— Такой же сумасшедший, как и я, верно? Так вот, Тарберт никакой не сумасшедший. В данном случае он говорит чистую правду.

Маргарет вся подалась вперед, тень сомнений и тревог снова легла на ее лицо.

— Что происходит, Пол? Ты взялся за очень странную работу, это никакой не правительственный заказ, я уверена!

Бек тяжело вздохнул.

— Не знаю... Все снова переменялось. Возможно, я действительно был не в своем уме, возможно, я был жертвой самых страшных галлюцинаций... Мне трудно разобраться сейчас.

Маргарет опустила глаза и тихо сказала:

— Меня все время мучит мысль, правильно ли я сделала, вызвав полицию. Я думала, ты убиваешь Тарберта. Но теперь... — Она нервно дернула рукой. — ...Я вообще ничего не понимаю.

Бек не ответил.

— Ты не хочешь со мной об этом говорить?

Бек невесело улыбнулся и покачал головой:

— Ты сочтешь меня действительно сумасшедшим.

— Ты на меня сердишься?

— Конечно же нет.

Раздался звонок — время свидания истекло. Маргарет встала. Бек поцеловал ее.

— Когда-нибудь я тебе все расскажу — скорее всего, сразу же, как только выберусь отсюда.

— Обещаешь, Пол?

— Да, обещаю.

На следующее утро к Беку заглянул доктор Корнберг, главный психиатр больницы.

— Ну, мистер Бек, как вы себя чувствуете? — добродушно спросил он.

— Очень неплохо, — ответил Бек. — Я подумываю о выписке.

Как обычно при таких вопросах, выражение лица психиатра стало неопределенно вежливым.

— О, как только мы доподлинно установим, что же с вами происходит. Честно говоря, ваш случай, мистер Бек, заставляет нас изрядно поломать головы.

— Разве вы не убедились, что я вполне нормален?

— Мы не можем позволить себе принимать решение, поддаваясь сиюминутным впечатлениям. Некоторые из наших неизлечимых больных временами кажутся обезоруживающе нормальными. Это, разумеется, не относится к вам, хотя у вас и сейчас проявляются некоторые озадачивающие симптомы.

— Какие?

Психиатр рассмеялся.

— Какое же я имею право раскрывать профессиональные секреты? «Симптомы» — это, возможно, слишком громко сказано. — Он задумался. — Что ж, попробую быть с вами откровенным, как мужчина с женщиной. Почему вы часто, да еще по пять минут подряд изучаете себя в зеркале?

Бек криво улыбнулся.

— Наверное, мне свойствен нарциссизм.

Психиатр отрицательно покачал головой.

— Сомневаюсь. Почему вы пробуете воздух у себя над головой?

Бек задумчиво потер подбородок.

— Видимо, вы застали меня, когда я выполнял упражнение йоги.

— Понятно. — Психиатр поднялся, чтобы уйти.

— Минуточку, доктор. Вы не верите мне, считаете меня то ли фигляр, то ли хитрым притворщиком,

но в любом случае параноиком. Позвольте мне задать вам один вопрос: себя вы считаете нормальным?

— Я не признаю догматов ни одной из основанных на слепой вере религий, что подразумевают или исключают абсолютно все, насколько мне известно, религии. Вас устраивает такой ответ?

— Не совсем. Меня интересует вот что: вы допускаете возможность существования явлений и ощущений, которые являются, скажем так, неординарными?

— Да, — настороженно произнес Корнберг, — до определенной степени.

— Значит, всякого, кто имеет какое-то отношение к экстранеординарным явлениям и описывает их, нельзя расценивать как не в своем уме?

— Безусловно, — сказал Корнберг. — Тем не менее, если вы поведаете мне, что недавно видели голубого жирафа на роликовых коньках да еще играющего на аккордеоне, я просто вам не поверю.

— Конечно, не поверите, потому что это просто совершенная нелепица, карикатура на действительность. — Бек задумался в нерешительности. — Не стану пускаться в дальнейшие подробности, поскольку хочу поскорее выбраться отсюда. Но те мои действия, свидетелем которых вы стали: изучение себя в зеркале, прощупывание воздуха, — все они обусловлены обстоятельствами, которые я считаю не совсем, скажем так, обыкновенными.

Корнберг рассмеялся.

— Вы явно осторожничаете.

— Естественно, ведь я разговариваю с психиатром в сумасшедшем доме.

Корнберг неожиданно поднялся и направился к двери.

— Пора продолжать обход.

Бек совершенно прекратил глядеть на себя в зеркало, перестал щупать воздух у себя за плечами. Через неделю его выписали из больницы. Отпали все обвинения против него, он снова стал свободным человеком.

Перед уходом из больницы доктор Корнберг на прощание пожал ему руку.

— Меня весьма заинтриговали те «обстоятельства», на которые вы намекнули.

— Меня они тоже интересуют, — ответил Бек. — Я намерен произвести их тщательное исследование. Не исключено, что мы скоро здесь встретимся.

Корнберг сокрушенно покачал головой. Маргарет взяла Бека за руку и повела к автомобилю. В кабине она обняла его и нежно расцеловала.

— Вот ты и вышел! Ты теперь на свободе, ты совершенно здоров, ты...

— Безработный, — закончил за нее Бек. — А теперь мне нужно незамедлительно встретиться с Тарбертом.

На лице Маргарет проступило недовольство.

— О, давай не будем беспокоить доктора Тарберта, — с откровенно фальшивой беззаботностью произнесла она. — Ему хватит своих неприятностей.

— Мне нужно повидаться с Ральфом Тарбертом.

— Т-только не подумай... — заикаясь, начала Маргарет, не зная, что говорить. — Давай лучше поедem в другое место.

Бек криво ухмыльнулся. Очевидно, Маргарет посоветовали — или она сама решила — держать Бека подальше от Тарберта.

— Маргарет, — нежно сказал он, — ты многого не понимаешь.

— Не хочу, чтобы ты снова попал в беду, — в отчаянии вскричала Маргарет. — Предположим, ты разволнуешься...

— Я разволнуюсь куда больше, если не встречу с Тарбертом. Пожалуйста, Маргарет. Сегодня я тебе все объясню.

— Дело не в тебе одном, — горестно призналась девушка, — дело в докторе Тарберте. Он переменился! Раньше он был такой... воспитанный, а теперь — колючий, такой ожесточившийся. Пол, поверь, я очень боюсь его. Мне кажется, что он просто источает зло!

— Уверен, это совсем не так. Мне нужно с ним встретиться.

— Ты обещал рассказать, как попал в такое жуткое положение.

— Вот именно жуткое, — тяжело вздохнув, сказал Бек. — Мне очень не хотелось впутывать сюда и тебя, но я обещал. Однако прежде давай увидимся с Тарбертом. Где он?

— В «Электродин Инжиниринг». Там, где раньше обосновался ты. Он стал очень странным.

— Меня несколько это не удивляет. Если все реально, если я в самом деле не маньяк...

— Сам ты не можешь разобраться?

— Нет. Я выясню это у Тарберта и надеюсь, что я чокнутый. Будь оно так, у меня отлегло бы от души.

По Леггорн-Роуд они ехали совсем медленно. Маргарет хотелось отсрочить развязку, да и сам Бек попытался отыскать любую причину, чтобы отменить

встречу. То и дело у него в голове раздавалось назойливое шипение, переходящее в рокот. «Ггер, ггер» — как тогда, на Айксексе. Или Айксекс был лишь иллюзией, а сам он помешанным? Все, что с ним произошло, никак не укладывалось в его сознании. Побуждаемый каким-то нелепым наваждением, он привязал беднягу Тарберта к самодельной машине для пыток, едва не погубив его... Да, Тарберт пережил мучительные минуты. Теперь у Бека определенно не было никакого желания встречаться с Тарбертом. Чем ближе они подъезжали к корпусам завода, тем сильнее становилось его нежелание и тем громче раздавался скрежет у него в голове: «Ггер-ггер-ггер». Мозг как будто взрывался интенсивными вспышками света, перед глазами поплыли какие-то видения: какое-то огромное черное пятно, очертаниями напоминающее утопленницу с развевающимися волосами, плавающую в черно-зеленой толще океана... восковые водоросли, покрытые цветами-звездами.. что-то типа вспушенного спагетти из сине-зеленого стекла... Бек вздохнул и протер глаза тыльной стороной ладони.

С надеждой Маргарет наблюдала за каждым его движением, однако Бек только упрямо поджимал губы. Когда он встретится с Тарбертом, он узнает всю правду. Обязательно узнает.

Маргарет заехала на стоянку. Машина Тарберта стояла здесь. На одеревеневших ногах Бек подошел к входной двери — урчание в мозгу стало откровенно угрожающим. Внутри здания таилось нечто враждебное, зловещее. Такие же ощущения, подумалось Беку, испытывал первобытный человек перед входом в темную пещеру, откуда пахло кровью и мертвечиной...

Он попробовал открыть дверь в контору, но та оказалась запертой. Тогда он постучал...

Таившееся где-то зло пошевелилось. Беги, покуда есть время! Еще не поздно!

В дверях появился Тарберт — надменный и способный на любую подлость и злодейство.

— Привет, Пол, — глумливым голосом сказал Ральф. — Вас в конце концов отпустили?

— Да... Ральф, я в своем уме или нет?! Вы его видите?

Так и есть, Тарберт глядит на него, как голодная акула.

— Вижу.

Бек задохнулся, словно кто-то железной рукой пережал ему горло. Сзади послышался испуганный голос Маргарет:

— Что он видит? Скажи мне, Пол! Что?

— Нопала, — проскрежетал Бек. — Он восседает на моей голове, высасывая у меня мозг.

— Нет! — вскричала Маргарет, хватая его за руку. — Посмотри на меня, Пол. Не верь ему, он лжет! Тут ничего нет, я же вижу!

— Значит я не сумасшедший. Ты не видишь его, потому что он есть и у тебя. Это он не дает тебе его увидеть, это он заставляет нас питать отвращение к Тарберту — точно так же, как заставлял тебя ненавидеть меня.

Лицо Маргарет перекосилось от ужаса, она никак не могла поверить в такое.

— Я не хотел тебя впутывать в эту историю, но, раз уж так вышло, тебе не помешает узнать, что же все-таки происходит.

— Что такое нопал? — прошептала Маргарет.

— Вот именно, — сказал Тарберт, — мне тоже хотелось бы узнать, кого я ношу на собственных плечах.

Бек взял Маргарет за руку, провел в контору.

— Присядь. — Маргарет робко села, Тарберт прислонился к дверному косяку. — Чем бы ни был нопал на самом деле, от него нельзя ожидать ничего хорошего. Злой дух, вредный симбионит, паразит сознания — всего лишь жалкие слова, не передающие сути этих тварей. Они способны оказывать на нас воздействие. Вот сейчас, Маргарет, они убеждают нас ненавидеть Тарберта. Я даже сам не предполагал, насколько они могущественны, пока мы не свернули на Леггорн-Роуд.

Маргарет прикоснулась руками к голове.

— На мне он тоже сейчас есть?

Тарберт кивнул:

— Зрелище не из приятных.

Маргарет плюхнулась в кресло и, дрожащими руками обхватив колени, робко спросила Бека:

— Ты шутишь, верно? Ты просто решил напугать меня?

Бек успокаивающим жестом погладил ее руки.

— Я бы с радостью, но это, к сожалению, серьезно.

— Почему же их не видит никто другой? Почему о них не знают ученые?

— Сейчас все объясню.

— Давайте, — сухо произнес Тарберт. — Мне будет интересно послушать, ведь я до сих пор абсолютно ничего не знаю, кроме того, что у каждого есть свое чудовище, восседающее у него на голове.

— Простите, Ральф, за нескромность, — улыбнулся Бек, — но хотелось бы знать: вы были поражены, увидев такое?

Тарберт упрямо мотнул головой.

— Этого вы никогда не узнаете.

— Ну что ж, история такова...

10

Наступил вечер. Все сидели в мастерской, в кругу света, поблизости от денопализатора. На верстаке булькал кофе в электрическом кофейнике.

— Положение просто ужасное, — заключил Бек. — Не только для нас лично, но для всех и каждого. Мне нужна была помощь, Ральф, и не оставалось другого выхода, как вовлечь вас в эту историю.

Тарберт повернул голову в сторону денопализатора. В помещении воцарилась тишина. Хотя Тарберт продолжал казаться воплощением всяческих опасностей, но Бек, отчаянно сопротивляясь, убеждал себя, что Ральф его друг и союзник, однако не решался встретиться с ним взглядом.

— У вас пока все еще есть выбор, — в конце концов сказал Бек. — Ведь вы совершенно не обязаны принимать участие в этом деле. Впрочем, как и я. Но теперь вам известно, что происходит, и если вы не захотите иметь с этим что-нибудь общее, я вас пойму.

Тарберт грустно улыбнулся.

— Я нисколько не жалею. Раньше или позже, но я все равно окажусь вовлечен в это, поэтому пусть уж лучше будет в самом начале.

— Как и я, — с облегчением произнес Бек. — Сколько времени я провел в психушке?

— Около двух недель.

— Примерно через две недели вас снова оседлает нопал. Спокойно заснете, а проснувшись, сочтете случившееся ужасным кошмаром, вот как я сейчас. Забываешь, однако, обо всем без всякого труда, так как нопал помогает сделать это.

Тарберт окинул взглядом нопала, сидящего на плечах Бека.

— Постоянно жить вон с той штукой, которая на меня сейчас смотрит? — Он отрицательно покачал головой. — Не понимаю, как вы можете терпеть присутствие паразита...

Бек скривился.

— Нопал делает все возможное, чтобы подавить отвращение к нему... Он заглушает в человеке мысли, которые ему не угодны, тем самым достигая контроля над своим «хозяином», но он может поощрять таящуюся в каждом враждебность. Очень опасно быть таупту в мире, населенном читуми.

— Что-то не пойму, что вы намерены сделать? — робко вмешалась Маргарет.

— Дело не в том, что мы намерены сделать, а в том что мы обязаны сделать. Ксексиане объявили нам ультиматум: или мы сами очистим планету, или они за нас это сделают. Они способны на такое!

— Я разделяю их решимость: они исстрадались, — убежденно сказал Тарберт.

— Но ведь они обрекают нас на такие же страдания! — возмутился Бек. — Я считаю их жестокими, бессердечными и деспотичными.

— Вы встречались с ними в наихудших обстоятельствах, — подчеркнул Тарберт. — И все равно у меня сложилось впечатление, что они обходились с вами настолько любезно, насколько могли. Нужно воздержаться от категорических суждений до тех пор, пока мы не узнаем их лучше.

— Я знаю их достаточно хорошо, — возразил Бек. — Не забывайте, что мне пришлось стать свидетелем... — Он запнулся на полуслове, поняв, что это нопал побуждает его очернять ксексиан. Сдержанность Тарберта — рациональный подход, и все же...

Тарберт перебил ход его мыслей:

— Есть еще многое; чего я совершенно не понимаю. Взять хотя бы такой пример. Они называют Землю Нопалгартom, то есть считают, будто Земля является очагом этой заразы. Но ведь Вселенная огромна, в конце концов бесконечна, и в ней должно быть множество других планет, пораженных нопалами. Неужели они рассчитывают перевернуть вверх дном всю Вселенную?! Невозможно уничтожить всех комаров, посыпав дустом одну лужу на болоте.

— Как мне было сказано, это и является их главной целью, — ответил Бек. — Они объявили крестовый поход против нопалов, и мы оказались первыми неофитами. Они возлагают на нас огромную ответственность, но я не вижу возможности отвертеться.

— Но ведь если такие твари существуют на самом деле, — неуверенно произнесла Маргарет, — и вы честно признаетесь людям...

— А кто нам поверит? Мы ведь не можем просто взять и начать денопализацию первого встречного. Если же мы отправимся на какой-нибудь отдаленный

остров и организуем там колонию таупту, развяжется такая же война, как и на Айксексе.

— В таком случае... — начала было Маргарет, но Бек прервал ее.

— Если мы будем бездействовать, ксексиане уничтожат нас. Они умертвили миллионы читуми у себя на планете, что же им помешает здесь сделать то же самое?

— Давайте успокоимся и поразмыслим на трезвую голову, — сказал Тарберт. — Я один готов выдвинуть десяток вопросов, которые следует хорошенько обдумать. Например, имеется ли какой-нибудь иной способ борьбы с нопалами, кроме этой страшной машины? Не может ли быть, что нопал является частью человеческого организма — вроде так называемой души — или просто отражением мыслительных процессов? Или, может быть, подсознанием?

— Если они являются частью нас самих, — рассудил Бек, — то почему они кажутся такими омерзительными?

Тарберт рассмеялся.

— Если я разложу ваши кишки у вас перед носом, вам покажется, что более мерзкого зрелища просто не существует.

— Что правда, то правда, — вздохнул Бек и снова задумался — Ответу на первый ваш вопрос: ксексианам неведомы другие способы очищения читуми, кроме де-нопализатора. Это, разумеется, вовсе не означает, что другого способа не существует вообще. Что же касается того, могут ли нопалы являться частью человеческого организма, то они, определенно, не могут играть никакой роли в процессе его функционирования: они с го-

лодным видом парят над головами людей, пересекают межзвездное пространство, чтобы очутиться на других планетах, — словом поступают, как совершенно независимые существа. Если даже предположить симбиоз нопала и человека, то он явно только в пользу нопала. Насколько мне известно, они не предоставляют своим «хозяевам» каких-то выгод, хотя, должен признаться, ничего не могу сказать и о вреде.

— Почему в таком случае ксексиане столь рьяно решили избавиться от них, очистить от нопалов всю Вселенную?

— Потому что они, вероятно, очень уж омерзительны, — пожал плечами Бек. — Ксексианам достаточно одной этой причины.

Маргарет вдруг вся задрожала.

— Со мной наверное что-то не так... Если эти твари на самом деле существуют, то я должна питать к ним отвращение, но я его не испытываю.

— Твой нопал прищемляет соответствующий нерв в нужное время, — пояснил Бек.

— Этот факт, — сказал Тарберт, — может означать, что нопалу присущ определенный разум, отсюда вытекает вопрос: понимает ли нопал слова или питается сырыми эмоциями? По-видимому, он не меняет «хозяина» до его смерти и в таком случае имеет возможность изучить язык. Но, с другой стороны, есть ли у него память?

— Но если нопал остается с человеком до самой его смерти, то в таком случае в интересах нопала продлить жизнь своего «хозяина», — резонно заметила Маргарет.

— Похоже, что так.

— Возможно, именно этим и объясняются интуитивные предчувствия опасности, всякие прозрения...

— Вполне возможно, — согласился Тарберт.

Со стороны входной двери раздался повелительный стук. Тарберт поднялся, а Маргарет резко повернулась к мужчинам, приложив палец к губам.

Тарберт направился было к двери, но его остановил Бек.

— Лучше я пойду. Я такой же читуми, как и все остальные.

Он пересек тускло освещенный цех, преодолевая трусливое нежелание, природа которого показалась ему очень знакомой. Стук повторился. Взглянув в ночную тьму через стеклянную панель двери, он увидел тусклый полумесяц, притаившийся за кронами высоких кипарисов, а в тени — очертания какого-то темного массивного предмета.

Бек медленно отворил дверь. В отблесках фар проезжавших по Легторн-Роуд автомобилей четко была видна грубая серая кожа вошедшего, далеко выступающий гребень носа, напоминающий согнутый лук, затянутые пленкой слепые глаза. Это был Птиду Эпиптикс. За ним в темноте неясно вырисовывались еще четыре зловещих силуэта ксексиан. На всех были черные плащи и металлические шлемы с высокими шипами вдоль гребней.

Эпиптикс обдал Бека незрячим взглядом. Вся ненависть и страх, которые ощущал Бек в присутствии таупту вылились наружу. Он отчаянно пытался побороть эти чувства.

Птиду Эпиптикс надменно ступил внутрь, но тут на шоссе, метрах в тридцати от них, раздался визг

тормозов автомобиля. Взвыла сирена, ярко замигала красная полицейская вертушка на крыше машины, в сторону завода качнулся сноп прожектора.

Бек прыгнул вперед.

— Прячьтесь за деревьями, быстро! Дорожный патруль!

Ксексиане нырнули в тень, выстроившись там, как шеренга античных статуй. Из патрульной машины слышались звуки переговаривающихся по радиации голосов, дверь машины открылась, и оттуда вышли двое полицейских.

С замиранием в сердце Бек двинулся им навстречу. Луч карманного фонарика играл на его лице.

— В чем дело? — спросил Бек.

— Ничего особенного, обычная проверка. В помещении кто-нибудь есть?

— Друзья.

— У вас есть разрешение на использование помещения?

— Разумеется.

— Не возражаете, если мы заглянем на минутку? — Они решительно двинулись вперед.

— Что вы ищите?

— Ничего особенного. Просто за этим местом водится дурная слава, уж больно оно подозрительно. Совсем недавно тут уже были неприятности.

Бек, затаив дыхание, следил за каждым их шагом. Дважды он попытался предупредить их, и дважды слова застревали у него в горле. Да и что сказать? Близость ксексиан действовала на них угнетающе. Это чувствовалось по нервной дрожи их фонариков. Беку четко были видны силуэты спрятавшихся в тени деревьев ксексиан.

Лучи фонариков подбирались к ним все ближе... В дверях показались Тарбет и Маргарет.

— Кто там?

— Дорожный патруль, — отозвался один из «фараонов». — А вы кто?

Тарбет ответил. Патрульные повернули назад, к шоссе. Один из лучей запрыгал прямо возле кипарисов. Нерешительно заколебался, замер. Патрульный удивленно вскрикнул. В руках у обоих копов мгновенно появились пистолеты.

— Ну-ка выходи, кто там прячется?

Вместо ответа ночную тьму прорезали две вспышки розового света, две трассирующие очереди. Объятых пламенем полицейских отшвырнуло на несколько метров, они повалились наземь и сплющились, как пустые мешки.

Бек что-то крикнул, спотыкаясь, рванулся вперед, но тут же остановился. Птиду Эпиптикс, на мгновение повернув голову в его сторону, направился к двери.

— Давайте пройдем внутрь, — произнес переводчик.

— Но ведь это же люди! — срывающимся голосом закричал Бек. — Вы убили их!

— Успокойтесь, трупы исчезнут, автомобиль тоже.

Бек взглянул в сторону полицейской машины, где надрывалась рация.

— Вы, похоже, не понимаете, что натворили! Нас всех арестуют, казнят...

Он притих, осознав, какую чушь несет. Эпиптикс, не обращая на него внимания, прошел внутрь. Двое его соплеменников последовали за ним, не отставая ни на шаг, оставшиеся двое занялись трупами полицейских. Бека бросило в холодный пот, Тарберт

и Маргарет попятились назад при виде приближающихся к ним серых силуэтов.

Ксексиане остановились у самого светового круга. Глядя на Тарберта и Маргарет, Бек с горечью произнес:

— Если вы раньше сомневались в глубине души...

Тарберт кивком головы оборвал его:

— Все предельно ясно.

Эпиптикс подошел к денопализатору, осмотрел его, затем повернулся к Беку.

— Этот человек, — он указал на Тарберта, — единственный таупту на Земле. — За это время, которым вы располагали, можно было организовать целый полк.

— Почти все это время меня продержали в сумасшедшем доме, — с нескрываемой злобой огрызнулся Бек. Неужели та ненависть, которую он сейчас испытывал к Птиду Эпиптиксу, была целиком внушена ему нопалом? — Кроме того я далеко не уверен, что денопализация как можно большего числа лиц является наилучшим средством для достижения поставленной цели.

— Вы можете предложить чтонибудь другое?

— Мы считаем, что необходимо более тщательно изучить природу нопала. Возможно существуют более простые способы денопализации. — Он вопросительно посмотрел на ксексианина. — Сами-то вы пробовали другие средства?

— Мы — воины, а не ученые, — равнодушно сказал Эпиптикс. — На Айксекс нопалы перешли с Нопалгарта. Раз в месяц мы выжигаем их из своего мозга. Земля — главный очаг заражения этими паразитами. Вы должны принять меры для их уничтожения.

Тарберт кивнул. «Что-то уж очень быстро согласился он с доводами ксексианина», — с возмущением подумал Бек.

— Мы понимаем ваше нетерпение.

— Нам нужно время! — воскликнул Бек. — Вы можете подождать еще месяц или два?!

— Зачем вам столько времени? Денопализатор готов, остается только пустить его в ход.

— Нужно еще очень много выяснить! — продолжал возмущаться Бек. — Что из себя представляют нопалы? Да, они кажутся отвратительными, но, может быть, они благотворно влияют?

— Совершенно нелепая мысль. — В словах Птиду Эпиптикса прозвучала ирония. — Нопалы приносят только вред, они превратили Айксекс в руины, став причиной войны.

— Являются ли они разумными существами? — не унимался Бек. Способны ли они общаться с людьми? Вот что мы хотим выяснить.

— Откуда у вас возникла такая мысль? — удивился Эпиптикс.

— Временами мне кажется, что нопал пытается что-то мне сказать.

— На чем основано ваше впечатление?

— Трудно сказать что-то определенное, но когда я близко подхожу к таупту, у меня в голове возникает странный звук: «ггер, ггер, ггер».

— По правде говоря, мы действительно мало что знаем, — продолжал Тарберт. — Не забывайте, в наших традициях сначала понять, а затем уже действовать.

— Что такое нопалон? — настаивал Бек. — Он может быть получен из чего-то еще, кроме нопала?

И откуда взялся первый кусок нопалона? Даже если допустить, что в самом начале какой-то человек сам себя денопализировал, то совершенно непонятно, как он мог собственными силами изготовить пленку из нопалона?

— Это не относится к делу, — сухо передал переводчик.

— Как сказать, — скептически заметил Бек. — Нам, как и вам, многое непонятно. Все-таки ответьте: вы знаете, откуда взялся первый образец нопалона и каким образом?

— Не добивайтесь бесполезного знания, оно не поможет вам в деле уничтожения нопалов, поэтому действуйте согласно нашим инструкциям.

В этих словах, произнесенных ровным, механическим голосом, отчетливо проступало что-то злое, однако Бек, призвав на помощь всю свою храбрость, продолжал упорствовать:

— Мы просто не можем действовать вслепую. Машина убивает нопалов, а это не самый лучший способ решения задачи. Ваша планета в руинах — вы хотите, чтобы то же произошло с Землей? Дайте нам хоть немного времени на изучение, и тогда мы доберемся до сути проблемы!

Какое-то время ксексианин хранил молчание.

— Землянам свойственна изворотливость. Для нас же уничтожение нопалов — смысл и цель. Не забывайте, мы можем обойтись и без вашей помощи, мы уничтожим нопалов вместе с Нопалгартом. Хотите знать, как это произойдет? — Не дожидаясь ответа, он подошел к столу и взял кусочек нопалона. — Вы уже пользовались этим материалом и знаете, что он

лишен массы и инерционности, что он поддается телекинезу, что его растяжимость почти безгранична и что он непроницаем для нопалов.

— Знаем.

— В случае необходимости мы обернем всю Землю цельным куском нопалона. Нопалы останутся на Земле, как в ловушке, и по мере движения планеты их будут отделять от мозга их «хозяев». Мозги будут кровоточить, и все население Земли погибнет.

Все молчали.

— Такое решение жестоко, — продолжал Эпиптикс, — но зато прекратятся все наши мучения. Я объяснил, что нужно сделать. Или вы сами уничтожите нопалов, или мы это сделаем вместо вас. — Он развернулся и вместе со своими спутниками направился к выходу.

Охваченный смятением, но пытаясь сохранить спокойствие, Бек бросился им вслед:

— Нельзя требовать от нас чуда! Нам нужно время!

— Вам дается еще неделя.

Ксексиане вышли из здания. Бек и Тарберт последовали за ними. Трупов и патрульной машины не было. На глазах землян корабль ксексиан бесшумно оторвался от Земли, мгновенно набрал скорость и исчез в пространстве среди звезд.

— Как им это удастся? — удивился Тарберт.

— Понятия не имею. — У Бека кружилась голова, он в изнеможении опустился на ступеньку перед заводской проходной.

— Какой энергичный народ! — воскликнул Тарберт. — Мы по сравнению с ними просто улитки.

Бек посмотрел на него подозрительно

— Энергичный и кровожадный, — буркнул он. — Даже сейчас они впутали нас в историю. Полиция налетит сюда; как саранча.

— Не думаю, возразил Тарберт. — Трупы и автомобиль исчезли. Несчастный случай...

— Особенно для «фараонов».

— Вам достаточно неприятностей приносит ваш собственный нопал, — заметил Тарберт.

Маргарет дожидалась их в конторе.

— Они ушли?

Бек коротко кивнул.

— Никогда мне не было так страшно. Как будто плаваешь в море и вдруг видишь, что прямо на тебя плывет акула.

— Нопал искажает твои ощущения, — сказал Бек, — мои мысли тоже путаются. — Он посмотрел на денопализатор. — Ничего не поделаешь. Видно придется помучиться. — Острая боль внезапно сжала голову. — Нопал однако так не считает.

— Не думаю, что вам следует очищаться. Один из нас должен вербовать новобранцев для создания полка — так, кажется, выразился ксексианин?

— А что потом? — спросил упавшим голосом Бек. — Пулеметы? Коктейли Молотова? Бомбы?

— Все это мерзко и бессмысленно, — проговорила Маргарет.

Бек согласился.

— Положение отвратительное, но у нас нет выбора.

— Они целое столетие искореняли нопалов, — сказал Тарберт, — они должны знать о них все!

— Нет, — возразил Бек. — Они сами ничего толком не знают или не хотят поделиться опытом. Они хотят, чтобы мы потеряли голову. А почему? Несколькими днями раньше, несколькими позже — не все ли равно? События принимают очень странный оборот!

— Вашими устами сейчас говорит нопал. Ксексиане суровы, но кажутся искренними. Они не такие безжалостные, как заставляет думать нопал. В противном случае они просто уничтожили бы Землю, даже не предупредив.

Бек сделал попытку причесать свои мысли.

— Или это действительно так, или им по какой-то причине выгодно, чтобы Земля осталась заселенной, но денопализированной. Они фактически не оставили нам времени на исследования.

— В нашем распоряжении неделя. — Тарберт не собирался сдаваться. — Неделя на то, чтобы создать и развить совершенно новую науку.

— Вовсе нет, нужно остановиться на каком-то одном способе решения задачи. Мы просто сосредоточим все усилия в одном определенном направлении — быстрой денопализации Нопалгарта, а после того как разложим по полочкам свои идеи, можно будет использовать оставшуюся часть недели для передышки.

— Что же за работу, — сухо произнес Тарберт. — В качестве отправной точки возьмем факт существования нопалов. Начнем с того, что это абсолютно не укладывается в наши прежние представления о мире, в котором мы живем. Кто они? Призраки? Духи? Демоны? Кем бы они ни были, вещество, из которого они состоят, не имеет аналогов в окружающем нас

мире. Это какой-то новый вид материи, только односторонне различимый нашим зрением, неосязаемый, не обладающий массой и инерционностью. Жизнь такого существа поддерживается мозгом «хозяина», его мысленными процессами, а мертвые тела нопалов поддаются телекинезу — свойство, более других наводящее на размышления.

— Оно предполагает, что мышление является процессом, имеющим гораздо более существенную материальную подоплеку, чем мы до сих пор считали, — заметил Бек. — Или, лучше сказать существуют такие материальные процессы, которые соотносятся с мышлением, но как это происходит — мы пока не знаем.

— На то же самое указывают телепатия, ясновидение и другие им подобные так называемые псионические явления, — задумчиво продолжил мысль Тарберт. — Вполне возможно, что нопалон является промежуточной, как бы проводящей средой. Когда что-нибудь — мысль или яркое впечатление — передается от одного разума другому, эти разумы становятся физически связаны друг с другом. Чтобы уяснить, что же из себя представляет нопал, мы должны прежде всего разобраться с механизмом собственного мышления.

Бек устало покачал головой.

— О природе мысли нам известно ничуть не больше, чем о нопалах. Даже меньше. Энцефалографы записывают побочные продукты мышления. Хирурги утверждают, что определенные секции головного мозга связаны с определенными сферами мышления. Как мы полагаем, телепатия передается мгновенно, если не быстрее...

— Что может быть быстрее мгновенного? — удивленно спросила Маргарет.

— Если какая-то информация принимается до того, как она начала передаваться, такая ее переработка в мозгу называется предвидением.

— Вот как!

— В любом случае, похоже, мысль обладает определенными материальными свойствами, но резко отличается от того, что мы обычно называем материей. Мысль подчиняется определенным законам, действует в совершенно иной среде, в другой системе измерений. Короче говоря, существует в особом пространстве, что подразумевает отличную от нашей Вселенную.

Тарберт нахмурился.

— Вас занесло. Вы несколько легкомысленно обращаетесь с такими понятиями, как мысль и мышление. А ведь что такое мысль? Насколько нам известно, это слово означает совокупность электрических и химических процессов в нашем мозгу, процессов необыкновенно сложных, но, в сущности, не более загадочных, чем те, что происходят в электронных цепях компьютера. И я не могу понять, как мысль способна творить метафизические чудеса.

— В таком случае, — язвительно спросил Бек, — что вы сами можете предложить?

— Для начала хотя бы некоторые новейшие разработки в области ядерной физики. Вам, разумеется, известно, как открыли нейтрино: энергия частиц перед взаимодействием друг с другом оказалась больше, чем после взаимодействия, и объяснить такой феномен можно только за счет какой-то новой, образовав-

шейся в ходе проведения эксперимента частицы. Вскоре выяснились и новые, более трудно уловимые противоречия. Осталось только предположить, что это результат действия новых и неожиданных «слабых» сил.

— Какой нам толк от этих умозрительных гипотез? — едва не сорвавшись на грубость, спросил Бек, но усилием воли взял себя в руки. — Прошу прощения.

Тарберт взмахом руки дал понять, что не обижается.

— Мне прекрасно видна реакция вашего нопала... А какой от всего этого толк? Нам известны два так называемых «сильных» взаимодействия: энергия внутриядерного сцепления, а также энергия бета-распада. Кроме того существует одно «слабое» взаимодействие: сила тяготения, энергия гравитационного поля. Четвертая сила значительно слабее гравитационной, еще менее ощутима, чем нейтрино. На основании сказанного выдвигается предположение, что Вселенная должна или, по меньшей мере может иметь свою тень: во всем подобную ей призрачную копию, в основе которой лежит эта самая четвертая сила. Естественно, в совокупности это одна и та же Вселенная, тут и речи быть не может о новых измерениях или о чем-нибудь сверхъестественном. Просто материальная Вселенная имеет, по крайней мере, еще один аспект в виде вещества, или поля, или структуры — называйте, как вам заблагорассудится, — вид, неосязаемый для наших органов чувств или датчиков приборов.

— Что-то похожее я читал в одном из журналов, — сказал Бек, — но тогда не обратил особого

внимания... Уверен, вы на правильном пути. Эта Вселенная «слабых» взаимодействий, или паракосмос, скорее всего и является средой обитания нопалов, а также средой, где проявляются парапсихические феномены.

— Но вы же сами утверждали, что этот паракосмос четвертой силы никак нами не воспринимается! — воскликнула Маргарет. — Если телепатия необнаружима, то откуда нам знать, что она существует?

Тарберт рассмеялся.

— Очень многие говорят, что она не существует, однако мне доводилось видеть нопалов. — Он сделал кислую мину, глядя в пространство над головами Бека и Маргарет. — Факт тот, что этот паракосмос не такой уж неосязаемый. Будь он совершенно необнаружим, то никогда не были бы зарегистрированы те противоречия, которые привели к открытию четвертой силы.

— Приняв все это во внимание, — сказал Бек, — приходим к заключению, что четвертая сила, будучи должным образом сконцентрированной, может воздействовать на материю. А если точнее, то четвертая сила воздействует на материю, но только тогда, когда она настолько сконцентрирована, что мы замечаем произведенный ею эффект.

Ничего не поняв из объяснений Бека, Маргарет спросила:

— Телепатия является проекцией этой четвертой силы или ее концентрированным излучением?

— Ни то, ни другое, — ответил ей Тарберт. — Не забывайте, наш мозг не в состоянии быть источником четвертой силы. Нам нет смысла отходить от tradi-

ционной физики для объяснения псионических явлений, как только мы допустим, что параллельная Вселенная существует.

— Все равно ничего не понимаю, — призналась Маргарет. — Телепатия ведь, как полагают, распространяется мгновенно? Если параллельная Вселенная абсолютно подобна нашей, то значит, аналогичные события в ней должны протекать с точно такой же скоростью?

Тарберт на несколько минут задумался.

— Существует еще одна интересная гипотеза, я бы даже сказал — «индуктивное умозаключение». То, что нам известно о телепатии и о нопалах, наводит на мысль, что идентичные нашим частицы в этой паравселенной обладают более существенной степенью свободы — как, например, воздушные шары в сравнении с кирпичами. Иными словами, параллельный мир своим рисунком подобен нашему, но в пространственном отношении он совершенно другой. По сути само понятие пространственной протяженности лишено в нем какого-либо смысла.

— Если так, то и скорость будет бессмысленным понятием в этом мире, а следовательно, и время. На этом принципе, возможно, основано перемещение ксексианских космических кораблей. Как вы думаете, не могут ли они каким-то образом проникать в паравселенную? — Бек поднятием руки остановил Тарберта, собиравшегося незамедлительно ему ответить. — Знаю, знаю, они наверняка уже в паравселенной. Нас не должны сбивать с толку наши собственные привычные представления о пространственно-временном мире, привычные четыре измерения.

— Верно, — согласился Тарберт. — Но вернемся к механизму связи между этими Вселенными. Мне нравится аналогия между воздушным шаром и кирпичом. К воздушному шару привязан кирпич. Кирпичи существенно влияют на свободу перемещения воздушных шаров, а вот обратное влияние выявить очень нелегко. Давайте рассмотрим, как такая аналогия может быть применена к телепатии. Импульсы тока в моем мозгу генерируют соответствующий поток импульсов в имеющемся в паракосмосе аналоге моего мозга — в моем, так сказать, отраженном мозгу. Это соответствует случаю, когда кирпичи резко тянут вниз воздушные шары. Посредством какого-то неизвестного механизма — возможно, с помощью созданных мной двойником в паравселенной аналогичных колебаний, которые воспринимаются другим двойником, — воздушные шары дергают кирпичи. Нервные импульсы отправляются назад — в мозг-приемник. Если имеются подходящие для этого условия.

— Такими условиями, — без особого энтузиазма заметил Бек, — могут быть нопалы.

— Вот именно. Нопалы, по-видимому, являются существами паравселенной, по какой-то причине жизнеспособными в обеих Вселенных.

— А вот по-моему, нопалы, что не говорите, в нашей Вселенной существовать не могут.

— Но ведь я вижу их! — воскликнул Тарберт.

— Возможно, вам только кажется, будто вы видите их. Предположим, что нопалы живут в другой Вселенной и терзают только наши эквиваленты. Вы же видите их при помощи ясновидения или, что даже вероятнее, их видит ваш аналог — и так ярко и четко,

что вы считаете нопалов реальными материальными существами.

— Но моя дорогая юная леди...

— Вывод Маргарет не лишен смысла. Я тоже видел нопалов, — перебил его Бек, — и знаю, насколько реальными они могут казаться, но они не отражают свет и не излучают его. Будь иначе, их можно было бы увидеть на фотографии. Я не убежден в том, что они вообще связаны с реальностью какой-либо из Вселенных.

Тарберт пожал плечами.

— Если они позволяют нам их видеть в естественном состоянии, то они то же самое могут сделать, когда мы рассматриваем фотографии.

— Во многих случаях фотографии сканируют чисто механическими способами.

Тарберт бросил взгляд на плечи Бека.

— Если так, то почему этого не понимают ксексиане?

— Ну, они же признаются, что ничего не знают о нопалах.

— Вряд ли они могли оставить без внимания такие основополагающие факты, — возразил Тарберт. — Едва ли можно сказать, что ксексиане простодушны.

— Я не очень-то с вами согласен. Сегодня Птиду Эпиптикс вел себя просто неблагоразумно. Если только не...

— Если только что? — спросил Тарберт, как показалось Беку, слишком резко.

— Если только ксексиане не руководствовались какими-то скрытыми побуждениями. Я понимаю, что это нелепо, потому что видел их планету и знаю, как они страдают, и все же...

— Мы в самом деле еще многого не понимаем, — признался Тарберт.

— Мне бы дышалось гораздо легче, если бы на моей шее не рассиживался нопал, — сказала Маргарет. — Если бы в действительности он докучал только моему аналогу...

Тарберт быстро подался вперед всем телом.

— Не забывайте, ваш аналог — часть вас самой. Вы не видите своей печени, но она там, где ей положено быть, и она функционирует. Вот так и ваш аналог.

— И все-таки Маргарет, возможно, права, — осторожно сказал Бек. — Что если нопалы существуют только в паракосмосе?

— Это предположение ничуть не лучше других, — недовольно ответил Тарберт. — Взять хотя бы вот эти два контраргумента: во-первых, имеется нопалон, который я могу перемещать своими собственными руками; во-вторых, налицо контроль, который нопалы осуществляют над нашими эмоциями и восприятиями.

Бек, сорвавшись с места, размашистыми шагами забегал по комнате.

— Нопалы могут оказывать свое влияние через аналогов, так что, считая, что притрагиваюсь к нопалону, я лишь хватаю пальцами воздух, то есть на самом деле это за меня делает мой аналог в паравселенной. По сути это укладывается в гипотезу Маргарет.

— В таком случае почему я не в состоянии с помощью создаваемых в моем сознании образов изрубить нопала воображаемым топором?

Беку вдруг стало до боли тревожно.

— Это мне кажется совершенно бессмысленным.

Тарберт смерил оценивающим взглядом обрывок нопалона.

— Ни массы, ни инерционности — по крайней мере, в базовой для нас Вселенной. Если мои телекинетические способности приложимы к этому материалу, то я бы имел возможность воздействовать на него. — Пленка из нопалона медленно поднялась в воздух. Бек с нескрываемым отвращением не отрывал от нее глаз, материал вызывал у него особую брезгливость: заставлял думать о смерти...

Тарберт резко повернулся в его сторону.

— Вы сейчас противодействуете мне?

Он становился совершенно невыносимым. Бек посмотрел на Маргарет и обнаружил, что та смотрит на Тарберта с ненавистью, не меньшей, чем его собственная. Вдвоем они, пожалуй, могли бы...

Бек испугался самого себя. Это нопал направляет его мысли по своему усмотрению, теперь у него не осталось ни малейшего сомнения. Но, с другой стороны, Тарберт и ксексиане — злостные враги Земли! Надо нарушить их планы, иначе все будут уничтожены. Бек неотрывно следил, как сосредоточивает свою волю Тарберт на обрывке нопалона.

— Работенка не из легких... В паравселенной этот материал, наверное, очень жесткий. Не угодно ли попробовать?

— Нет, — хрипло ответил Бек.

— Нопал досаждают? Он крайне возбужден, — произнес Тарберт.

— Что вы придрались к моему нопалу, — как бы со стороны услышал Бек свои слова. — Неужели нет других поводов для беспокойства?

Тарберт поглядел на него искоса.

— Да, весьма забавно такое слышать.

Бек перестал шагать, потер пальцами подбородок.

— Вот, вот, теперь, когда вы об этом сказали...

— Так, значит, нопал руководит вами, это он говорил за вас?

— Да нет... — Бек и сам был не очень уверен. — Но что-то на меня действительно нашло, какое-то интуитивное прозрение. Благодаря нопалу мне открылось нечто неожиданное...

— Что именно?

— Не знаю, не успел ухватить, промелькнуло и исчезло.

Тарберт, пробурчав что-то невнятное, снова сосредоточил внимание на куске нопалона, заставляя его подниматься и падать, изгибаться и вращаться в воздухе. Вдруг он неожиданно метнул ткань стрелой через комнату и мерзко расхохотался.

— Ну и досталось же нопалу от меня! — Тарберт резко повернул голову в сторону Бека, глядя в пространство над его головой.

Бек неожиданно для себя самого вскочил с места и, шатаясь из стороны в сторону, стал медленно надвигаться на Тарберта, а в голове у него звучало теперь уж такое привычное утробное: «гтер, гтер, гтер».

Тарберт попятился назад.

— Не позволяйте этой дряни командовать вами, Бек. Она охвачена ужасом, она в отчаянии.

Бек остановился.

— Если вам не удастся ее одолеть, мы потерпим поражение в битве с нопалами еще до того, как она начнется.

Бек тяжело вздохнул.

— Вы правы, — севшим голосом произнес он. — Я должен сдерживаться. Ваши манипуляции с нопаломом как-то странно повлияли на меня. Вам ни за что этого не понять.

Тарберт ухмыльнулся и снова сосредоточил внимание на куске нопалона.

— Это весьма интересный процесс. Если хорошо поработать, то я научусь мысленно сворачивать непроницаемые для нопалов оболочки из нопалона... А теперь попробую образовать две половинки мешка из нопалона. Вот ловлю между ними нопала. Прижимаю половинки друг к другу... Чувствую сопротивление. И вот тварь обмякла, перестала биться... Ощущение такое, будто раздавил орех.

Бек поморщился. Тарберт с интересом на него поглядел.

— Вы, разумеется, ничего не почувствовали?

— Непосредственно? Нет.

— Ведь все происходило не с вашим собственным нопалом, — размышляя вслух, произнес Тарберт.

— Верно, всего лишь на мгновение я ощутил какую-то боль, страх. Который час?

— Почти три часа, — ответила Маргарет и с тоской посмотрела на дверь. Она, как и Бек, чувствовала себя усталой и опустошенной.

Тарберт же, всецело поглощенный уничтожением нопалов, выглядел свежим, будто только что прекрасно выспался. «Отвратительнейшее занятие он себе нашел, — подумалось Беку. — Сейчас он был похож на мальчишку, получающего удовольствие от ловли мух». Тарберт бросил взгляд в его сторону, нахму-

рился, и Бек выпрямился в своем кресле, чувствуя, как снова все в нем напряглось. Он постепенно выходил из состояния безучастного неодобрения, проявляя все растущий интерес к игре, пока не обнаружил, что его сила воли мобилизована для противодействия манипуляциям Тарберта с нопалоном. Он сделал свой выбор, и враждебность, которую мужчины испытывали друг к другу, стала очевидной. Оба были крайне напряжены, а кусок нопалона метался в воздухе.

И тут Беку пришло в голову, что это вовсе не пустое состязание двух умов, а нечто большее! Постепенно первоначальная догадка переросла в убеждение, что счастье, мир, сама возможность жить дальше зависят от исхода этой борьбы. Просто удерживать нопалон в неподвижном состоянии было уже недостаточно, он должен полностью овладеть им, хлестать им по Тарберту, перерубить ту незримую нить, что их связывала. Нопалон метался из стороны в сторону под напором воли Бека, но, тем не менее неумолимо приближался к Тарберту. И вдруг случилось нечто непредвиденное и страшное: Тарберт как бы взорвался ментальной энергией, нопалон вырвался из мысленной хватки Бека и больше ему уже не подчинялся.

Игра подошла к завершению. То же самое можно было сказать и о состязании двух умов. Бек и Тарберт смущенно переглянулись, но оба были в равной степени ошеломлены.

— Что случилось? — устало спросил Бек.

— Не знаю. — Тарберт стал растирать лоб. — Что-то нашло на меня... Я почувствовал себя несокрушимым великаном. — Он невесело рассмеялся. — Ощущение было такое...

На какое-то время воцарилось молчание. Затем Бек произнес с дрожью в голосе:

— Ральф, я больше не могу доверять самому себе. Мне нужно освободиться от нопала, прежде чем он сделает что-то совершенно невероятное.

Тарберт надолго задумался.

— По всей вероятности, вы правы, — сказал он в конце концов. — Если мы и дальше будем пикироваться, то ничего не достигнем. — Он медленно выпрямился. — Ладно, денопализирую вас. Если Маргарет сможет стерпеть два воплощения дьявола вместо одного.

— Я сумею выдержать, если надо.

— Вот и не будем дальше мешкать. — Бек встал и заставил себя направиться к денопализатору. Тарберт посмотрел на Маргарет.

— Вам бы лучше выйти.

Она отрицательно мотнула головой.

— Позвольте мне остаться.

Тарберт пожал плечами, а Бек был настолько взволнован, что не стал настаивать. С каждым шагом к денопализатору неистовство нопала возрастало, перед глазами Бека поплыли огненные круги, затем гулким набатом в голове загремело: «гтер, гтер, гтер».

Бек остановился, чтобы отдышаться. Цветные узоры перед глазами начали принимать причудливые очертания. О если бы он мог разобраться...

Тарберт, наблюдая за ним, нахмурился:

— Что-то стряслось?

— Нопал пытается показать мне что-то или дать возможность что-то разглядеть... У меня все смешалось... — Он прикрыл веки, пытаясь успокоить бес-

порядочное движение темных бесформенных пятен, золотистых колец, мотков синей и зеленой пряжи.

Откуда-то донесся раздраженный голос Тарберта:

— Давайте, Пол, смелее! Давайте разделаемся с этим.

— Погодите, — попросил Бек. — Я сейчас приноворюсь... Весь фокус в том, чтобы научиться видеть с помощью мысленного зрения — глазами своего разума. Глазами своего аналога в паравселенной. Тогда становится видно...

Голос Бека звучал все тише, пока не угас, перейдя в размеренное дыхание. Пляска пятен прекратилась, и его мысленному взору представилась упорядоченная картина. Перед ним развернулась совершенно необычная панорама из налагающихся друг на друга черных и золотых пейзажей, и, как картина в стереоскопе, она было отчетливой и двоящейся, привычной и фантастической. Он увидел звезды и космическое пространство, черные горы, зеленые и синие сполохи, бесцветное дно какого-то моря, движущиеся молекулы, переплетение нервных волокон. Он увидел нопалов, здесь их вещественная основа проявлялась гораздо отчетливее, здесь они не были созданиями из эфирной пены, как казалось ему раньше. Но здесь, в паракосмосе, они были явлением несущественным, вторичным в сравнении с чем-то поистине огромным и бесформенным, занимающим добрую половину observable космоса, они плавали, наполовину невидимые, как золотистые ядра, подобно луне за облаками. Из темной бесформенной массы, затмевающей нопалов, произрастало неисчислимое количество длинных и тонких ресничек, которые, струясь и колеб-

лясь, протягивались во все уголки этого замыслова-того мира. На кончиках ресничек Бек различил какие-то предметы, свободно болтающиеся, как куклы на шнурках, как повешенные на виселице. Тончайшие волоконца проникали во все, самые отдаленные места. Одно из них шло внутрь заводского корпуса «Электродин Инжиниринг», где крепилось к голове Тарберта с помощью чувствительного пальца, как резиновая присоска. Вдоль этой нити гроздьями теснились нопалы, которые, казалось, пытались перегрызть эту нить. Бек понял, что, если им это удастся, щупальце отодвинется, оставив череп открытым. Непосредственно над своей головой он увидел такой же предмет, заканчивающийся пустым колпачком-присоской. Бек проследил взглядом начало волоконца и увидел место, откуда оно исходило, — место, которое было столь же отдаленным, как край Вселенной, и столь же близким, как стена. Вот здесь-то он и увидел сердце ггера. Стекловидное желтое ядро изучающе разглядывало его с такой алчной, такой решительной и коварной злобой, что Бек стал что-то лепетать и запинаться.

— Тебе нехорошо, Пол? — услышал он встревоженный голос Маргарет.

Ее он тоже видел. Да, ошибиться он не мог, это была она, хотя черты ее были размытыми, колеблющимися. Вот он видит уже очень многих. При желании Бек мог бы даже поговорить с каждым из них, но они были так близко и одновременно так далеко...

— С тобой ничего не случилось? — спросил зрительный образ Маргарет, не издав ни звука.

Бек открыл глаза.

— Все нормально, — поспешил успокоить Маргарет Пол.

Видение длилось лишь секунду-две. Бек взглянул на Тарберта, и их глаза встретились. Вот оно что: ггер осуществлял контроль над Тарбертом, ггер осуществлял контроль над ксексианами. Он осуществлял контроль и над Беком, пока нопад не перегрыз щупальце. Нопалы — маленькие надоедливые паразиты — в борьбе за существование раз за разом одолевали своего грозного противника!

— Начнем, пожалуй, — предложил Тарберт, посмотрев на Бека приторно ласково, и от этого взгляда у Бека прошел мороз по коже — ггер как быставлял исполнителя своей воли. Глаза его, как показалось Беку, источали едва уловимый золотистый блеск.

Бек встал и направился к Тарберту, ему хотелось сохранить объективность, но он лишь испытывал ненависть и страх.

— Ральф, — произнес он как можно спокойнее, — нам придется еще здорово попотеть. Я знаю, что такое ггер. Он управляет вашими эмоциями точно так же, как нопад — моими.

Тарберт покачал головой и осклабился.

— Вашими устами говорит нопад.

— А вами управляет ггер.

— Я в это не верю. — Тарберт и сам всей душой стремился быть как можно объективнее. — Пол, вы недооцениваете коварства нопалов!

Бек невесело рассмеялся.

— Мне это напоминает спор между христианством и мусульманством: каждый считает своего соперника

заблудшим язычником. Ни один из нас не переубедит другого. Что же делать?

— По-моему, нужно срочно денопализировать вас.

— Ради пользы ггера?

— Что вы предлагаете?

— Сам не знаю. Нужно во всем разобраться.

— Давайте посмотрим, к какому же общему знаменателю мы сможем прийти, каким бы он малым не оказался, — предложил Тарберт. — Насколько я понимаю, нашей главной задачей является денопализация Земли.

Бек отрицательно покачал головой.

— Наш первейший долг...

— Вот что!

Тарберт не стал мешкать. Кусок нопалона рванулся, изогнулся, накрыл голову Бека. Высокие иглы султана встопорщились, как парус, затем обмякли. Голову Бека ощутило сдавило, он почувствовал, что ему стало нечем дышать, и сделал попытку отодрать ненавистную материю от головы, но у Тарберта было преимущество в стремительности нападения. Нопал вдруг затрепетал, затем раскрошился, как яичная скорлупа. Встряска, которую при этом испытал Бек, была так велика, что он чуть не потерял сознание. Сноп ярко-синих молний резанул по глазам, рассыпался мириадами огненных искр, но уже через мгновение исчезла сила, сдавливающая голову, потухли угольки в глазах. Несмотря на всю ярость, которую в нем вызвало вероломство Тарберта, несмотря на боль, Бек сразу почувствовал невыразимое облегчение, как будто после удушья его легкие снова наполнились воздухом.

Однако сейчас не время заниматься самоанализом — нопал уничтожен, но что теперь делать с ггером? Бек сконцентрировал свое мысленное зрение. Повсюду кишели нопалы, возбужденно раздувая плюмажи, а щупальце ггера зависло у него над головой. Почему же оно мешкает? Но вот оно стало медленно опускаться... Бек пригнул голову, схватил клочья, оставшиеся от уничтоженного нопала и натянул их себе на голову. Присоска снова опустилась, ощупывая пространство вокруг себя. Бек еще раз увернулся, поправив защитную оболочку вокруг черепа. Маргарет и Тарберт в изумлении наблюдали за его действиями. Нопал по соседству задергался и взволнованно затрепетал. Где-то угрожающе маячил ггер — как огромная гора, закрывая ночное небо.

Бек пришел в бешенство: он был свободен — так почему же теперь надо подчиняться ггеру?! Он схватил обрывок нопалона, мысленно вложил его в руку своего аналога и стал хлестать по присоске, по щупальцу. Щупальце подалось назад, как губа рычащего пса, качнулась несколько раз и раздосадованная убралась.

Бек разразился хохотом.

— Что не нравится? А ведь я только начал!

— Пол, — вскричала Маргарет, — Пол!!!

— Минутку, — ответил Бек, не переставая хлестать по щупальцу.

Вдруг он почувствовал, что ему мешают. Оказалось, что рядом стоит Тарберт, вцепившись в кусок нопалона, зажатый в руке Бека, и не давая тем самым отпоять чудовищную присоску. Бек потянул нопалон на себя, но безрезультатно. Стоп... Тарберт ли это?

Бек прищурился. Тарберт сидел, развалившись в кресле и полуприкрыв глаза... Два Тарберта? Нет, один из них, естественно, аналог, повинующийся сознанию Тарберта. Но каким образом аналогу удалось отделиться от оригинала? Или он самостоятельное существо? А может быть, это разобложение — результат искажения восприятий в паракосмосе? Бек пристально всмотрелся в осунувшееся лицо друга.

— Ральф, вы меня слышите?

Тарберт пошевелился.

— Да, слышу.

— Вы верите, что я вам рассказал о ггере?

Ответ он услышал не сразу.

— Да, верю. Только вот что-то — сам не пойму что — владеет мной.

— Я мог бы справиться с ггером, но вы мне помешали.

— И что тогда? Снова нопал? Или хуже?

— Ггер.

Тарберт закрыл глаза.

— Я не могу ничего обещать, но попытаюсь.

Бек снова заглянул в паракосмос. Где-то вдалеке — а может и совсем рядом — в огромном глазном яблоке ггера мелькнула тревога. Бек взял кусок нопалона, попытался сделать из него нечто похожее на дубину, но в руках аналога нопалон был жестким и непокорным материалом. Только после невероятных усилий Беку удалось соорудить довольно корявую дубину, и с этим оружием он попытался противостоять огромной черной массе. Чтобы напасть, надо было перекрыть огромное пространство, разделяющее их. Бек прищурился. В самом ли деле так далеко? И так

ли огромен ггер? Перспектива стала иной, и ггер неожиданно стал просматриваться как бы зависшим в воздухе всего метрах в тридцати от Бека. А может, и того меньше — метрах в трех... Бек даже отпрянул в изумлении, но тут же замахнулся дубиной и ударил по черной бесформенной массе, которая сразу опала, как пена. Однако ггер никак не прореагировал, и это безразличие было куда более оскорбительным, чем враждебность. Бек с ненавистью взглянул на чудовище. Из черных глубин всплыл на поверхность огромный глаз, и Бек увидел, как в нем серебристым блеском отсвечивались мириады тянувшихся через пространство капилляров. Бек нашел волоконец, присосавшееся к голове Тарберта, протянул к нему руку, обхватил пальцами и изо всех сил дернул. Шупальце явно не собиралось отделяться от головы ученого, но в конце концов не выдержало, и присоска, судорожно извиваясь, отскочила. Значит это существо уязвимо! Теперь к ничем не защищенной голове Тарберта устремилось целое полчище нопалов, но Бек преградил им путь обрывком нопалона, которым тут же обернул голову Тарберта. Нопал разочарованно отпрянул выпучив глаза. Да и ггер не благодушествовал: его золотой глаз полностью выкатился на поверхность массы и теперь разъяренно барахтался.

Внимание Бека переключилось на Маргарет. Ее нопал с нескрываемой злобой глядел на него, сознавая грозившую ему опасность. Тарберт поднял руку, чтобы предостеречь Бека от поспешных действий.

— Лучше подождать — нам может кто-нибудь понадобится в качестве прикрытия. Ведь она все еще читуми.

Маргарет облегченно вздохнула, и ее нопал успокоился. Бек сел в кресло и налил себе чашку кофе. Сейчас его больше всего интересовал Тарберт, который смотрел отрешенным взглядом куда-то вдаль.

— Вы его видите?

— Да. Значит вот он каков, этот ггер.

— А кто это? — встрепенувшись, спросила Маргарет.

Бек описал ей чудовище и то загадочное окружение, в котором он обитает.

— Нопалы — враги ггера. Они обладают зачаточным разумом, а вот у ггера обнаруживается то, что я бы назвал мудростью зла. Нопалы более активны, у них, похоже, месяц уходит, чтобы перегрызть волоконце и отбросить присоску ггера. Я попытался его убить, но безуспешно: он очень стоек к воздействиям — по-видимому, из-за огромного количества энергии, к которой имеет доступ.

Маргарет, потягивая кофе, критически смотрела на Бека.

— Я считала, что освободиться от нопала можно только с помощью этой машины. А вот теперь...

— Теперь, когда у меня нет нопала, ты снова ненавидишь меня.

— Несильно, — сказала Маргарет. — Я в состоянии обуздать свои эмоции. Но как тебе удалось...

— Ксексиане были со мной откровенны. Они сказали, что нопала нельзя оторвать от мозга. Это им внушил ггер. А вот Тарберт оказался слишком проворным даже для ггера.

— Чистая случайность, — скромно произнес Тарберт.

— Почему ксексианам ничего не известно о ггер-ре? — спросила Маргарет. — Почему нопалы не позволили им увидеть его или не показали, как они это сделали для вас?

— Не знаю. Возможно ксексиане невосприимчивы к оптическим раздражителям, так как у них отсутствует зрение в том смысле, в каком понимаем его мы. Они образуют трехмерные модели у себя в мозгу, которые обследуют с помощью тактильных нервных окончаний. Нопалы, не забывайте, — эфирные создания и не в состоянии манипулировать тяжеловесными ментальными процессами ксексиан. Ггер допустил ошибку, послав ксексиан для денопализации Земли. Он не учел нашей восприимчивости к видениям, галлюцинациям, поэтому нам и повезло, по крайней мере, временно. В первом раунде преимущества не добились ни ггер, ни нопалы. Они только привели нас в состояние боевой готовности.

— Вот-вот начнется второй раунд, — заметил Тарберт. — Троих людей убить не трудно.

Бек поднялся.

— Если бы нас было больше... — Он скосил глаза на денопализатор. — По крайней мере, можно оставить без внимания эту зверскую машину.

Маргарет в тревоге посмотрела на дверь

— Нам бы лучше куда-нибудь уйти, где ксексиане нас не найдут.

— Я не прочь затаиться, — согласился Бек. — Вопрос только — где? От ггера нигде не спрятаться.

Тарберт снова устремил взгляд куда-то вдаль.

— Довольно жуткое создание, — произнес он.

— И что оно нам может сделать? — дрожащим голосом спросила Маргарет.

— Он не может причинить особого вреда из паракосмоса, — ответил Бек. — Какой бы он ни был, воздействие его чисто мысленное.

— Размеров он прямо ужасающих, — сказал Тарберт.

— Дело не в размерах, они относительны. Дело в том, сколько энергии он сможет на нас обрушить.

Маргарет вдруг заерзала на кресле, подняв руку.

— Чш...

Бек и Тарберт удивленно посмотрели на нее и прислушались, но ничего не услышали.

— Что ты там обнаружила? — спросил Бек.

— Ничего, но мне вдруг стало как-то непривычно холодно... По-моему, возвращаются ксексиане.

Ни Бек, ни Тарберт не усомнились в достоверности ее ощущений ни на секунду.

— Давайте выйдем через черный ход, — предложил Бек. — Вряд ли от них можно ожидать чего-нибудь хорошего.

— По правде говоря, я думаю, они придут сюда, чтобы нас убить, — сказал Тарберт. — Пойду выгляну наружу, — прошептал он. — Они могут подкарауливать нас у выхода.

Тарберт растворился в темноте, Бек приложил глаза к щелке. Входная дверь в конце мастерской медленно приоткрылась. Бек увидел еще какое-то движение, затем все помещение озарила беззвучная фиолетовая вспышка.

Бек, шатаясь, отпрянул от окна. Фиолетовые языки последовали за ним.

Маргарет схватила его под руки, не давая упасть.

— Пол! Что с тобой?

— Я ничего не вижу, — еле слышно прошептал Бек, растирая лоб, — а в остальном все в порядке.

Он решил прибегнуть к зрению своего аналога. Понемногу сцена начала проясняться: стали видны здание, заслон из кипарисов, зловещие очертания четырех ксексиан. Двое из них стояли в конторе, один караулил снаружи проходной, еще один кружил у входа на склад. От каждого тянулось щупальце к ггеру. Тарберт стоял у двери, что вела со склада наружу. Если бы он открыл ее, то напоролся бы на ксексианина.

— Ральф! — прошипел Бек.

— Я его вижу, — услышал он голос Тарберта. — Я закрыл дверь на засов.

Со стороны двери донесся негромкий звук — кто-то пробовал открыть ее снаружи. Пульс Бека грохотал, как отбойный молоток.

— Может, они уйдут, — прошептала Маргарет.

— Вряд ли, — произнес Бек.

— Но ведь они...

— Они убьют нас, если мы не помешаем им сделать это с нами.

— А как мы можем им помешать?

— Нарушить их связь с ггером. Это может заставить их отказаться от первоначального решения.

Скрипнула дверь.

— Они знают, что мы здесь, — прошептал Бек и снова устремил взгляд в пустоту, принуждая себя смотреть глазами своего аналога.

В мастерскую вошли двое ксексиан. Один из них, Птиду Эпиптикс, сразу же направился к двери, ведущей на склад. Пристально всматриваясь в паракос-

мос, Бек отыскал нить, связывающую Эпиптикса с ггером. Выставив вперед руку аналога, он схватился за нить и резко дернул. На этот раз борьба была более ожесточенной. Ггеру удалось уплотнить свое волоконце, заставить его вибрировать, в результате чего Бек ощутил приступ страшной боли, но нить не отпускал и дергал все сильнее. Птиду Эпиптикс, хватаясь руками за голову, в бешенстве изрыгал потоки проклятий. Нить оборвалась, щупальце соскочило, однако на увенчанную гребнем голову ксексианина, тотчас же шлепнулся нопад, самодовольно растопырив плюмаж, а Эпиптикс только горько застонал в отвращении.

Громко задребезжала наружная дверь склада. Бек отвернулся и увидел Тарберта, с силой выкручивающего другую нить. Она оборвалась — и еще один ксексианин потерял связь с ггером.

Бек снова прильнул к щелке двери. Эпиптикс застыл неподвижно, будто пораженный молнией. В мастерскую вошли двое ксексиан, в недоумении остановились. Бек вытянул руки своего аналога и оборвал одно щупальце, Тарберт другое. Теперь все ксексиане застыли как вкопанные. Нопалы немедленно опустились им на головы.

У Бека в голове все перепуталось. Ксексиане не повинуются больше ггеру, но теперь они читуми, а он таупту, значит, желания убить не убавилось.

Маргарет потянула Бека за рукав.

— Выпусти меня отсюда.

— Нет, мы не должны им доверять.

— Они ничего плохого мне не сделают. Я чувствую. — Не дожидаясь ответа, Маргарет вышла вперед.

— Почему вы хотели убить нас?

— Потому что вы не выполнили наших наставлений, — проскрежетал переводчик на груди у Эпиптикса.

— Неправда! Вы дали нам неделю на приготовление, а прошло всего лишь несколько часов.

Птиду Эпиптикс в явном замешательстве повернулся к двери.

— Мы уходим.

— Вы все еще намерены нас уничтожить?

— Я стал читуми. Мы теперь все читуми. Нам нужно подвергнуться очищению.

Бек, покинув свое убежище, прошел в мастерскую. Примостившийся на голове Птиду Эпиптикса нопал рассерженно вздыбил плюмаж. Эпиптикс вздернул руку вверх, но Бек оказался быстрее. Держа в руке кусок нопалона, он накрыл им голову ксексианина. Нопал хрустнул в пальцах Бека и скатился с увенчанной гребнем серой головы. Эпиптикса затрясло от боли, пошатываясь, как пьяный, он воззрился на Бека.

— Вы больше не читуми, — пояснил Бек. — И больше уже не подвластны гтеру.

— Гтеру? — повторил механический голос переводчика. — Мне не понятно, что такое гтер.

— Всмотритесь в другой мир, мир мысли, — и вы увидите гтера, — сказал Бек.

Птиду непонимающе уставился на Бека. Когда тот рассказал ему обо всем, ксексианин прикрыл глаза чешуйчатыми перепонками, заменяющими ему веки.

— Ощущаю какие-то странные контуры. В них не чувствуется вещественной основы. Только какая-то податливость...

На какое-то время в мастерской воцарилась тишина. Ее нарушил вошедший Тарберт.

Нагрудные пластины ксексианина вдруг задрезбужали, как будто на них посыпался град. В пульте-переводчике что-то забулькало, заклокотало — в его словаре очевидно не хватало нужных понятий.

Затем все-таки голос зазвучал снова.

— Вижу гтера. Вижу нопала. Они живут в пространстве, которое мой мозг не может смоделировать... Что они из себя представляют?

Бек устало плюхнулся в кресло, налил себе кофе, оставив пустым кофейник, и, вздохнув поглубже, принялся обсуждать с ксексианином то небольшое, что знал о паракосмосе, включая и чисто умозрительные заключения — свои и Тарберта.

— Гтер для таупту то же, что нопалы для читуми. Сто двадцать лет тому назад гтеру удалось удалить нопала с одного из ксексиан...

— Ставшего первым таупту?

— Ставшего первым таупту на Айксексе. Гтер и дал ему первый образец нопалона — откуда ему еще взяться? Таупту гтер уготовил роль воинов, которые, сражаясь за торжество его дела, крестовым походом должны пройти по планетам Галактики.

— Именно гтер послал вас сюда, на Землю, чтобы изгнать нопалов и сделать беззащитными мозг землян. Со временем все нопалы должны были быть уничтожены, гтер стал бы владыкой паракосмоса.

— Я должен вернуться на Айксекс, — сказал Птиду Эпиптикс. Даже механическому голосу переводчика не удалось скрыть, как сильно он пал духом.

Бек невесело рассмеялся.

— Вас схватят и возьмут под стражу, как только вы там появитесь.

— На моей голове шестизубый шлем. Я — повелитель космоса, — гордо произнес Эпиптикс.

— Для ггера это не имеет никакого значения.

— Значит, война разгорится с новой силой? Мы снова разделимся на таупту и читуми... — голос его задрожал.

Бек пожал плечами.

— Куда более вероятно, что или нопалы, или ггер уничтожат вас до того, как вы начнете такую войну.

— Тогда давайте убьем их первыми.

Бек издал язвительный смешок:

— Очень хотел бы знать — как!

Ральф уже приготовился было что-то сказать, но снова погрузился в состояние отрешенности.

— Ральф, что вы там видите?

— Ггера. Похоже, он очень возбудился.

Бек перенесся в паракосмос. Ггер дрожа и дергаясь из стороны в сторону, висел в воздухе на фоне небаналога, в окружении огромных пляшущих звезд. Центральное глазное яблоко выкатилось наружу. Бек заворуженно всматривался в паракосмос, ему даже показалось, что где-то на заднем плане виднеется необычный пейзаж.

— Все, что есть во Вселенной, имеет аналог в паракосмосе и наоборот: все, что есть в паракосмосе, имеет свою копию в базовой Вселенной, — размышлял вслух Тарберт. — Какой предмет или существо в нашей Вселенной представляет собой оригинал, копией которого является ггер?

Тарберт продолжал рассуждать. Бек, встрепенувшись, внимательно слушал.

— Если б нам удалось отыскать оригинал ггера...

— Вот именно.

— Если это окажется верным в отношении ггера, то будет справедливым и в отношении нопалов, — забыв про усталость, закричал Бек.

— Да.

— Денопализируйте моих спутников, — вдруг вмешался в разговор Птиду Эпиптикс. — Мне хотелось бы увидеть вашу методику.

Даже в самой приятнейшей обстановке от ксексиан исходило не больше душевного тепла, чем от ящериц, подумалось Беку. Не произнося ни слова, он схватил кусок нопалона и одного за другим искрошил трех нопалов, покрыв пудрой из их субстанции увенчанные гребнем черепа ксексиан, затем без всякого предупреждения проделал то же самое и с Маргарет. Та удивленно вскрикнула и рухнула в кресло.

Эпиптикс не обратил на нее никакого внимания.

— Эти люди ограждены от дальнейших неприятностей?

— По-моему, да. Ни нопалы, ни ггер не могут проникнуть сквозь эту оболочку.

Птиду снова замер, очевидно, всматриваясь в паракосмос. Через некоторое время скрежет грудных пластин дал знать, что он раздосадован.

— Мне не дано увидеть ггера достаточно четко. Вам он хорошо виден?

— Да, — ответил Бек. — Когда я концентрирую свою волю в желании его увидеть.

— И вы можете определить направление, откуда он вам видится?

Бек показал вверх и чуть в сторону.

Птиду повернулся к Тарберту:

— Вы согласны с этим?

Тарберт кивнул.

— Я тоже вижу его в этом направлении.

Снова заскрежетали пластины на груди ксексианина.

— Ваша система восприятия в корне отличается от моей. Мне кажется, что он... — Здесь переводчик сбился на нечленораздельный лепет. — Просматривается со всех направлений. — Помолчав немного, Птиду добавил: — Ггер обрек мой народа на тягчайшие испытания.

«Весьма сдержанное высказывание», — отметил про себя Бек.

Эпиптикс повернулся к Тарберту:

— Вы что-то сказали по поводу ггера, смысла чего я не уловил. Вы не могли бы повторить?

Тарберт снова изложил свою версию об обязательном наличии аналогов. Эпиптикс стоял неподвижно, как бы постигая смысл сказанного.

— Я согласен с вами. Мы должны отыскать чудовище и уничтожить его. Затем то же самое сделаем с нопадами.

Бек отвернулся от окна.

— Не думаю, что это будет благодеянием для жителей Земли. Подумайте, что произойдет, если все будут ясновидцами и телепадами?

— Хаос и разводы, — подытожил Тарберт.

— Все это несущественно, — сказал Эпиптикс. — Пройдемте.

— Пройдемте? — ошеломленно спросил Бек. — Куда?

— В наш космический корабль. Быстрее. Уже светло, как днем.

— Мы не хотим, — сказал Тарберт, — и зачем это нужно?

— Так как своим мозгом вы в состоянии видеть в сверхмире, вы поведете нас к ггеру.

— Но мы...

— Идемте, иначе вы будете убиты.

Бек, Тарберт и Маргарет поспешили покинуть здание.

11

Троим землянам отвели такие же каюты, как и остальным членам экипажа. За все время полета Эпиптикс только раз заговорил с ними.

— В каком направлении расположен ггер?

Тарберт, Бек и Маргарет сошлись во мнении, что его надо искать где-нибудь в направлении созвездия Персея.

— И на каком удалении?

Никто не осмелился назвать что-то определенное, ограничившись лишь предположением.

— В таком случае мы будем двигаться, пока ггер не станет просматриваться отчетливее.

С этими словами ксексианин удалился.

— Увидим ли мы когда-нибудь Землю? — с горечью заметил Тарберт.

— Самому хотелось бы знать.

— Не дали взять даже зубной щетки, даже смены белья! — запротестовала Маргарет.

— Можешь позаимствовать что-нибудь у ксексиан. Вот Эпиптикс, например, одалживает Тарберту свою электробритву.

— Твой юмор неуместен, — кисло улыбнулась Маргарет.

— Хотелось бы знать, как работает эта штука, — сказал Тарберт, разглядывая силовую установку. Он жестом подозвал Эпиптикса. — Объясните нам, пожалуйста, принцип действия двигателей.

— Мне ничего не известно, — категорично заявил Эпиптикс. — Корабль очень стар, он был сооружен до начала великих войн. Что же касается того, чтобы мы поделились с вами нашими технологическими достижениями, об этом не может быть и речи. Ваша раса переменчива и склонна к удовлетворению собственных капризов. Не в наших интересах предоставлять вам шанс расселиться по всей Галактике.

— Грубые варвары, — пробурчал Тарберт, когда ушел Эпиптикс.

— Да, обаятельными их не назовешь, — согласился Бек, — зато они не ведают о некоторых свойственных людям пороках.

— Очень утешает, — хмыкнул Тарберт. — Вы хотели бы, чтобы ваша сестра вышла замуж за кого-нибудь из них?

Разговор прекратился.

Бек попробовал заглянуть в паракосмос, но увидел лишь размытые контуры корабля, ничего более.

А путешествие продолжалось. Дважды ксексиане выводили корабль в нормальное межзвездное пространство и предоставляли землянам возможность уточнить расположение гтера, после чего производилась корректировка курса, и корабль снова устремлялся вперед. Во время этих остановок складывалось впечатление, что гтер как бы расслаблялся после злобной на-

стороженности, в которой пребывал. Желтый глаз плавал на поверхности бесформенной массы, как яичный желток в чаше с молоком. Что касается расстояния до него, то определить его было все также невозможно. В паракосмосе расстояния не поддавались точному измерению, и Бек с Тарбертом тревожно задумывались о том, не обитает ли он в какой-нибудь удаленной Галактике. Но во время третьей остановки ггер больше не висел прямо перед ними, а сдвинулся в направлении кормы и располагался на том же азимуте, что и одинокая тусклая красная звезда. Теперь он был огромен и выглядел угрожающе, желтое глазное яблоко неуклюже ворочалось в студенистой массе, будто бы пытаясь занять наиболее удобное положение. Трудно было отделаться от ощущения, что оно является неким органом восприятия.

Ксексиане развернули корабль, и когда он в следующую раз вынырнул из квазикосмоса, красная звезда висела точно под ним в сопровождении единственной холодной планеты. Сконцентрировав органы чувств, Бек различил размытые контуры ггера, наложенные на диск планеты. Она-то и была родным домом ггера. На заднем плане просматривался пейзаж: темная причудливая равнина, испещренная фосфоресцирующими топиями, с обширными участками, покрытыми засохшей грязью. Ггер занимал центральное место на планете, раскинув щупальца во всех направлениях.

Корабль вышел на околопланетную орбиту. Поверхность планеты при наблюдении в телескоп оказалась ровной, лишенной каких-либо образований, покрытой коркой черных маслянистых болот. Ничего не

указывало на наличие на планете разумной жизни, и на ней не было искусственных сооружений, руин или источников света. Единственно достойной внимания оказалась трещина в высоких широтах — борозда, похожая на трещину в старом шаре для игры в крокет.

Бек, Тарберт, Птиду Эпиптикс и еще трое ксексиан, облачась в скафандры, заняли места в корабельной шлюпке. Бек и Тарберт, медленно сканируя равнину, в конце концов пришли к убеждению, что ггер находится в озерке, расположенном в центральной части планеты. Шлюпка с воем пронзила верхние слои атмосферы и совершила посадку на невысоком бугре в полумиле от озера.

Все шестеро вышли наружу. В нескольких метрах от них виднелась черного цвета поросль, напоминающая какой-то чудовищный лишайник из мельчайших кристалликов, похожих на обугленную капусту. Над головой простиралось пурпурное небо, постепенно меняющее цвет до грязно-зеленого у горизонта. Озеро казалось угрюмым пространством, окрашенным лучами звезды в темно-лиловый цвет. Почва до самого горизонта была влажной и черной, постепенно переходя в болотную слизь и в центре превращаясь в большую лужу. Над поверхностью жидкости торчал невысокий бурдюк из черной кожи.

— Вот это и есть ггер, — сказал Тарберт, показывая на бурдюк.

— Не очень-то смотрится в сравнении со своим аналогом, — заметил Бек.

Эпиптикс сморщился, пытаясь проникнуть в паракосмос.

- Он знает, что мы здесь.
- Да, поэтому так и встревожен.

Эпиптикс приготовил оружие и зашагал вниз по склону. Бек и Тарберт последовали за ним, но вдруг остановились в изумлении. В паракосмосе ггер вздулся и задергался в судорогах, затем из всех его пор повалил пар, и он превратился в огромную тень, принявшую почти человеческие очертания. Реальный ггер при этом как будто обмяк, в то время как субстанция все больше сгущалась, контуры тела становились все более четкими, а она сама обрела жесткость материального мира. Бек и Тарберт окликнули Эпиптикса. Тот обернулся:

- В чем дело?

Бек показал на небо.

- Ггер сооружает какое-то орудие нападения.
- В паракосмосе? Разве оно может нас поразить?
- Не знаю, если ему удастся сконцентрировать достаточное количество пусть самой слабой энергии...
- Именно это он сейчас и делает, — вскричал Тарберт. — Смотрите!

В ста метрах от них возникло мощное двуногое существо, напоминающее безголовую гориллу двух с половиной метров. Ее огромные передние лапы заканчивались клешнями, пальцы ног — острыми когтями. Огромными прыжками чудовище двинулось вперед. Ксексиане, прицелившись из своего оружия, открыли огонь. Багровая вспышка озарила созданное ггером чудище, но оно не только не пострадало, но, совершив очередной огромный прыжок, обрушилось на стоявшего впереди ксексианина. То ли в приступе ярости, то ли в силу безрассудной смелости, ксексианин храб-

ро встретил атаку чудовища, схватившись с ним в рукопашном бою. Результат был ужасным: чудовище разорвало ксексианина на куски, разбросав внутренности по черной болотной грязи. Тарберт подхватил валявшееся оружие ксексианина и, прокричав прямо в ухо Беку: «Ггер!!!», — побежал, спотыкаясь, к воде.

Чудовище стояло, раскачиваясь на черных ногах, его торс ярко пылал, поливаемый пламенем излучателей ксексиан. Затем оно развернулось и бросилось за Тарбертом и Беком, которые скользя по липкой грязи, бежали к воде.

Окутанное клубами дыма, продырявленное, как решето, чудовище догнало Бека и обрушило на него удар такой силы, что он кувырком отлетел в сторону, а затем пустилось в погоню за Тарбертом, с огромным трудом преодолевающим цепкую трясиину. Чудовище, хотя тяжелое и неповоротливое, барахтаясь в болотной жиже, все-таки продолжало сокращать расстояние, отделявшее его от Тарберта. Оправившись после удара, Бек приподнялся и, как безумный, обшаривал взглядом почву вокруг себя.

Тем временем Тарберт, теперь уже находящийся достаточно близко от настоящего гтера, целился в него из непривычного оружия, а черная горилла, приближалась к человеку сзади. Тарберт, продолжающий возиться с оружием, сделал попытку увернуться, но его ноги разъехались в скользкой грязи, и он упал. Горилла, прыгнув, подмяла под себя Тарберта, а затем потянулась к нему клешнями. Бек, успевший подбежать к месту схватки, вцепился в чудовище сзади, изо всех сил толкнул твердое и тяжелое, как камень тело, и, потеряв равновесие, горилла тоже повалилась

в болотную грязь. Подняв оружие, Бек судорожно стал искать спусковой механизм, а чудовище, тем временем снова вставшее на ноги, уже тянуло к Беку свои отвратительные клешни. Прямо над ухом Бека с оглушительным треском вырвался сноп ярко-красного пламени, и реальный ггер, торчащий из лужи посреди болота, перестал существовать. В тот же миг безголовое черное чудовище, казалось, стало ноздреватым, затем расползлось, как туча, на рваные клочья. Паракосмос беззвучно взорвался, выбросив мощные потоки энергии. Когда Беку удалось восстановить свое экстрасенсорное видение, ггер бесследно исчез.

Подойдя к Тарберту, Бек помог ему подняться на ноги, и они заковыляли по направлению к более твердой почве.

— Крайне своеобразное существо, — тяжело дыша, сказал Тарберт, — и далеко не из приятных.

Они обернулись, чтобы посмотреть на озерцо, которое без ггера потеряло всю свою значительность, стало пустым и ненужным.

— Похоже, он был очень старым. Прожил, наверное, добрый миллион лет, — заметил Бек.

— Миллион? Гораздо больше.

— Мне кажется, в далеком прошлом наступил такой период, когда это существо больше не могло поддерживать свою жизнедеятельность, и оно создало паракосмос, став там паразитом.

— Весьма странный тип эволюции, — заметил Тарберт. — Развитие нопалов, возможно, происходит подобным же образом.

— Нопалы... На первый взгляд такие ничтожные создания... — Пока Бек рассматривал нопалов, пы-

таясь разгадать их структуру и происхождение, он вдруг услышал голос Тарберта.

— У вас не сложилось впечатление, что где-то здесь есть пещера?

Бек взгляделся в паракосмос.

— Вижу отвесные скалы... нагромождение камней... Расщелина? Та самая, на которую мы обратили внимание при посадке?

Тут их окликнул Эпиптикс:

— Пошли. Мы возвращаемся на корабль. — Настроение у него было самое мрачное. — Ггер уничтожен. Таупту больше нет. Одни читуми. Они победили, но мы изменим это.

Бек повернулся к Тарберту.

— Сейчас или никогда. Они готовы взяться за уничтожение нопалов, и мы их должны удержать.

Тарберт задумался в нерешительности.

— Мы можем предложить что-нибудь другое?

— Несомненно. Без нас ксексиане не отыскиали бы ггера, не найдут и нопалов. Вот нам и карты в руки. Если не удастся убедить их с помощью логики, придется прибегнуть кое к чему другому.

— К чему именно?

— Пока еще не знаю.

Они последовали за ксексианами к шлюпке.

— Есть идея. — Бек, наклонясь к Тарберту, что-то сказал ему.

— А что, если сценические эффекты не произведут впечатления? — возразил Тарберт.

— Должны оказать, а аргументацию я беру на себя.

Тарберт мрачно усмехнулся.

— Я постараюсь придать ей максимальную убедительность.

Птиду Эпиптикс взмахнул рукой в их сторону.

— Пошли. Нас ждет главная задача — уничтожение нопалов.

— Ее не так-то просто осуществить, — уклончиво сказал Бек.

Ксексианин, сжав кулаки, поднял руки до уровня плеч — это был, как уже знали земляне, ликующий жест, жест триумфа, однако голос, прозвучавший из пульта, был ровным и спокойным.

— Как и у ггера, у нопалов должен быть материальный носитель в базовой Вселенной. Ггера вы отыскали без труда, теперь то же самое сделаете в отношении нопалов.

Бек покачал головой.

— Ничего не выйдет. Придется придумать что-нибудь другое.

Эпиптикс уронил кулаки, и его незрячие глаза вперились в Бека.

— Я вас не понимаю. Мы должны победить в этой войне.

— Здесь замешаны интересы двух планет, и ни одна не может быть ущемлена. Для Земли внезапное уничтожение нопалов обернется бедствием. Наше общество построено на уважении к личности, на тайне мыслей и намерений. Если каждый обнаружит у себя псионические способности, наша цивилизация погибнет, а у нас нет ни малейшего желания навлечь беду на родную планету.

— Нас не интересуют ваши желания! Не вы, а мы терпели страдания, и вы должны следовать нашим наставлениям.

— Но не тогда, когда они нелогичны и безответственны.

— Вы ведете себя дерзко, хотя должны понимать, что я могу вас заставить подчиниться своей воле.

Бек пожал плечами.

— Возможно.

— И вы согласны терпеть этих паразитов?

— Какое-то время. Через несколько лет мы уничтожим их или научимся извлекать пользу для себя из сосуществования с ними. Но прежде чем это произойдет, у нас будет время, чтобы приспособиться к психическим различиям.

— Но, как вы старались подчеркнуть, здесь замешаны интересы двух планет, — в голосе слышалась издевка. — Как же быть с Айксексом?

— Уничтожение нопалов на вашей планете принесет не меньший ущерб, чем на нашей.

Эпиптикс с удивлением дернул головой.

— Чушь! Вы хотите заставить нас отказаться от борьбы, когда мы уже практически у цели?

— Вы одержимы идеей уничтожения нопалов, — сказал Бек, — все время забывая, что втянул вас в эту войну ггер.

— Ггер мертв, нопалы же существуют.

— И очень хорошо, потому что их можно использовать в качестве защиты. Измельченный нопал служит защитой от самого себя и от всех других паразитов паракосмоса.

— Ггер мертв. Мы уничтожим нопалов, и тогда нам не нужна будет никакая защита.

Бек издал язвительный смешок.

— Не знаю, кто сейчас говорит чушь. — Он показал рукой на небо. — Таких планет, как эта, миллионы. Неужели вы полагаете, что ггер и нопалы уникальны в своем роде и что в паракосмосе нет других паразитов?

Эпиптикс втянул голову в плечи, как встревоженная черепаха.

— В самом деле?

— Взгляните сами.

Эпиптикс вытянулся и напрягся, пытаясь проникнуть разумом в паракосмос.

— Действительно, какие-то образы формируются. Каких-то существ... Одно из них явно злонамеренное. — Эпиптикс посмотрел на Тарберта, затем снова обернулся к Беку. — А вы видите это существо?

Бек тоже стал всматриваться в небо.

— Вижу что-то очень напоминающее ггера... Раздутое бесформенное тело, два огромных глаза, хищный клюв, длинные шупальца...

— Да, именно это я и вижу. Вы правы, нопалы нужны нам для защиты. По крайней мере, на какое-то время. Идемте. Мы возвращаемся.

Он решительно двинулся вверх по склону. Бек и Тарберт шли слегка позади.

— Спроецированный вами осьминог был как живой, — признался Бек. — Мне самому стало как-то не по себе.

— Я пытался создать китайского дракона, — обиженно возразил Тарберт. — А осьминог был бы в самом деле уместнее.

Бек остановился и опять посмотрел в паракосмос.

— А ведь мы не очень-то погрешили против истины. Почему бы нопалам и ггеру не иметь родственни-

ков? Мне кажется, что я их даже вижу, очень-очень далеко, — вроде клубка дождевых червей.

— На сегодня с нас, пожалуй, довольно злостью, — неожиданно весело отозвался Тарберт.

— Не забывайте, — засмеялся Бек, — что у нас в багажнике машины лежит сто килограммов золота.

— Зачем нам теперь золото? Все, что отныне требуется, — это ясновидение и дубовые столы Лас-Вегаса. Никому не устоять против нашей системы.

Они сели в шлюпку, которая оторвавшись от поверхности старой планеты, быстро пошла вверх, наискосок пересекая грандиозную расселину, уходящую вниз неизвестно на какую глубину. Заглянув туда, Бек различил в поднимающихся воздушных потоках знакомые силуэты, увенчанные плюмажами. Один за другим устремлялись они в межзвездное пространство к тому месту в паракосмосе, где ярко светился зеленовато-голубой, пусть искаженной формы, но такой родной шарик.

— Дорогая старушка Нопалгарт, — тихо произнес Бек. — Вот мы и возвращаемся.

ПОСЛЕДНИЙ ЗАМОК

КЛАНЫ ХЕЙДЖОРНА, ИХ ЦВЕТА И СЕМЬИ, ИЗ КОТОРЫХ ОНИ СОСТОЯТ

<i>Кланы</i>	<i>Цвета</i>	<i>Семьи</i>
Ксантен	Желтый, черный позумент	Хоуд, Квей, Идельси, Ээлдюн, Салонсон, Розет
Бодри	Темно-синий, белый позумент	Онвейн, Цадиг, Прайн, Фер, Сесьюн
Овервель	Серый, зеленый, красные розы	Клагхорн, Эбрю, Васс, Хинкей, Цумбельд
Ор	Коричневый, черный	Задхауз, Фотергиль, Морьюн, Бодьюн, Годалминт, Лесманик
Иссет	Пурпуровый, темно- красный	Мазет, Флой, Уэнгус, Людер-Гепман, Керритью, Бетьюн

Первый дворянин замка, избираемый всем обществом, носит имя Хейдждорон.

Предводители кланов, избираемые главами семей, носят имена своих кланов: Ксантен, Бодри, Овервиль, Ор, Иссет.

Главы семей носят имена своих семей, например: Задхауз, Идельси, Бетьюн, Клагхорн.

Остальные господа и дамы кроме своих имен носят имена клана и семьи, например: Ор Задхауз Лудвик, сокращенно О. З. Лудвик, или Бодри Фер Дариан, сокращенно Б. Ф. Дариан.

ГЛАВА 1

1

Словно охваченное страхом, солнце в тот ненастный день старалось не показываться на глаза и только к вечеру, протянув-таки между рваными краями грозовых туч, осветило гибнущий замок Джейнил.

Смерть подступила неотвратимо, а предводители кланов до последней минуты не могли решить, как дворянам надлежит встретить свою судьбу. Самые именитые и состоятельные господа, презрев панику и суматоху, с присущим им усердием занимались обычными делами. Молодые кадеты расхватили оружие и бросились на стены отражать последний штурм. Но их было мало, и они не верили в победу. Многие люди (не меньше четверти населения замка) бездействовали и были чуть ли не счастливы в своей готовности искупить грехи человеческой расы.

В конце концов смерть пришла ко всем, и каждый получил от нее то, что ожидал. Гордецы сидели в своих Домах, листая страницы прекрасных книг или потягивая в компании друзей столетние эссенции. Они умерли, не удостоив вниманием свою смерть. Безрассудные смельчаки взбирались вверх по оплывшему от дождя склону земляного вала, который высился над парাপета-

ми Джейнила. Кто-то оказался погребенным под каменным крошевом, кто-то смог добраться до гребня и там стрелял, рубил, колол, пока его самого не застрелили мехи или не раздавили искалеченные фургоны. Люди, ожидавшие от смерти искупления грехов, стояли в классической позе кающихся — на коленях, склонив головы. Причиной гибели замка были грехи человеческие, а мехи служили всего лишь символом кары. Так считали искупленцы, и умерли все до единого, как и остальные господа, дамы, фаны и крестьяне. Из обитателей Джейнила уцелели только птицы — уродливые, неуклюжие, грубые твари, не знавшие, что такое гордость и достоинство, и ценившие свои шкуры превыше чести замка. При виде мехов, забравшихся на стены, птицы покинули свои закуты. Хлопая крыльями и визгливо бранясь, они вздымали в небо и полетели на восток, к Хейдждорну, последнему замку на Земле.

2

Мехи пришли под стены Джейнила четыре месяца назад, когда еще была свежа память о резне в Си-Айленде. Их появление жители замка восприняли по-разному. Дамы и господа (число которых в Джейниле достигало двух тысяч) поднимались на башни, выходили на балконы, прогуливались по Закатной галерее и разглядывали золотисто-коричневых воинов — кто равнодушно, кто с любопытством, а кто и с легким презрением. Вся эта гамма настроений объяснялась тремя причинами: спесью, заложенной в них цивилизацией, верой в неприступность стен Джейнила и тем обстоятельством, что никто из них не мог повлиять на ход событий.

Джейнильские мехи давно сбежали к мятежникам. Подавлять восстание было некому, — из фан, крестьян и птиц не соберешь войско. К тому же четыре месяца назад всем казалось, что в карательных войсках нет нужды. Джейнил считался неприступным. Его окружала черная стена двухсотфутовой высоты, отлитая из расплавленной горной породы и покрытая снаружи голубовато-серебристой сетью из прочного сплава. Солнечные батареи полностью удовлетворяли потребности замка в энергии. При необходимости пищу для знати, а также сироп для фан, крестьян и птиц можно было синтезировать из двуокиси углерода и водяного пара. Но до этого еще никогда не доходило. Замок Джейнил, построенный на века, давал своим жителям все необходимое. Однако с уходом мехов некому стало чинить механизмы, которые иногда выходили из строя. Ситуация сложилась тревожная, но не безнадёжная.

В тот день некоторые господа вооружились тепловыми ружьями и спортивными винтовками, поднялись на стены и уложили столько мехов, сколько их оказалось в радиусе поражения. После захода солнца мехи выдвинули к стенам фургоны и землеройные машины, и вскоре замок окружила насыпь, растущая буквально на глазах. Понять что-либо его жители смогли не раньше, чем высота вала достигла пятидесяти футов, и к стенам покатались камни. Только тогда им открылся страшный замысел мехов, и беззаботность сменилась зловещими предчувствиями.

Все дворяне Джейнилы были людьми образованными: кто-то постиг гуманитарные науки, кто-то — естественные. Собрав крестьян, несколько господ по-

пытались привести в действие тепловую пушку. Но крестьяне могли выполнять только самую простую работу, а пушка хранилась в плохих условиях и пришла в негодность. Вероятно, неисправные детали можно было заменить, но все запчасти находились на втором уровне, в мастерских мехов, а из дворян никто не разбирался в номенклатуре изделий и не ориентировался на складах. По настоянию Уоррика Мейден-си Арбана (что означает: Арбан из семьи Мейден-си клана Уоррик) на склады отправили группу крестьян, но это задание оказалось им не под силу.

Как зачарованные стояли на стенах благородные господа Джейнила и смотрели на растущий вокруг них холм, похожий на грязевой вулкан. Близился конец лета. В самое ближайшее время всем, кто находился в замке, предстояло стать заживо погребенными.

Вот тогда-то несколько молодых кадет, в чьих жилах еще не остыла кровь, вооружились чем попало и бросились вверх по склону. Мехи завалили смельчаков грязью и камнями, но некоторым удалось добраться до гребня.

Пятнадцать минут длился бой на скользком от дождя и крови валу. Не погибни большинство кадет под камнями, кто знает, чем закончилась бы осада замка. Его защитники ненадолго расчистили гребень, но мехи перестроили свои ряды и бросились в атаку. Осталось десять кадет, шесть, четыре, один... и никого. Волна мехов хлынула вниз по склону, перехлестнула через парапеты, и вскоре все осажденные были безжалостно перебиты. Семьсот лет простоял Джейнил, обитель галантных кавалеров и прекрасных дам, — и погиб в одночасье.

3

Мехи — обитатели планеты Этамин-девять — были привезены на Землю несколько веков назад. Жесткие, с металлическим отливом шкуры этих человекообразных существ лоснились, будто смазанные маслом или натертые воском. Торчащие из головы и шеи меха шипы были покрыты медно-хромовой проводящей пленкой и отливали золотом. Там, где у человека уши, у меха располагались органы чувств. Особенно бросалось в глаза лицо — не лицо даже, а нечто похожее на обнаженный человеческий мозг или сморщенный мускул (когда, гуляя по нижним коридорам, кто-нибудь из дворян натыкался на меха, то старался быстрее пройти мимо). Рот этого существа — неровная вертикальная щель в нижней части «лица» — не выполнял своего предназначения с тех пор, как под кожу на спине меха поместили «мешочек» — резервуар с сиропом. По той же причине давно атрофировались пищеварительные органы, извлекавшие питательные вещества из гниющих растений. Как правило, мех не носил никакой одежды, кроме рабочего фартука и пояса с инструментами. Благодаря мозгу, действовавшему как передатчик, мех мало в чем уступал человеку. Однако в толпе себе подобных он выглядел не столь разумным, не столь умелым — нечто среднее между первобытным человеком и гигантским тараканом.

Благородный Д. Р. Джордайн из замка Утренний Свет, Салонсон из Туанга и некоторые другие ученые считали мехов существами добрыми и флегматичными, но мудрый Клагхорн из Хейдждорна придерживался на этот счет другого мнения. Он утверждал, что

эмоции меха почти непостижимы, настолько они отличаются от человеческих. В ходе тщательных исследований он обнаружил у меха не менее дюжины различных чувств.

Несмотря на его выводы, для Клагхорна, Д. Р. Джордайна и Салонсона восстание мехов оказалось таким же сюрпризом, как и для всех остальных. «Как могло случиться, — спрашивали дворяне друг друга, — что эти существа, столько лет служившие людям верой и правдой, вдруг нанесли им такой подлый удар?»

Самым разумным казалось самое простое объяснение: мехи не смирились с рабством и ненавидели землян, вырвавших их из естественной среды обитания. У этой гипотезы находились противники. Приписывать нелюдям человеческие чувства и взгляды нельзя, утверждали они. Мехи имели все основания испытывать благодарность к людям, которые избавили их от невыносимого существования на Этамине-девять. Приверженцы первой гипотезы отвечали на это вопросом: «А разве вы сами не приписываете им человеческих чувств и взглядов?» Их противники огрызались: «Никто не знает, что у мехов на уме, а потому наши доводы не абсурднее ваших».

ГЛАВА 2

Замок Хейдждорн, протяженностью в милю и высотой триста футов, стоял на вершине утеса из черного диорита. И размерами, и красотой он намного превосходил Джейнил. Внизу, в девятистах футах от парапета, расстилалась к югу широкая долина. Из

четырёх склонов скалы два, восточный и западный, были крутыми, на террасах южного и северного росли виноград, груши, гранаты и артишоки. Скалу серпантинном опоясывала дорога. Она начиналась у портала на центральной площади и терялась из виду в долине. Напротив портала красовалась величественная Ротонда, а по обе стороны от нее, окружая площадь, высились особняки двадцати восьми кланов.

Когда-то на месте центральной площади стоял весь замок, построенный вернувшимися на землю людьми. Позднее Хейдждорн Десятый, собрав великое множество крестьян и мехов, воздвиг новый замок и разрушил старый. Двадцати восьми Домам, построенным в ту пору, минуло пятьсот лет.

Под площадью были расположены служебные помещения. На первом уровне — гаражи, под ними — мастерские и бараки мехов, еще ниже — пекарня, пивоварня и тому подобное.

Нынешний Хейдждорн, двадцать шестой со времени основания замка, в прошлом был Клагхорном из клана Овервель. Его избрание вызвало всеобщее удивление, поскольку ничем особенным О. К. Шарль (так звали прежде этого господина) не выделялся. Как и прочие благородные господа, он был утонченным, эрудированным, элегантным, но каких-либо оригинальных высказываний никто от него не слышал. Бог не обидел его красотой: худощавое, угловатое лицо, короткий прямой нос, серые с прищуром глаза. С его лица не сходило выражение легкой задумчивости, рассеянности — хотя недоброжелатели называли это выражение бессмысленным. Но едва опускались его веки и сходились к переносице густые

белесые брови, лицо становилось жестким и угрюмым. Впрочем, сам О. К. Шарль об этом не знал.

Хейдждорн почти не имел личной власти, но тем не менее занявший эту должность становился влиятельным человеком. Кроме того, любой дворянин почитал за честь перенять манеры и стиль главы общества. Посему выборы считались событием немаловажным, и к своему будущему избраннику господа и дамы относились с особой требовательностью. Порой малейшая оплошность, любой непродуманный шаг кандидата приводили к провалу. В такие времена рушились репутации, гибла дружба, зарождалась и крепла вражда.

В последний раз привилегия выбора досталась клану Овервель, и в результате компромисса между двумя его фракциями Хейдждорном стал О. К. Шарль. Господа, которым предпочли О. К. Шарля, были людьми уважаемыми, но полностью расходились во взглядах. Один из них, одаренный Гарр из семьи Цумбельд, казалось, заключал в себе все достоинства властителей замка Хейдждорн. Он обладал великолепным вкусом, разбирался в тонких эссенциях, носил красивые одежды и вообще считался образцом для подражания: всегда подтянутый, опрятный, с алой розочкой (эмблемой клана Овервель) в петлице.

Беззаботность сочеталась в нем с лицемерием, а чувство собственного достоинства — с остроумием. Шутил он всегда блестяще: тонко, порой язвительно. Любое выдающееся литературное творение он мог цитировать на память; превосходно играя на девятиструнной лютне, он выступал на каждом Обозрении Старинных Камзолов. Среди знатоков истории ему не было равных, он помнил названия и местоположение

всех крупных городов Старой Земли и мог часами рассказывать о событиях минувшего. Кроме того он мастерски владел всеми видами оружия, и драться с ним на равных мог разве что Д. Х. Магдах из замка Делора и еще, быть может, Врушам из Туанга. Недостатки? Изъяны? При желании к ним можно было отнести его чрезмерную педантичность, которую часто путали с занудством, и неукротимое упрямство, принимаемое некоторыми за жестокость.

О. Ц. Гарра никак нельзя было назвать трусом. Два года назад в Люцерновую долину забрела шайка кочевников. Эти негодяи перебили крестьян, угнали скот, а один из них оказался настолько дерзок, что всадил стрелу в грудь иссетскому кадету. Без промедления в погоню за кочевниками бросился карательный отряд мехов на фургонах, собранный О. Ц. Гарром. Они настигли негодяев у реки Дрин, неподалеку от развалин Ворстерского собора. Как ни странно, кочевники в тот раз не пытались уклониться от боя, а дрались умело и яростно. О. Ц. Гарр показал себя превосходным тактиком: он управлял атакой, сидя за рулем фургона, а рядом стояли двое мехов и прикрывали его от стрел.

Битва закончилась полным разгромом кочевников. В поле осталось двадцать восемь тощих трупов в черных плащах; мехов погибло только двадцать.

Соперником О. Ц. Гарра на выборах выступал Клагхорн, глава семьи Клагхорн. Он был серьезным соперником: изысканные манеры и достоинство представителя хейдждорнской знати были присущи ему в той же мере, в какой рыбе свойственно умение плавать. Он не уступал О. Ц. Гарру в образованности, хотя считал, что глубокие познания в какой-либо науке более приличе-

ствуют дворянину, нежели просто широкая эрудиция. Сам он основательно изучил физиологию мехов, их язык и социальные отношения. Его мысли отличались глубиной, но не были такими парадоксальными и резкими, как суждения О. Ц. Гарра. В речах он предпочитал прямоту, избегая витийства и туманных намеков. Клагхорн не содержал фан, тогда как четверка красавиц О. Ц. Гарра, победительниц Парадов Элегантности, вызывала всеобщее восхищение.

Особенно различались философские взгляды этих господ. Консерватор О. Ц. Гарр, типичный представитель своего общества, безоговорочно подписывался под всеми его принципами. Он не знал сомнений, не чувствовал за собой вины и не желал менять условий, обеспечивающих безбедное существование двум тысячам дворян.

Клагхорн не принадлежал к искупленцам, но все знали о его недовольстве сложившимся укладом жизни в замке. Причины тому он приводил столь убедительные, что собеседники, задетые за живое, часто отказывались его слушать. Но все же его слова пускали глубокие корни, и Клагхорн имел влиятельных сторонников.

В итоге ни О. Ц. Гарр, ни Клагхорн не набрали нужного числа голосов, и пост Хейдждорна достался человеку, который даже мечтать о нем не смел, — человеку представительному, но не одухотворенному, приветливому, но не склонному отстаивать свое мнение.

Прошло шесть месяцев, и вот однажды в сумрачный предрассветный час мехи покинули крепость. Вместе с ними исчезли фургоны, часть электрооборудования и очень много оружия. Видимо, мехи давно

готовили мятеж, так как из всех восьми замков они ушли одновременно.

Поначалу в Хейдждорне, да и в других замках, никто не верил в случившееся. Но вскоре на смену недоверию пришел гнев, на смену гневу — предчувствие близкой беды.

Встревоженные нотабли — новый Хейдждорн, предводители кланов и некоторые старейшины и ученые — собрались в Палате заседаний. На почетном месте за большим, покрытым красным бархатом столом сидел Хейдждорн, по левую руку от него — Ксантен и Иссет, а по правую — Овервель, Ор и Бодри. От ученых присутствовали О. Ц. Гарр, И. К. Линус, О. Г. Барноль, весьма искушенный в теоретической математике, и Б. Ф. Вайяс, знаток археологии, нашедший развалины Пальмиры, Любека, Массилии и многих других древних городов. Кроме них пришли главы семей: Морьюн и Бодьон из клана Ор, Квей, Розет и Идельси из Ксанта, Клагхорн из Овервеля.

Минут десять в зале стояла тишина. Все сидели молча, приводя мысли в порядок. Наконец Хейдждорн заговорил:

— Господа, наш замок остался без мехов. Полагаю, вы понимаете, что это неудобство нужно устранить как можно быстрее. Надеюсь, других мнений нет?

Он окинул сидящих за столом взглядом. Все выдвинули вперед таблички из слоновой кости — этот жест означал согласие. Все, кроме Клагхорна. Но ученый и не возражал, иначе он бы поставил табличку на ребро.

— Нет смысла терять время на раздумья, — произнес Иссет, угрюмый седой дворянин. В свои семь-

десять лет он еще был довольно красив. — Всем известно, что крестьяне — вояки никудышные. Но нам придется сколотить из них отряд, одеть их, обуть, вооружить и поставить над ними командира, О. Ц. Гарра или Ксантена. Потом птицы выследят наших бродяг, а крестьяне зададут им трепку и пригонят обратно.

Тридцатилетний Ксантен с сомнением покачал головой. Среди предводителей кланов он был самым молодым и слыл отъявленным смутьяном.

— Занятная идея, но, увы, неосуществимая. Как ни натаскивай крестьян, им не тягаться с мехами.

Он говорил истинную правду. Крестьян, маленьких человекообразных, которых когда-то вывезли с планеты Спика-десять, никто не мог упрекнуть в трусости, но они чурались насилия.

В зале воцарилась мертвая тишина. Ее нарушил О. Ц. Гарр:

— Мерзавцы-мехи угнали наши фургоны. Их счастье, иначе я взял бы кнут и пригнал этих псов домой*.

* Перевод приблизительный, никак не передающий всех смысловых оттенков. В современном языке нет аналогов для некоторых слов. Например, для слова «скирклинг». «Послать скирклинг» означает «заставить бежать сломя голову, спотыкаясь, уворачиваясь и подпрыгивая». Глагол «волит» переводится так: «братся за дело, которое для тебя, по причине твоих выдающихся способностей, суший пустяк». «Родельбоги» — полуразумные существа с Этamina-четыре, ставшие на Земле сначала садовниками, затем строителями и в конце концов с позором отправленные домой, поскольку не желали избавляться от своих гнусных привычек. Слова О. Ц. Гарра на самом деле звучали так: «Не угнали бы мерзавцы-мехи наши фургоны, я бы волит посахать с кнутом и послать этих родельбогов скирклинг домой». (Здесь и далее — прим. автора.).

— Мехам предстоит столкнуться с одной проблемой, — вновь заговорил Хейдждорн. — Уходя, они забрали все запасы сиропа. Что их ждет, когда он кончится? Чем они раньше питались? Болотной жижей? Эй, Клагхорн, вы у нас эксперт. Могут ли мехи снова сесть на грязевую диету?

— Нет, — ответил Клагхорн. — У взрослых особей атрофировались органы пищеварения. Если же кормить илом детеныша, он возможно и выживет.

— Так я и предполагал. — Хейдждорну больше нечего было сказать. Чтобы скрыть это, он многозначительно нахмурился и, сцепив пальцы, уставился на них.

В дверях появился господин в темно-синем одеянии клана Бодри. Он поднял правую руку над головой и поклонился, коснувшись пальцами пола. Это означало, что он принес новость.

— Входите, Б. Ф. Робарт, — произнес Хейдждорн, вставая из-за стола.

— Из Зимородка сообщили о нападении мехов, — сказал вошедший. — Они устроили пожар и всех перебили. Минуту назад умолкло радио.

Все круто повернулись, некоторые привстали.

— Перебили? — хрипло переспросил Клагхорн.

— По-видимому, Зимородка больше не существует.

Клагхорн сидел, неподвижно глядя перед собой. Кругом звучали испуганные голоса — дворяне обсуждали страшное известие. Хейдждорн призвал их к порядку.

— Ситуация тяжелая, — сказал он. — Быть может, самая тяжелая за всю нашу историю. Я честно предупреждаю: никаких контрмер предложить не могу.

— А что слышно из других замков? — спросил Овервель. — Им ничего не грозит?

Хейдждорн повернулся к Б. Ф. Робарту:

— Будьте любезны, свяжитесь с остальными замками. Узнайте, каково их положение.

— Они уязвимы так же, как и Зимородок, — сказал Ксантен. — Особенно Си-Айленд и Делора. Да и Мараваль тоже.

Клагхорн вышел из оцепенения и подал голос:

— Я считаю, следует обратиться к жителям всех замков. Надо посоветовать им укрыться в Джейниле, пока не утихнет мятеж.

Все с удивлением посмотрели на него. О. Ц. Гарр спросил самым что ни на есть бархатным голосом:

— И вы способны представить себе, как благородные господа удирают от каких-то презренных тварей?

— Я могу себе представить людей, желающих спастись, — вежливо ответил Клагхорн. Это был человек среднего роста, крепкого телосложения, с черной шевелюрой, слегка тронутой сединой; его манеры говорили о большом самообладании. — Бегство всегда недостойно дворянина, но если О. Ц. Гарр знает, как спастись от мехов и не ударить в грязь лицом, — пусть поведает. Нам это очень пригодится.

— Не будем отвлекаться, — вмешался Хейдждорн прежде, чем О. Ц. Гарр успел ответить. — Признаться, я не вижу выхода. Допустим, с мехами удастся справиться. Но взять их обратно на службу — увольте! Никто из нас не доверит свою жизнь заведомым убийцам. Придется обучать новых техников, а до тех пор... до тех пор нам придется туго.

— Корабли! — воскликнул Ксантен. — Надо немедленно взять их под охрану.

— Это еще зачем? — осведомился Бодри, человек с каменно-твердым лицом. — Чего ради мы должны их стеречь?

— Чтобы их не повредили. А для чего еще, по-вашему? Корабли — наша единственная возможность связаться с Родными Планетами. Наверняка в ангарах остались мехи-ремонтники. Если мятежники решили нас уничтожить, они прежде всего должны были захватить корабли.

— И вы считаете, кому-нибудь из нас нужно возглавить отряд крестьян и занять ангара? — высокомерно произнес О. Ц. Гарр. Между ним и Ксантенем не угасала давняя вражда.

— Возможно, это единственный выход, — ответил Ксантен. — Хотя на крестьян надежды мало. Давайте поступим так: я слетаю к ангарам и все разведую, а вы и другие знатоки военного дела займетесь набором и обучением ополченцев.

— Предпочту дожидаться конца совещания, — заявил О. Ц. Гарр. — Если выяснится, что ваше предложение самое дельное, я, разумеется, сделаю все, от меня зависящее. Если господа сочтут наиболее разумным использовать ваши способности для слежки за мехами, надеюсь, вы тоже выполните свой долг.

Два дворянина обожгли друг друга ненавидящими взглядами. Годом раньше они едва не встретились на дуэли. Высокий, стройный, нервный и энергичный Ксантен, будучи более проникательным, чем О. Ц. Гарр, тоже во многом не соответствовал идеалу Хейджорна. Консерваторы особо упирали на то, что он недостаточно педантичен и пренебрегает модой.

— Я с радостью беру это на себя, — вежливо ответил Ксантен и добавил, обращаясь к присутствующим: — Нельзя терять ни минуты, господа. Я улетаю сейчас же, рискуя показаться смешным. Надеюсь завтра вернуться с известиями.

Он поклонился Хейдждорну, как того требовал этикет, кивнул членам совета и вышел.

Миновав площадь, он вошел в Дом Эздюн и поднялся к себе. Жилище Ксантина находилось на тринадцатом этаже — четыре комнаты, обставленные в стиле так называемой Пятой Династии, эпохи возвращения людей с Родных Планет Альтаира. Его жена, Араминта из семьи Онвейн, ушла по своим делам, и Ксантина это устраивало. Окажись Араминта дома, она сразу начала бы выпытывать, где он пропадал. Поди докажи, что он заседал на совете, а не изменял ей в загородном особняке. Если не кривить душой, Араминта порядком ему надоела, да и он ей, наверное, тоже. Выходя за него замуж, она явно рассчитывала, что вскоре будет блистать на светских раутах в роли самой знатной дамы замка, — и прогадала. Дети их тоже не связывали. У Араминты была дочь от прежнего брака, и родись у нее второй ребенок, то в случае развода его пришлось бы уступить Ксантену, а тому, в свою очередь, уже нельзя было бы иметь детей*.

* Рождаемость в замках была строго ограничена. Каждому господину и каждой даме разрешалось иметь одного ребенка, от второго приходилось избавляться или подыскивать ему «крестного» — человека, не воспользовавшегося своим правом на зачатие. Обычно «лишних» детей отдавали под опеку искуplenцев.

Молодой крестьянин помог Ксантену снять желтый костюм, в котором ему полагалось присутствовать на совете, и облачиться в темно-желтые охотничьи бриджи, черную куртку и сапоги. Повесив на плечо сумку с тепловым пистолетом и спиральным резакон, надев шапочку из мягкой черной кожи, он вышел на площадку, вызвал лифт и спустился на первый уровень, в оружейную. Раньше здесь сидел за стойкой дежурный мех, готовый выполнить любую просьбу посетителя. Теперь, к великому неудовольствию Ксантена, ему пришлось самому рыться среди разбросанного оружия. Из арсеналов с уходом мехов исчезли все дробовики, мощные тепловые ружья и большая часть спортивных винтовок. «Не к добру это», — подумал Ксантен. Наконец он нашел все необходимое: запасные заряды для теплового пистолета, связку зажигательных гранат и мощный монокуляр.

Поднимаясь на первый этаж, он раздумывал: кто будет ремонтировать лифт, когда тот в конце концов сломается? Он подумал о Бодри и других непримиримых консерваторах и усмехнулся. В недалеком будущем их ожидает множество сюрпризов.

Лифт остановился на последнем этаже. Ксантен направился вдоль парапета к радиорубке. Обычно здесь за пишущими машинками сидели три специально обученных меха, от колючек на их головах шли провода к приемнику. Теперь перед радиостанцией с безразличным выражением лица стоял Б. Ф. Робарт и неуверенно крутил ручки настройки.

— Есть новости? — спросил Ксантен. Б. Ф. Робарт кисло улыбнулся:

— Трудно что-нибудь понять в этой неразберихе. Иногда прорываются случайные голоса, но толком никто ничего объяснить не может. Кажется, мехи штурмуют Делору.

Вслед за Ксантенем в рубку вошел Клагхорн.

— Я не ослышался? Замок Делора пал? — спросил он.

— Нет еще, но долго не продержится. Делора даже не крепость, а так — живописные развалины.

— Поразительно! — пробурчал Ксантен. — Мехи разумны. Как может разумное существо творить такое зло? А мы-то, глупцы! Сколько веков прожили с ними бок о бок, а так и не научились их понимать.

Он взглянул на Клагхорна и сразу пожалел о своих словах. Клагхорн долго изучал мехов и мог принять «глупцов» на свой счет.

— Само по себе это неудивительно, — возразил Клагхорн. — В истории человечества можно найти тысячи подобных случаев.

Ксантена слегка покорило, что Клагхорн ссылается на историю человечества, когда речь идет о подотряде мехов.

— Неужели их скрытность никогда не вызывала у вас подозрения? — спросил он.

— Никогда, смею вас уверить.

«Клагхорн излишне чувствителен», — подумал Ксантен. Впрочем, это вполне объяснимо. Его основную доктрину ни в коем случае нельзя было назвать простой, и Ксантен да и многие другие понимали в ней далеко не все. На радость О. Ц. Гарру, чьи кон-

сервативные взгляды в недавнем прошлом подверглись острой критике, бунт мехов основательно подмочил репутацию Клагхорна.

— Жизнь, которую мы ведем, не может длиться вечно, — заметил Клагхорн. — И вообще, странно, как мы еще до сих пор не вымерли.

— Пожалуй, вы правы, — поспешил согласиться Ксантен. — Впрочем, не стоит загадывать наперед. Все меняется. Кто знает, может, крестьяне тоже против нас — решили, например, нас отравить... Я должен идти. — Он поклонился Клагхорну, в ответ тот кратко кивнул. Попрощавшись с Б. Ф. Робартом, Ксантен вышел из радиорубки.

Он поднялся по винтовой лестнице в закус, где жили птицы. Здесь царил страшный беспорядок. Птицы коротали время в ссорах и азартных играх. Одна из этих игр напоминала шахматы, но никто из господ еще не смог разобраться в ее правилах.

В замке Хейдждорн обитали сто птиц. За ними присматривали несколько измученных крестьян, на чью заботу птицы отвечали черной неблагодарностью. Это были очень шумные существа алой, желтой и синей окраски, с длинными шеями и дергающимися головами. Они отличались любопытством и врожденной непочтительностью, которую невозможно было изжить даже упорной дрессировкой. Появление Ксантина вызвало у них множество грубых шуток:

— Эге, кому-то вздумалось покататься! Тяжело-ват, братец!

— Почему бы этим наглым двуногим не отрастить себе крылья!

— Дружок, никогда не доверяй птицам. Поднять-то мы тебя поднимем, да как бы не уронили ненароком!

— Тихо! — прикрикнул Ксантен. — Мне нужны шесть птиц, умеющих быстро летать и держать язык за зубами. Есть среди вас такие?

— А рос, рос, рос! Он еще спрашивает! Да нам целую неделю не давали летать!

— Ему нужно, чтобы мы молчали! Мы будем немые как рыбы!

— Прекрасно. Ты, ты. Ты, Умные Глаза. Вот ты. Ты, Вздернутое Плечо. Ты, Зеленый Хохолок. Ступайте к корзине.

Отобранные птицы, осыпая крестьян руганью и насмешками, позволили им наполнить сиропом «мешочки» и, взмахивая крыльями, побрели к плетенному креслу, в котором уже сидел Ксантен.

— К ангарам в Винценне! — велел он. — Лететь надо высоко и быстро, помните: враг на чеку. Мы должны выяснить, целы корабли или нет.

— К ангарам так к ангарам.

Расхватав длинные веревки, привязанные к креслу, птицы рванули вверх — явно старались, чтобы Ксантен звонко клацнул зубами. Они летели, смеясь и бранясь между собой. Каждой казалось, что ей приходится работать за остальных. Но вскоре они приновились к полету, и тридцать шесть пар крыльев стали подниматься и опускаться одновременно. К радости Ксанта, птицы перестали болтать и молча летели на юг со скоростью пятьдесят-шестьдесят миль в час.

День близился к концу. По древней земле, свидетельнице великого множества рассветов и закатов, по-

бед и поражений, скользили длинные черные тени. Ксантен был прямым наследником семисотлетней династии властелинов этой планеты. «Несмотря на то что здесь зародилась вся человеческая раса, — размышлял он, — Земля так и не стала нам родным домом». Ничего парадоксального, загадочного в этом не было. После Войны шести звезд планета три тысячелетия лежала «под паром», населенная горсткой бедолаг, которым пришлось стать варварами-кочевниками, чтобы выжить.

Наконец семь веков назад, отчасти по политическим соображениям, отчасти по своей прихоти, некоторые влиятельные представители альтаирской знати решили вернуться на Землю. Так возникли девять твердынь, где жили благородные господа и их слуги — «специализированные» человекообразные...

Ксантен пролетал над районом раскопок — вымощенная белым камнем площадь, расколотый обелиск, упавшая статуя... Эта картина действовала на воображение. В мозгу стали рождаться образы простые и вместе с тем величественные и прекрасные. Он вертел головой во все стороны, будто впервые летел над этими покатыми холмами. На миг он увидел Землю, заново населенную цивилизованными людьми, — поля распаханы, кочевники вытеснены в пустыни.

Ксантен спохватился, — об этом не стоило и мечтать. Уныло глядя на однообразный ландшафт, он думал о бунте мехов, так неожиданно изменившем его жизнь.

Когда-то Клагхорн высказал мысль, что условия существования человека не могут оставаться неизмен-

ными сколь угодно долго. Чем сложнее эти условия, тем менее они стабильны. Сложная, неестественная, чрезмерно утонченная жизнь в замке Хейдждорн не менялась на протяжении семи столетий, и это поразительно. Клагхорн развил свой тезис и дальше. Поскольку перемены неизбежны, дворяне должны взять их под контроль. Иначе не миновать катастрофы.

В недавнем прошлом идеи Клагхорна подвергались ожесточенным нападкам со стороны консерваторов, приводивших стабильность общества в качестве доказательства жизнеспособности замка. Ксантен колебался, не в силах решить, кто из спорщиков прав. Если бы он и принял сторону Клагхорна, то лишь по одной причине: Клагхорн не был консерватором. Время, похоже, подтвердило правоту Клагхорна. Перемены пришли и принесли с собой небывалые потрясения.

Разумеется, многое оставалось неясным. Например, почему мехи выбрали для мятежа именно это время, а не какое-нибудь другое. Ведь условия их жизни не менялись пятьсот лет, а сами мехи никогда не выражали недовольства. Впрочем, они вообще не выражали каких-либо чувств, и никто, кроме Клагхорна, не пытался узнать, что у них на уме.

Впереди выросли горы Балларат, и птицы повернули на восток. К западу лежали развалины большого города, их так и не удалось как следует изучить. Внизу раскинулась Люцерновая долина. Когда-то здесь процветали фермы, и, если приглядеться, можно было различить контуры исчезнувших угодий. Птицы несли Ксантена к ангарам, где под присмотром

мехов хранились четыре космических корабля, принадлежавших Хейджорну, Джейниту, Туангу и Утреннему Свету. Правда, Ксантен не помнил, чтобы эти корабли когда-нибудь взлетали.

Солнце садилось. На металлических стенах ангаров играли отблески заката. Ксантен закричал птицам:

— Видите деревья? Снижайтесь по кругу и садитесь за ними. Быстрее летите, не то нас заметят.

Шесть уродливых шей склонились к земле. Распластав жесткие крылья, птицы понеслись вниз, и Ксантен приготовился к удару о землю. Эти крылатые существа не могли не озорничать, когда несли кого-нибудь из господ.

Но Ксантен не оправдал их надежд. Он не вывалился из кресла и не покатился по траве.

— Сиропа у вас достаточно, — сказал он. — Отдыхайте, не шумите, не ссорьтесь. Если завтра к заходу солнца я не вернусь, летите в Хейджорн и скажите, что Ксантен погиб.

— Не бойся! — сказали птицы. — Мы будем ждать вечно.

— Уж всяко до завтрашнего вечера.

— Если почувствуешь опасность, если попадешь в беду, позови птиц! А рос, рос, рос!

— Знаю я вас! — сказал Ксантен. — Птицы — трусы, каких поискать. И все же спасибо на добром слове. Помните наш уговор, а главное — сидите тихо. Я не хочу, чтобы меня зарезали из-за вашей болтовни.

Оскорбленные, птицы завопили:

— Неправда! Неправда! Мы немые как рыбы!

— Ладно, ладно. — Ксантен поспешил удалиться, пока они окончательно не расшумелись.

Пройдя через лес, он вышел на поляну. Ярдах в ста высилась задняя стена ближайшего ангара. Ксантен остановился, чтобы осмотреться и кое о чем подумать.

Во-первых, отгороженные от мира стальными стенами, мехи-ремонтники могли не знать о мятеже, ведь металл экранирует радиоволны. Но это было маловероятно, — очень уж слаженно, методично действовали заговорщики. Во-вторых, мехи постоянно контактировали друг с другом, они походили на единый организм. В целом этот организм был совершеннее, чем отдельные его клетки-мехи, как известно, не склонные к инициативе. Следовательно, вряд ли ремонтники выставили часовых. В-третьих, если они и охраняли ангары, то, вероятнее всего, держали под наблюдением наиболее удобные подступы.

Ксантен решил подождать еще минут десять, пока заходящее солнце не ослепит часовых, которые могли смотреть в его сторону.

Прошло десять минут. На стенах высоких, длинных, безмолвных ангаров сиял меркнувший солнечный свет. Прохладный ветерок шевелил золотистую луговую траву.

Ксантен повесил сумку на плечо, поправил оружие, глубоко вздохнул и шагнул вперед. Ему и в голову не пришло, что безопасней было бы передвигаться ползком. Но никто не остановил его. Он подошел к ближайшему ангару, прижался ухом к металлической поверхности — тишина. Заглянул за угол — ни единого

признака жизни. Ксантен пожал плечами — тем лучше — и направился к двери.

Он шел вдоль стены, в лучах заката его фигура отбрасывала на землю длинную тень. Подойдя к двери, он толчком распахнул ее и вошел в административный отдел ангара.

Ни единой души. Лишь тускло сияли полированные столы, за которыми совсем недавно сидели мехи, проверяя накладные и счета за погрузку. На столы даже пыль не успела осесть.

Ксантен скользнул взглядом по панелям приборов, покрытым черной эмалью, по стеклу, по красным и белым переключателям. Компьютеры и банки памяти выглядели так, будто еще вчера их касалась чья-то заботливая рука. Он приблизился к стеклянной перегородке, за которой в сумраке ангара высилась громада корабля.

Он не увидел мехов. Но на полу ангара стояли ровными рядами, лежали аккуратными грудями целые узлы и отдельные детали механизма управления кораблем. В корпусе звездолета зияли черные провалы.

Ксантен прошел из кабинета в ангар, поглядел на следы диверсии. Мехи знали, что делали. Ксантен был знаком с несколькими учеными, разбиравшимися в теории пространственно-временного перехода. Один из них, К. С. Розенбокс из Маравая, даже вывел ряд уравнений, на основании которых можно было сконструировать аппаратуру для устранения злополучного эффекта Хомуса. Но ни один господин, согласись он даже ради спасения своей жизни взять в руки инструменты, не сумел бы поставить на место вынутые из корабля части.

Можно было только гадать, когда мехи успели изувечить корабль. Выбравшись из ангара, Ксантен заглянул в соседний и увидел ту же картину. Перешел в третий ангар — и там то же самое.

Войдя в четвертый ангар, он услышал приглушенное звяканье инструментов. Он приблизился к стеклянной перегородке, отделявшей кабинет от хранилища, и увидел ремонтников. Мехи работали совсем как обычно — без лишних движений, почти беззвучно.

В душе Ксантена закипел гнев. Он сумел подавить раздражение, когда ему пришлось красться по лесу к ангарам, но видеть, как на твоих глазах хладнокровно уничтожают дворянское имущество... Он решительно вошел в ангар, хлопнул себя по бедру, чтобы привлечь внимание мехов, и властно крикнул:

— Как вы смеете, паразиты! Сейчас же поставьте все на место!

Повернув головы, мехи молча рассматривали его сквозь скопления линз на висках.

— Что?! — проревел Ксантен. — Вы еще раздумываете, мерзавцы?! — Он поднял над головой стальной кнут и звучно щелкнул им об пол. — Выполнять! Вашему дурацкому бунту пришел конец!

Мехи стояли в нерешительности, не произнося ни звука. Но Ксантен понимал, что между ними идет немой диалог. Нельзя было позволить, чтобы они оценили ситуацию и приняли решение. Подойдя к ближайшему меху, Ксантен стегнул его по лицу — единственному месту на теле, чувствительному к боли.

— Занимайтесь своим делом! — прорычал он. — Хороша ремонтная бригада, нечего сказать! Разве вас ломать учили?!

Получая удары, мехи тихо шипели, и этот звук мог означать все что угодно. Они попятились, и Ксантен заметил рослого меха, стоящего на трапе корабля с пистолетом в руке. Отогнав кнутом смельчака, который бросился на него с ножом, и услышав свист пули возле уха, Ксантен поспешил застрелить великана. Но других мехов это не остановило. Прислонясь спиной к корпусу корабля, Ксантен расстреливал нападавших. Один раз ему пришлось присесть, чтобы увернуться от куска металла, а в другой раз — чтобы схватить нож и метнуть его в лицо бросавшего.

Мехи отступили. Ксантен понял, что они решили сменить тактику: либо вооружиться получше, либо запереть его в ангаре. В любом случае оставаться здесь не имело смысла. Он без особого труда расчистил себе путь к кабинету и под грохот бьющих в стекло инструментов и деталей вышел в сумрак.

В небе висела луна — огромный дымчато-шафрановый шар, похожий на старинную лампу. Мехи плохо видели в темноте и не замечали Ксантина, который стоял у дверей и рубил головы выходящим.

Наконец они поняли, в чем дело. Из дверей больше никто не появлялся, и Ксантен, не глядя по сторонам и на ходу вытирая лезвие, отправился обратно тем же путем, каким пришел. Вдруг он остановился. Какая-то смутная мысль не давала ему покоя, и только сейчас он понял: мех, стрелявший из пистолета, показался ему необычным. Он был значительно крупнее своих сородичей, более темного цвета, но самое главное — на глазах у Ксантина он демонстративно принял позу, которую нельзя было назвать иначе как властной. «И это особенно странно, — подумал Ксан-

тен. — Мехам совершенно несвойственна гордыня». С другой стороны, кто-то ведь должен был организовать мятеж или, по крайней мере, задумать его.

Пожалуй, стоило попытаться выяснить что-нибудь еще, хотя главное Ксантен уже знал.

Он повернул назад и прошел через посадочную площадку к баракам и гаражам, напомнив себе, что нужна осмотрительность. Ну и времена настали! Он, дворянин, должен прятаться от каких-то ничтожных мехов!

Ксантен, крадучись, приблизился к гаражам, где дремало с полдюжины фургонов*. Все они были одного типа — металлическая рама, четыре колеса, бульдозерный нож впереди. Где-то неподалеку должен был находиться склад сиропа. Вскоре Ксантен обнаружил склад, а в нем — множество бочек. Погрузив с десятков бочек на фургон, остальные он раздавил. Сироп, который употребляли мехи, отличался по составу от сиропа для фургонов и хранился в другом месте, возможно в бараках.

Усевшись на водительское сиденье другого фургона, Ксантен повернул тумблер «Пробуждение», нажал кнопку «Ход» и потянул на себя рычаг заднего хода. Фургон попятился. Ксантен остановил его, раз-

* Фургоны, как и мехи, прежде жили на болотах Этамина-девять. На Земле они приняли форму прямоугольных плит из прочной рамы и мускулов, защищенных от солнечных лучей, пассивных и грызунов синтетической шкурой. Питались они сиропом, поступающим в органы пищеварения из «мешочков». Двигательные центры в рудиментарном мозгу соединялись с мускулами, которые приводили в движение шатуны, те, в свою очередь, вращали ось и ведущие колеса. Экономичные, долгоживущие и покорные фургоны применялись в основном для перевозки тяжестей, пахоты, землеройных и других тяжелых работ.

вернул ножом к барaku, затем выстроил рядом с ним еще три фургона и всех привел в движение. Они рванулись вперед, взломали металлическую стену барака, обрушили крышу и двинулись дальше, круша все на своем пути.

Ксантен удовлетворенно кивнул, подошел к оставшемуся фургону, забрался на сиденье и стал ждать. Но ни один мех не выскочил из барака. Видимо, вся бригада находилась в ангаре. Ксантен надеялся, что ему удалось уничтожить запасы сиропа. Убивать ведь можно и голодом.

Увидев в дверях ангара меха, привлеченного шумом фургонов, Ксантен пригнулся. Подождав, пока он приблизится, Ксантен обвил кнутом его жилистую шею и рванул кнотовище на себя. Мех завертелся волчком и рухнул.

Спрыгнув на землю, Ксантен выбил из его руки пистолет. Этот мех тоже был великаном, как и тот, который пытался застрелить его в ангаре. Приглядевшись, Ксантен увидел, что у него нет сиропного «мешочка». Мех в первозданном виде? Не может быть! Как он с голоду не помер? Сразу возникло множество подобных вопросов; оставалось надеяться, что рано или поздно на них найдутся ответы.

Поставив ногу на голову лежащего существа, Ксантен срезал с его загривка длинные антенны-колючки. Теперь мех не мог разговаривать с сородичами, ему оставалось полагаться только на себя. Такая ситуация могла ввергнуть в уныние самого стойкого меха.

— Полезай на корму! — велел ему Ксантен, щелкнув кнутом.

Однако мех подчинился не раньше чем получил пару горячих. Ксантен забрался на сиденье и погнал фургон на север. Он прекрасно понимал, как трудно, почти невозможно заставить птиц нести в замок двойную ношу. Расставаясь с ними, Ксантен не особо верил, что они дождутся его возвращения. Птицы могли провести ночь на дереве, а утром, проснувшись в дурном настроении, отправиться восвояси.

Ночь напролет катил фургон по бездорожью. Ксантен трясся в водительском кресле, а пленник, нахोлясь, сидел у него за спиной.

ГЛАВА 3

1

При всей своей самоуверенности, благородные господа старались не выходить из замков по ночам. Причиной тому в основном был суеверный страх. Впрочем, ходило немало рассказов о путниках, ночевавших поблизости от развалин и слышавших жуткую музыку или звуки охотничьих рогов. Кое-кому случилось увидеть бледно-лиловые или зеленоватые огоньки или призраков, бегущих среди деревьев, а в аббатстве Хоуд, ныне сырых развалинах, по слухам, жила знаменитая Белая Ведьма, взимавшая с прохожих огромную пошлину.

Таких случаев Ксантен знал сотни. Хотя многие гордецы и высмеивали суеверия сограждан, без нужды никто не покидал жилья по ночам. Ведь и вправду, если в местах, где когда-то разыгрывались траге-

дии, обитают призраки, то на старушке Земле должно было водиться неисчислимое множество духов и привидений. Казалось, каждая скала, каждый луг, каждая долина хранит память об испытаниях, выпавших на долю человечества.

Фургон мчался на север. Висящая в небе луна освещала потрескавшиеся плиты дороги. Ксантен дважды замечал мерцание оранжевых огней, а один раз ему показалось, что в тени кипариса стоит и молча смотрит на него какой-то гигант. Позади на платформе сидел пленный мех, наверняка замышлявший недоброе, — наверное, без колючек он чувствовал себя неполноценным, обезличенным, — но Ксантен держал ухо востро.

Дорога шла через давным-давно опустевший городок, от которого осталось лишь несколько полуразрушенных домов. В таких городах даже кочевники не останавливались, — видимо, и они чего-то боялись.

Развалины остались позади; по сторонам дороги, переливаясь сотнями оттенков серебряного, черного и серого цветов, расстилался пустынный ландшафт. Оглядываясь, Ксантен думал, что, при всех прелестях цивилизованной жизни, нельзя не отдать должное просторам и простоте страны кочевников... Мех подозрительно зашевелился. Не поворачивая головы, Ксантен щелкнул в воздухе кнутом, и пленник затих.

Всю ночь фургон несся по древней дороге. Луна перешла на запад, на восточном горизонте заиграли зеленые и лимонно-желтые сполохи, и, когда наконец за далекой горной грядой исчез бледный диск, взошло солнце. В этот момент Ксантен заметил справа от дороги струйку дыма.

Он остановил фургон и встал на сиденье. В четверти мили находился стан кочевников. Ксантен насчитал около сорока шатров разной величины, дюжину старых фургонов. Над самым высоким шатром развевался флажок с черной идеограммой — эмблемой гетмана. Он узнал ее. Кочевники этого племени недавно вторглись во владения Хейдждорна и сражались с отрядом О. Ц. Гарра.

Ксантен одернул платье, уселся и направил фургон к стойбищу.

За его приближением следили около ста длинных и тощих, как хорьки, варваров в черных плащах. С десятков кочевников выбежали вперед, натягивая луки. Ксантен обвел их презрительным взглядом, подъехал к шатру гетмана, остановил фургон и встал во весь рост.

— Гетман, ты проснулся? — крикнул он.

Откинув полог, гетман выглянул из шатра и, помедлив, вышел наружу. Как и все кочевники, он был с головы до ног закутан в мягкую черную ткань, только лицо оставалось открытым — некрасивое, с узкими голубыми глазами, невероятно длинным носом и острым, асимметричным подбородком. Ксантен кивнул ему и произнес:

— Полюбуйся на этого молодца. — Он ткнул большим пальцем в сторону меха, сидевшего на платформе фургона. Гетман бросил на того мимолетный взгляд и вновь с презрением уставился на Ксантена. — Он и его друзья взбунтовались против дворян, а заодно решили вырезать всех людей на Земле. Поэтому мы, дворяне замка Хейдждорн, делаем вам предложение. Приходите в замок. Мы накормим вас, оде-

нем и вооружим. Мы превратим вашу орду в дисциплинированное, боееспособное войско. Мы дадим вам превосходных командиров. Как только мятеж будет подавлен, у каждого из вас появится возможность обучиться ремеслу и сделать неплохую карьеру у нас на службе.

Минуту-другую гетман молчал. Затем на обветренном лице, как трещина, появилась свирепая ухмылка, и он произнес на удивление хорошо поставленным голосом:

— Выходит, ваше зверье решилось-таки вас растерзать? Жаль, что они так долго терпели. А впрочем, чего их жалеть? И вы, и они чужие на этой планете. Рано или поздно все вы ляжете костями.

Ксантен сделал вид, что не расслышал конца фразы.

— Если я правильно понял, ты считаешь, что люди должны объединиться и отразить натиск чужеземцев, а после жить в мире и помогать друг другу. Я не ошибся?

С лица гетмана не исчезала ухмылка.

— Вы не люди. Только мы люди, ибо рождены землей и водой нашей планеты. А вы здесь чужие, как и ваши безумные рабы. Желаем вам и мехам побыстрее перебить друг друга.

— Ну что ж, — вздохнул Ксантен, — выходит, я правильно расслышал твои слова. Для тебя интересы рода человеческого — пустой звук. А как насчет страха за свою жизнь? Когда мехам не удастся вырезать дворян в замках, они обрушатся на кочевников и предавят вас, как муравьев.

— Если они нападут, мы будем драться, — ответил гетман. — А до вас нам нет дела.

Ксантен задумчиво посмотрел на небо.

— Пожалуй, уже сейчас мы могли бы взять на службу отряд кочевников. Нам нужно ядро для большой, хорошо организованной армии.

Стоявший в стороне воин насмешливо крикнул:

— Ну да, пришьете нам мешочки на спины и будете заливать туда сироп. Верно?

— Сироп полностью обеспечивает организм питательными веществами, — ровным голосом заметил Ксантен.

— А почему вы сами без него обходитесь?

Ксантен не счел нужным ответить.

— Хотите дать нам оружие — давайте, — сказал гетман. — Мы не откажемся. Но защищать вас не станем, не надейтесь. Если дрожите за свои шкуры, бросайте замки и становитесь кочевниками.

— Мы дрожим за свои шкуры?! — воскликнул Ксантен. — Что за чушь?! Замки Хейдждорн и Джейнил неприступны, да и большинство других тоже.

Гетман покачал головой:

— Если бы мы захотели, то давно проникли бы в Хейдждорн и всех вас, трутней, перебили спящими.

— Что? — вскричал Ксантен. — Ты это всерьез?

— Конечно. Кто-нибудь из нас поднялся бы на стену на большом воздушном змее, сбросил веревку, втащил наверх лестницу, и через четверть часа замок был бы наш.

Ксантен почесал в затылке.

— Остроумно, но неосуществимо. Птицы сразу заметят змея. Или ветер вдруг переменится... Нет, все это — чепуха. Меха не станут запускать змеев. Они попытаются взять штурмом Джейнил и Хейдждорн,

а когда поймут, что это невозможно, устроят охоту на кочевников.

Гетман отступил на шаг.

— Ну и что? — спросил он со злостью в голосе. — Как будто на нас не охотились дворяне Хейдждорна! Все вы трусы! Попробуйте драться с нами на равных, врукопашную, — мы заставим вас есть грязь, презренные псы!

Ксантен поднял брови, всем своим видом выражая пренебрежение.

— По-моему, ты забываешься! Ты разговариваешь не с кем-нибудь, а с предводителем клана. Твое счастье, что я немного устал в дороге, не то отхлестал бы тебя вот этим кнутом!

— Ха! — Гетман ухмыльнулся и поманил пальцем одного из лучников. — Пристрели-ка этого хлыща!

Лучник вскинул лук и выпустил стрелу, но Ксантен был начеку. Выстрел из теплового пистолета испепелил стрелу, лук и руки кочевника.

— Я вижу, тебе недостает элементарного уважения к благородным людям. — Он поднял кнут и трижды умело обвил им узкие плечи гетмана. — Ладно, хватит с тебя. Я не могу заставить вас воевать, но терпеть оскорбления от каких-то трусливых навозных жуков не намерен. — Он спрыгнул на землю и, схватив гетмана, посадил на платформу рядом с мехом. Затем развернул фургон и, не оглядываясь, выехал из стойбища. Спинка кресла надежно защищала его от стрел.

С трудом поднявшись на ноги, гетман вытащил кинжал. Ксантен повернул голову и предупредил:

— Спокойно! Иначе побежишь за фургоном на веревке, глотая пыль.

Гетман заколебался, сплюнул сквозь зубы и сел. Со стуком загнав кинжал в ножны, он спросил:

— Куда ты меня везешь?

— Никуда. — Ксантен остановил фургон. — Я хотел уехать, как подобает дворянину, не пригибаясь и не уворачиваясь от стрел. Можешь слезть. Как я понял, кочевники не согласны служить дворянам.

Гетман снова сплюнул.

— Когда мехи разорят замки, мы перебьем мехов, и Земля на все времена будет очищена от звездной нечисти.

— Упрямые дикари, — проворчал Ксантен. — Ладно, слезай. Возвращайся в свой стан и впредь, если тебе выпадет честь разговаривать с предводителем клана из замка Хейдждорн, не вздумай дерзить.

— Ха! — буркнул гетман. Он спрыгнул с фургона и пошел назад, не оглядываясь.

2

К полудню Ксантен подъехал к Дальней долине. Здесь начинались земли Хейдждорна.

Где-то поблизости находилась деревня искуПЛенцев. Жившие в замках благородные господа называли искуПЛенцев неврастениками и ворчунами, но все, как один, считали их людьми необычными. Некоторые искуПЛенцы имели высокие титулы, другие были известными учеными, но большинство не могло похвастать ни родословной, ни репутацией. Они не брезговали трудом, для которого в замках содержали крестьян, и то, что господа считали их грязными, опустившимися, нищими, похоже, доставляло им извращенное удовольствие.

Разношерстное племя искупленцев не придерживалось какой-либо единой доктрины. Они увлекались самыми крайними течениями философии. Одни называли себя неконформистами, другие — неприсоединившимися, третьи — пассивными искупленцами, четвертые (их было меньшинство) добивались перемен.

Жители замка и деревни редко общались друг с другом. При случае искупленцы выменивали инструменты, гвозди и лекарства на фрукты и красивые безделушки из дерева. Иногда дворяне приезжали полюбоваться их танцами и послушать песни. Ксантен гостил у них чаще других, — ему нравилась безыскусность и свежесть деревенских праздников. Проезжая мимо деревни, Ксантен свернул на широкую тропу, петлявшую между кустами ежевики, сросшимися в высокие изгороди. Дорога вывела его на широкий общинный луг, где паслись коровы и козы. Ксантен остановил фургон в тени ежевики, наполнил сиропом его «мешочек» и только тогда взглянул на пленника.

— Как дела? Если хочешь сиропу, наливай себе сам. Впрочем, я забыл: у тебя нет мешочка. Чем же ты питаешься? Грязью? Должно быть, это невкусно. Боюсь, здешняя грязь покажется тебе недостаточно зловонной. Впрочем, как угодно: можешь щипать травку, можешь глотать сироп. Только не забредай далеко. Я буду следить за тобой.

Мех понуро сидел на краю платформы. Он никак не отреагировал на слова Ксантена, даже не шелухнулся.

Подойдя к свинцовому желобу, Ксантен подставил ладони под струю воды, вымыл лицо, прополоскал

горло. Выпрямившись, он увидел, что к нему приближаются десять-двенадцать жителей деревни. Одного из них Ксантен хорошо знал. В свое время, не заразись этот человек испуганностью, он мог бы стать Годамингом или даже Ором.

Ксантен отдал ему честь.

— Здравствуйте, О. Г. Филидор. Это я, Ксантен.

— Здравствуйте, Ксантен. Но вы ошиблись, я не О. Г. Филидор, а просто Филидор.

— Примите мои извинения, — ответил Ксантен с легким поклоном. — Вечно забываю одно из ваших железных правил: не соблюдать никаких правил и формальностей.

— Избавьте меня от ваших острот, — попросил Филидор. — Зачем вы привезли оболваненного меха? На усыновление? — Он намекал на обычай дворян отдавать испуганцам лишних детей.

— А теперь кто из нас острит? — спросил Ксантен. — Разве вы не знаете, что происходит?

— Новости до нас доходят в последнюю очередь. Кочевники и те лучше осведомлены.

— Сейчас я вас удивлю, приготовьтесь. Мехи взбунтовались, нападают на замки. Они разрушили Зимородок и Делору и всех, кто там был, вырезали. Возможно, есть жертвы и в других замках.

Покачивая головой, Филидор произнес:

— Я не удивлен.

— Но озабочен, не правда ли?

— В какой-то степени, — признал Филидор. — Наши планы и раньше были недостаточно реальны, а теперь, благодаря этому обстоятельству, становятся попросту неосуществимыми.

— Мне кажется, вам грозит серьезная опасность, — сказал Ксантен. — Судя по всему, мехи собираются стереть с лица Земли всю человеческую расу. Вам не удастся остаться в стороне.

Филидор пожал плечами.

— Допустим, такая опасность существует... Но как поступить, мы решим на совете.

— Я мог бы кое-что предложить прямо сейчас. Конечно, прежде всего необходимо подавить бунт. Насколько мне известно, существует больше десяти искупленческих общин с населением в две-три тысячи человек, а то и больше. Я предлагаю провести рекрутский набор, сколотить надежный, дисциплинированный корпус, снабдить его оружием из арсенала замка Хейдждорн и поставить над ним самых опытных военных теоретиков.

На лице Филидора появилось недоумение.

— Вы хотите, чтобы мы стали вашими солдатами? Мы, искупленцы?

— Почему бы и нет? — простодушно спросил Ксантен. — Ведь и ваша жизнь поставлена на карту.

— Рано или поздно человек все равно умирает.

Пришел черед удивляться Ксантену:

— Что? Неужели это слова бывшего дворянина замка Хейдждорн? Разве так должен встречать опасность гордый и смелый мужчина? Этому ли учит нас история? Конечно, нет! Мне незачем вас поучать — вы знаете не меньше моего.

Филидор кивнул:

— Я знаю, что история человечества — это не войны, не победы, не технические достижения. Это мозаика из триллионов кусочков, каждый из кото-

рых — рассказ о том, как человек уживался со своей совестью. Вот какова подлинная история нашей расы.

Ксантен отмахнулся:

— Вы слишком упрощаете, Филидор. Неужели считаете меня тупицей? История многогранна, это всем известно. Вы склонны выделять ее моральную сторону. Но основа основ морали — выживание. Все хорошо, что помогает уцелеть. Все плохо, что ведет к гибели.

— Отлично сказано! — заявил Филидор. — Но позвольте задать вам несколько вопросов. Может ли племя из миллионов существ уничтожить одно существо, которое в противном случае заразит всех смертельной болезнью? Да, ответите вы. Десять голодных зверей пытаются убить вас и съесть. Следует ли перебить их, чтобы спастись? Вы снова ответите утвердительно, хотя в этом случае гибнет больше живых существ, чем остается. Еще пример. Где-нибудь в долине, в стороне от больших селений, живет в своей хижине отшельник. И вдруг с неба спускаются сто космических кораблей, и пришельцы пытаются убить его. Имеет ли он право, защищая себя, уничтожить врагов, даже если он один, а их сто тысяч? С вашей точки зрения, наверное, имеет. А если на него напали такие же люди, как он сам? Что, если он существо из первого примера, которое заразит весь мир, если его не убить? Как видите, однозначного ответа не существует. Мы долго пытались его найти, но не смогли. А потому, возможно, поступаясь выживанием, которое вы считаете основой морали, я (ибо я могу говорить только от своего лица) выбираю иную мораль, позволяющую мне жить в ладах со своей совестью. Я никого не убиваю. Я ничего не уничтожаю.

— Ха! — пренебрежительно бросил Ксантен. — Неужели вы не станете защищать своих детей, если сюда пожалуют мехи?

Филидор отвернулся, поджав губы. Ксантену ответил другой искуПЛенец:

— Филидор выразил нашу мораль. Но разве можно следовать убеждениям во всех случаях без исключения? Если возникнет угроза для наших детей, Филидор, или я, или кто-нибудь другой откажется от своих принципов.

— Оглянитесь, — сказал Ксантену Филидор. — Узнаете кого-нибудь?

Ксантен обвел взглядом окружавших его людей. Неподдалеку стояла необыкновенной красоты девушка в белой накидке. В ее темных волосах, волнистыми прядями спадавших на плечи, алел цветок. Ксантен кивнул:

— Узнаю девушку, которую О. Ц. Гарр хотел сделать хозяйкой своего дома.

— Вы не ошиблись, — подтвердил Филидор. — А помните, что ему помешало?

— Отлично помню, — ответил Ксантен. — Он попытался нарушить закон о контроле над рождаемостью, который позволяет иметь только одну жену, но встретил решительный отпор со стороны совета нотаблей. Однако О. Ц. Гарр упорствовал. «Я же содержу фан! — возмущался он. — Против этого никто не возражает, хотя порой их число достигает шести, а то и восьми. Если угодно, я буду называть эту девушку фаной и поселю ее вместе с фанами». Я протестовал, и многие меня поддержали. Дело едва не дошло до дуэли, но в конце концов О. Ц. Гарру пришлось усту-

пить. Совет отдал девушку под мою опеку, а я отвез ее к вам.

— Все верно, — кивнул Филидор. — Ну а мы перед этим уговаривали О. Ц. Гарра оставить ее в покое. Он не поддался на уговоры, даже пригрозил, что приведет сюда своих мехов. И мы не стали противиться. Как видите, мы не погрешили против вашей морали.

— Иногда лучше забыть о морали, — сказал Ксантен. — Пусть даже О. Ц. Гарр дворянин, а вы всего лишь икупленцы. Тем паче о ней нужно забыть сейчас. Мехи разрушают замки и убивают всех без разбора. Если мораль требует непротивления злу, от нее необходимо отказаться.

Филидор язвительно усмехнулся:

— Великолепно. Ситуация просто замечательная. На Земле живут мехи, крестьяне, птицы и фаны. Все они доставлены сюда с иных планет, все порабощены и приспособлены для нужд человека. Именно в этом наша вина, Ксантен, именно эту вину мы и должны искупить. А вы хотите, чтобы мы усугубили ее.

— Не стоит брать на себя грехи предков, — заметил Ксантен. — Впрочем, если вам так нравится терзать себя, если вы намерены заниматься этим и дальше, я не стану вас переубеждать. Но еще раз предлагаю: давайте драться с мехами. На худой конец вы могли бы укрыться в замке.

— Нет, это не для меня, — сказал Филидор. — Хотя другие, возможно, согласятся.

— А сами вы будете ждать неминуемой гибели?

— Нет, я и мои сторонники спрячемся в горах. Забравшись на фургон, Ксантен крикнул:

— Если передумаете, приходите в замок Хейдждорн!

И уехал.

Дорога пересекла равнину и, попетляв на склонах гор, перевалила через гребень. Далеко впереди на фоне неба вырисовывался четкий силуэт замка Хейдждорн.

ГЛАВА 4

1

— Космические корабли больше никуда не полетят, — доложил Ксантен на совете. — Мехи опередили нас. Любые попытки вернуться на Родные Планеты обречены на неудачу.

Хейдждорн поморщился:

— Печальная новость. Ну что ж, с этим всё.

— Возвращаясь в замок, я наткнулся на племя кочевников, — продолжал Ксантен. — Я говорил с гетманом и пытался соблазнить его службой в наших войсках. Боюсь, эти непокорные кочевники никогда не станут нашими солдатами. Гетман ответил мне столь грубым отказом, что я уехал вне себя от возмущения. Затем я посетил деревню искуПЛенцев в Дальней долине и сделал им аналогичное предложение, но без особого успеха. Если кочевники — грубияны, то искуПЛенцы — неисправимые идеалисты. И те, и другие предпочитают бегство. ИскуПЛенцы намерены укрыться в горах. Кочевники, вероятно, отступят в степи.

— Что толку? — фыркнул Бодри. — Возможно, они выиграют несколько лет. Но в конечном итоге

мехи вырежут их всех до единого. Мехи — народ методичный.

— А ведь мы могли бы сколотить из кочевников и искуПЛенцев неплохой корпус, и тогда все остались бы в выигрыше, — раздраженно произнес О. Ц. Гарр. — Ну и ладно, пускай погибают. Нам-то нечего опасаться.

— Пока нечего, — согласился Ксантен, нахмурился. — Но что случится, когда откажет система энергообеспечения? Когда сломаются лифты? Когда прекратится циркуляция воздуха в Домах и нам придется либо задохнуться, либо замерзнуть? Что тогда?

Помрачнев, О. Ц. Гарр покачал головой:

— Любые испытания мы должны встретить как подобает мужчинам — смело и твердо. Механизмы замка надежны, вряд ли они придут в негодность за ближайшие пять-десять лет. А за этот срок все может измениться.

— Эта программа, в сущности, так же пассивна, как и намерения искуПЛенцев, — подал голос Клагхорн, сидевший, развалившись, в кресле. — Она тоже не дает гарантии на завтрашний день.

О. Ц. Гарр подчеркнуто вежливо возразил:

— Клагхорну хорошо известно, что мне не занимать смелости, а также оптимизма и целеустремленности — иными словами, качеств, не имеющих ничего общего с пассивностью. Но я не желаю придавать слишком большого значения пустяковым неудобствам. При чем тут пассивность? Если заслуженный и почтенный глава семьи Клагхорн не согласен со мной, то он, надеюсь, объяснит, как нам сохранить свое положение, не роняя достоинства и не теряя уважения к себе?

Клагхорн медленно кивнул. На его губах играла едва заметная улыбка, которую О. Ц. Гарр находил отталкивающе самодовольной.

— Да, есть простой и надежный способ победить мехов, — сказал он.

— Вот и отлично! — воскликнул Хейдждорн. — Прошу вас, Клагхорн, не тяните!

Клагхорн обвел задумчивым взглядом лица дворян, сидевших за покрытым красным бархатом столом: бесстрастного Ксантена; дородного, привычно сжимающего челюсти, от чего с лица не сходила неприятная усмешка, Бодри; красивого, стройного и энергичного, как юный кадет, Иссета; хмурого и озабоченного Хейдждорна; элегантного Гарра; Овервеля, угрюмо раздумывающего о неудобствах, уготованных ему в будущем; Ора, не то скучающего, не то смирившегося, праздно вертящего в руках табличку из слоновой кости, и других, на чьих лицах отражались сомнения, дурные предчувствия, высокомерие, негодование и беспокойство. Один лишь Флой встретил его взгляд со спокойной «ухмылкой имбецила», как охарактеризовал ее позднее Иссет, — ухмылкой, которая должна была подчеркнуть полную непричастность Флая ко всему, о чем шла речь на совете.

Клагхорн покачал головой:

— Я не буду излагать этот план, — боюсь, он пока неосуществим. Но должен предупредить: ни при каких обстоятельствах ваша жизнь не останется прежней. Даже если удастся усмирить мехов.

— Ха! Это просто смешно! — воскликнул Бодри. — Как вы не понимаете?! Нам, дворянам, не пристало тратить время на разговоры об этих скотах.

Ксантен зашевелился в своем кресле:

— Тема неприятная, но не забывайте: Зимородок пал, Делора разрушена, и кто знает, целы ли остальные замки. Не будем задирать носы. От одного нашего презрения мехи не разбегутся.

— Как бы там ни было, Джейнилу ничто не грозит, и нам тоже, — заметил О. Ц. Гарр. — И господам из других замков никто не запрещает перебраться к нам, если, конечно, они не сочтут бегство унижением. Сам я уверен, что вскоре мехи придут с повинной, желая быстрее приступить к своим обязанностям.

— В это трудно поверить, — мрачно произнес Хейдждорн. — Впрочем, там видно будет. А пока объявляю перерыв.

2

Из великого множества механических и электрических устройств замка первой отказала радиостанция.

Авария произошла так скоро и неожиданно, что кое-кто из специалистов, а именно благородные И. К. Хард и Уэгус, сочли ее диверсией, заранее подготовленной мехами. Другие утверждали, что радиосвязь и раньше нельзя было назвать абсолютно надежной, что мехи и сами постоянно мучились с аппаратурой, видимо, станция отказала из-за недостатков конструкции. И. К. Хард и Уэгус внимательно осмотрели громоздкий аппарат, но выявить причину поломки так и не смогли. Посоветовавшись полчаса, они пришли к следующему выводу: чтобы отремонтировать станцию, нужно разобрать ее и собрать по новой схеме, добавив недостающие детали и заменив

негодные на новые. После этого необходимо провести испытания и наладку аппаратуры.

«Это совершенно неосуществимо, — утверждал Уэгус в своем докладе. — Для ремонта самой простой из наших раций понадобится несколько технико-лет, а у нас ни одного техника под рукой. Следовательно, надо дожидаться, когда в нашем распоряжении окажутся обученные и послушные работники».

— Ныне становится ясно, — заявил на совете Иссет, старейший из предводителей кланов, — что во многих отношениях мы были весьма и весьма непредусмотрительны. Неважно, что наши родственники с Альтаира вульгарны и невоспитанны — нам не следовало прерывать радиосвязь с Родными Планетами.

— Дело тут не в недостатке предусмотрительности, — возразил Клагхорн. — Просто первые правители замков не желали плясать под дудку парвеню с Родных Планет, вот и не поощряли контактов с ними.

Крякнув, Иссет начал было возражать, но Хейдждорн перебил его:

— К несчастью, как уже сообщил Ксантен, космические корабли превращены в металлолом. Правда, некоторые из нас весьма сведущи в науках и могли бы руководить их восстановлением, но опять же, кто согласится взять в руки инструменты? Кроме того, ангары с кораблями захвачены мехами.

— Дайте мне шесть взводов крестьян при шести фургонах с мощными тепловыми пушками, и я отобью ангары! — заявил О. Ц. Гарр. — Думаю, это не составит труда.

— Пожалуй, это стоящая идея, — подхватил Бодри. — Я согласен обучать крестьян военному делу, и,

хотя стрелять из пушки мне не приходилось, я всегда готов помочь советом.

Хейдждорн хмурился и мял подбородок.

— Боюсь, ваше предложение не так легко осуществить, О. Ц. Гарр. Во-первых, у нас только один фургон — тот самый, на котором Ксантен возвратился из разведки. Что касается пушек... Кто-нибудь их осматривал? Вполне возможно, что пушки приведены в негодность, поскольку за их сохранность отвечали мехи. О. Ц. Гарр, вы считаетесь опытным военным теоретиком. Вы их проверяли?

— Нет еще, — сказал О. Ц. Гарр и добавил: — Сегодня состоится Обозрение Старинных Камзолов, оно продлится до Часа Вечерней Оценки*. — Он взглянул на свои часы: — Думаю, нам пора расходиться, господа. К следующему совещанию я выясню, в каком состоянии пушки.

— Вы правы, время позднее, — согласился Хейдждорн. — Будем ли мы сегодня лицезреть ваших очаровательных фан?

— Только двух, — ответил О. Ц. Гарр. — Лазурь и Одиннадцатую Тайну. Ни для Прозрачного Восторга, ни для малютки Голубой Феи я еще не подобрал подходящих нарядов, а Глориана недостаточно обучена. Думаю, наибольшим успехом сегодня будет пользоваться Гирлянда Цветов Б. Ц. Максельвейна.

* В то время название «Обозрение Старинных Камзолов» еще отчасти сохранило буквальный смысл. Что касается понятия «Час Вечерней Оценки», то его первоначальное значение было забыто. По традиции дворяне называли так вечерний час, когда они обменивались визитами, пили вина, ликеры и эссенции, отдыхали и вели легкую беседу перед светскими увеселениями ужина.

— Да, — кивнул Хейдждорн. — Я слышал, так многие считают. Ну что ж, до завтра... Вы хотите что-то сказать, Клагхорн?

— Да, хочу, — подтвердил Клагхорн. — У нас осталось мало времени. Лучше не тратить его на пустяки. Я сомневаюсь, что от крестьянского войска будет толк. С таким же успехом можно заставлять кроликов драться с волками. Нам нужны не кролики, а пантеры.

— Да-да, — задумчиво произнес Хейдждорн. — Вы правы.

— Где же нам найти пантер? — Клагхорн обвел присутствующих вопросительным взглядом. — Неужели никто не может подсказать? Жаль. Ну что ж, раз они не спешат появиться, сгодятся и кролики. Давайте займемся превращением кроликов в пантер, и чем раньше, тем лучше. Предлагаю все праздники и зрелища отложить до лучших времен.

Хейдждорн поднял брови, открыл и снова закрыл рот, видимо, хотел что-то сказать, но передумал. Он пристально посмотрел на Клагхорна, словно пытался понять, не шутит ли ученый.

Послышался язвительный смех Бодри:

— Кажется, эрудит Клагхорн празднует труса.

— Клагхорн, мы не должны столь болезненно реагировать на дерзость наших слуг, — заметил О. Ц. Гарр. — Это недостойно мужчин. Мне даже говорить об этом стыдно.

— А мне не стыдно, — ответил Клагхорн с тем откровенным самодовольством в голосе, которое так раздражало О. Ц. Гарра. — Нам грозит опасность; почему мы должны стыдиться каких-то пустяков?

Поднявшись, О. Ц. Гарр грубо отдал Клагхорну честь. Этот довольно непростой жест нельзя было расценить иначе как намеренное оскорбление. Клагхорн встал и ответил столь похоже, с такой серьезной миной на лице, что Ксантен, презиравший О. Ц. Гарра, не выдержал и расхохотался.

О. Ц. Гарр постоял в нерешительности, но, чувствуя, что перегибать палку не стоит, — это могут расценить как дурной тон, — удалился.

3

Раз в год на северной стороне центральной площади, в Большой Ротонде, происходило Обозрение Старинных Камзолов — выступление фан в пышных одеяниях. Фаны были у половины господ и почти у четверти дам, живших в замке. Когда-то их предков вывезли с седьмого спутника Альбирео, где они жили в пещерах. Фаны отличались игривым нравом, покорностью и привязчивостью; несколько тысячелетий селективного размножения превратили их в пикантных эльфинь, окутанных тонким газом, выходящим из пор за ушами. Эти невинные создания — сама святая простота — заботились только о том, чтобы доставить удовольствие хозяевам. Большинство дворян относилось к ним благосклонно, но бывали случаи, когда ревнивые дамы обливали фан нашатырным спиртом, отчего у бедняжек тускнела кожа и навсегда пропадал газ.

Господин, очарованный фаной, становился объектом насмешек. Хотя внешне фаны напоминали очень хрупких девушек, для любовных забав они совершен-

но не годились. Глядя на помятую, изможденную фану, с обвисшим и обесцвеченным газом, каждый понимал, что хозяин использует ее не по назначению. Только в этом отношении женщины имели превосходство перед прекрасными эльфинями и подчеркивали его с таким вызывающим сумасбродством, что фаны в сравнении с ними казались бесхитростными лесными феями.

Век этих созданий был недолог — лет тридцать, не больше. Из них последние десять фаны, как правило, не выходили из дому. Рано утратив свою красоту, они укутывались в мантии серого газа и прислушивали в будуарах, кухнях, чуланах и детских.

Обозрение Старинных Камзолов по сути было конкурсом красоты фан, хотя их прелестные наряды, сотканые из фан-газа, тоже заслуживали высшей похвалы.

На нижнем ярусе, раздуваясь от гордости и сгорая от азарта, сидели владельцы фан. Каждое успешное движение питомицы приводило хозяина в экстаз; любая оплошность, недостаточно грациозное движение ритуального танца ввергало его в пучину горя. Показ сопровождался сложной, мало понятной неискушенному слушателю музыкой, причем исполнял ее дворянин из клана, соперничающего с кланом владельца фаны. Сам хозяин не имел права аккомпанировать своей воспитаннице.

Никто не считал Обозрение Старинных Камзолов состязанием, никто из зрителей не высказывал вслух одобрения или разочарования. Каждый решал про себя, какая фана оказалась самой прелестной и грациозной, и проникался уважением к ее владельцу.

На этот раз Обозрение пришлось отложить на полчаса, так как обязанности сбежавших мехов выполняла дюжина наспех обученных молодых крестьян, у которых все валилось из рук. Но господа были настроены благодушно, не брюзжали и не бранили нерасторопных крестьян. Как всегда, фаны сумели очаровать публику. Они извивались и раскачивались под сладостные аккорды лютни, вытягивали руки, будто пытались поймать трепещущими пальчиками воображаемые капли дождя, скользили по сцене, внезапно сгибаясь и пружинисто выпрямляясь, наконец кланялись зрителям и убегали.

В разгаре представления в Ротонду вошел неуклюжий крестьянин и что-то настойчиво забубнил на ухо кадету, подошедшему узнать, в чем дело. Выслушав крестьянина, кадет немедленно направился к роскошной ложе из черного полированного дерева, в которой сидел Хейдждорн. Когда юноша умолк, Хейдждорн кивнул и сказал ему несколько слов, после чего вновь откинулся на спинку кресла с таким видом, будто ровным счетом ничего не случилось. Господа и дамы успокоились.

Представление продолжалось. Прекрасная пара О. Ц. Гарра выступила великолепно, но чувствовалось, что симпатии зрителей на стороне дебютантки Лирлин, юной воспитанницы Флая Газунета из клана Иссет.

Наконец фаны в последний раз появились на сцене, все вместе исполнили менуэт и с прощальным жестом, выражающим одновременно и веселье, и грусть, покинули Ротонду. Еще несколько минут дворяне оставались в своих ложах, потягивая эссенции и делясь впечатлениями, а затем Хейдждорн, сидевший в молчании

и нервно хрустевший пальцами, порывисто встал. В тот же миг в Ротонде наступила тишина.

— Мне жаль омрачать столь приятные минуты, господа, — заговорил он, — но я не могу скрыть от вас только что полученное известие. Замок Джейнил подвергся нападению мехов. Там собралось великое множество этих мерзавцев, у них сотни фургонов. Они возвели вокруг Джейнила земляной вал, и теперь им не страшны выстрелы тепловых пушек. Непонятно, на что они надеются, — ведь стены Джейнила достигают двухсот футов в высоту. И тем не менее эта новость вызывает у меня опасения, — возможно, подобная осада предстоит и нам. Хотя бояться совершенно нечего, господа. Замок обеспечен всем необходимым. У нас четыре колодца, на складах огромные запасы продовольствия, солнечные батареи дают столько энергии, сколько нужно. Как утверждает наш великий знаток биохимии К. Б. Пэдиснэйм, в случае необходимости можно конденсировать воду и синтезировать пищу из воздуха. Таковы обстоятельства. Можете делать любые выводы. Завтра состоится заседание совета нотаблей.

ГЛАВА 5

1

— Ну что ж, — сказал Хейдждорн, открывая заседание, — давайте на сей раз обойдемся без формальностей.

Одетый в роскошный мундир овервельского драгуна О. Ц. Гарр поставил свой морион с плюмажем на стол.

— Из двенадцати пушек исправны только четыре. Мехи намеренно испортили четыре орудия, отпилив стволы. Четыре пушки приведены в негодность неизвестным способом. Я послал в арсенал полдюжины крестьян, проявивших максимальные способности к механике, и сейчас они пытаются приварить отрезанные стволы. Это все, что я могу вам сообщить, господа.

— Новости относительно неплохие, — заключил Хейдждорн. — А как насчет крестьянского корпуса? Было ведь и такое предложение.

— Осуществление этого проекта идет полным ходом. Сейчас О. Ф. Мулл и И. У. Берпелиус проводят набор рекрутов из крестьян. Но я слабо верю в боеспособность этого корпуса, даже если им будет командовать такой блестящий офицер, как О. Ф. Мулл, или И. У. Берцелиус, или я сам. Крестьяне — народ тихий, беззлобный. Они очень ловко выпалывают сорняки, но драться совершенно не умеют.

Хейдждорн обвел присутствующих взглядом:

— Будут ли другие предложения?

— Если бы негодяи-мехи не угнали фургоны, можно было бы установить на платформах пушки, — проворчал Бодри. — С такой работой крестьяне справились бы. А потом, подъехав к Джейнилу, мы ударили бы по этим псам с тыла.

— Похоже, эти мехи — сущие дьяволы! — воскликнул Ор. — Черт возьми, что они замышляют? Они столько веков были нам верными слугами; какая муха их вдруг укусила?

— Сейчас каждый из нас задает себе эти вопросы, Ор. Ксантен, в разведке вы взяли пленного. Вы пытались его допросить?

— Нет, — ответил Ксантен. — Сказать по правде, начисто забыл о нем.

— Почему бы вам не поговорить с ним? Может быть, он даст ключ к разгадке.

Ксантен кивнул:

— Попробую. Хотя вряд ли он что-нибудь скажет.

— Клагхорн, вы специалист по мехам, — обратился к ученому Бодри. — Приходило ли вам в голову, что эти существа могут пойти на столь изощренный заговор? Какова их цель? Захватить замки?

— Мехи способны разработать очень точный и сложный план, это несомненно, — ответил Клагхорн. — Должен признаться, я не могу найти объяснение их жестокости. Насколько я знаю, они никогда не стремились завладеть нашим имуществом. Не замечал я у них и черт, которые мы считаем сопутствующими цивилизации, — чрезмерной чувствительности и так далее. Я давно пришел к выводу, что мозг, действующий по принципам структурной логики, гораздо более эффективен, чем нам кажется. Как известно, для человеческого мышления характерно полное отсутствие рациональной структуры. Если подумать о том, насколько велик элемент случайности в процессе формирования, упорядочивания, выражения и запоминания мысли, то любое рациональное действие покажется нам чудом. Возможно, мы не способны к рациональному мышлению; возможно, мысль человека — набор импульсов, генерируемых одной эмоцией, контролируемых другой, выражаемых третьей. Мозг меха по сравнению с человеческим выглядит образцом инженерного искусства. Он кубической формы и состоит из микроскопических клеток, связанных друг с другом мономолекулярными органи-

ческими волокнами с ничтожно малым электрическим сопротивлением. Каждая клетка состоит из кремниевой оболочки, заполненной жидкостью переменной проводимости. Такой мозг способен накопить огромную информацию, не упустив ни одной мелочи. Мехи ничего не забывают, если сами не хотят забыть, — это доподлинно известно. Мозг меха может действовать как передатчик или как радар, — хотя это предположение. Единственное, в чем сознание меха уступает нашему, это эмоциональный спектр. Мехи похожи друг на друга, как дождевые капли. Причиной тому, я думаю, их система общения, — немыслимо, чтобы она допускала индивидуальность личности. Мехи хорошо нам служили, и мы не сомневались в их преданности, ведь они не испытывают никаких неудобств, не знают радости успехов и горечи неудач, им неведомы негодование и стыд, — короче говоря, они ничего не чувствуют. К нам они не питали ни любви, ни ненависти. Вряд ли человек, всегда чувственно воспринимающий то, что его окружает, способен вообразить такой эмоциональный вакуум. Наша жизнь — сумятица чувств; мехи не более чувствительны, чем кубики льда. Их кормили, одевали, содержали в условиях, которые они находили приемлемыми. Почему же они взбунтовались? Я долго ломал над этим голову, но единственная причина, до которой смог додуматься, мне самому кажется смешной и нелепой. Но если я прав...

— Ну? — поторопил его О. Ц. Гарр. — Что тогда?

— Что тогда — не имеет значения. Они твердо решили уничтожить человеческую расу. Мои предположения ничего не изменят.

Хейдждорн обратился к Ксантену:

— Возможно, вам пригодятся выводы Клагхорна, когда вы будете допрашивать меха.

— Я как раз собирался просить его о помощи, — сказал Ксантен.

— Как вам угодно, — согласился Клагхорн. — Хотя я не верю, что сведения, которые мы получим от пленного, окажутся нам полезны. Я считаю, что сейчас перед нами одна задача: отразить натиск мехов, не дать себя уничтожить.

— И для этой цели ничего, кроме «пантер», о которых шла речь на прошлом совещании, вы не можете предложить? — задумчиво произнес Хейдждорн. — Нельзя ли, скажем, соорудить устройство, вызывающее в мозгу у меха электрический резонанс, или что-нибудь в этом роде?

— Это неосуществимо, — отверг его предложение Клагхорн. — В мозгу у этих созданий есть органы, выполняющие роль реле для снижения нагрузки. Впрочем, не исключено, что их можно на время оставить без связи.

Хейдждорн с сомнением кивнул и взглянул на Уэгуса.

— Это реально?

Уэгус нахмурился:

— Сконструировать такой аппарат? Разумеется, мне это по силам. Но из чего его собрать? Детали в полном беспорядке разбросаны по складам, многие из них никуда не годятся. Неужели вы так низко оцениваете мои способности, что хотите заставить меня рыться на складе?

— Конечно, нет! — поспешил успокоить его Хейдждорн. — Я и не думал умалять ваши достоинства.

— Не думали, — подтвердил Клагхорн. — Тем не менее чрезвычайные обстоятельства требуют, чтобы мы поменьше нянчились со своим достоинством, если не хотим вовсе его лишиться.

— Прекрасно. — На лице Уэгуса появилась невестя улыбка. — Вы пойдете со мной на склад. Я буду называть нужные детали, а вы возьмете на себя черную работу. Что скажете?

— Что я скажу? Буду рад помочь, если это принесет хоть какую-то пользу. Однако вряд ли я один способен обслужить дюжину теоретиков. Есть ли еще желающие помочь?

В ответ он не услышал ни звука. Казалось, все затаили дыхание.

Хейдждорн открыл было рот, но Клагхорн опередил его:

— Простите, Хейдждорн, мы не можем обойти этот вопрос. Он ключевой.

Хейдждорн был в замешательстве. Обведя взглядом нотаблей, он спросил:

— Желает ли кто-нибудь высказать свои соображения?

— Пусть Клагхорн поступает так, как ему позволяет совесть, — вкрадчиво произнес О. Ц. Гарр. — Никто из нас не вправе ему указывать. Что касается меня, то я никогда не уроню чести дворянина. Я не могу жить без нее, как не могу жить без воздуха. Это мое кредо, и если когда-нибудь я его нарушу, то стану пародией на самого себя, шутовской маской дворянина. Мы с вами живем в замке Хейдждорн, господа, а значит, мы сливки человеческого общества, продукт высшей стадии цивилизации. Следовательно, любой

компромисс ведет к деградации, любое несоответствие нашим высоким стандартам оборачивается бесчестьем. Я слышал, здесь говорилось о «чрезвычайных обстоятельствах». Какое прискорбное уныние! Неужели жалкая смута каких-то крыс достойна такого определения?

Он замолчал. Ответом ему был одобрителный гул. Клагхорн расслабленно сидел в кресле, опустив голову, и исподлобья разглядывал присутствующих. Наконец он снова обратил на О. Ц. Гарра бесстрастный, изучающий взгляд ясных глаз.

— Очевидно, ваши слова относятся ко мне, — сказал он. — Я оценил иронию. Но все это пустяки. — Он перевел взгляд на массивный канделябр с алмазами и изумрудами, стоявший на столе. — Важно другое: вопреки всем моим доводам совет, похоже, придерживается вашей точки зрения. Я не вижу смысла в дальнейших попытках кого-либо в чем-либо убедить и покидаю замок Хейдждорн. Желаю вам выдержать осаду, хотя сомневаюсь, что это удастся. Мехи — умная, изобретательная раса. Им несвойственны предвзятость и нерешительность. Мы слишком долго их недооценивали. — Поднявшись и вставив табличку в паз, он сказал: — Я прощаюсь с вами.

— Не покидайте нас, Клагхорн! — воскликнул Хейдждорн, торопливо выходя из-за стола и протягивая руки к ученому. — Одумайтесь и не сердитесь! Нам нужны ваш опыт, ваш ум!

— Нужны, не спору, — кивнул Клагхорн. — Но нужнее всего — последовать моему совету. До тех пор, пока вы этого не поймете, любой разговор между нами будет бесплоден и утомителен.

Отдав честь всем находящимся в зале, он вышел. Хейдждорн медленно опустился в кресло. На уход Клагхорна все отреагировали спокойно: кто вертел в руках табличку, кто разглядывал канделябр. О. Ц. Гарр шепнул что-то на ухо сидевшему рядом Б. Ф. Вайясу, и тот важно кивнул.

Наконец Хейдждорн вполголоса произнес:

— Нам будет недоставать Клагхорна и его пронизательных, пусть и неортодоксальных, суждений... Да. Итак, результаты наших заседаний неутешительны. Вам, Уэгус, наверное, следует подумать над предложенным устройством. Вы, О. Ц. Гарр, несомненно, присмотрите за ремонтом тепловых пушек. А вам, Ксантен, надо допросить меха. За исключением этих мероприятий, нам, похоже, нечем помочь Джейнилу и самим себе.

— Что слышно о других замках? — спросил Морьюн. — Они еще держатся? Я предлагаю разослать птиц, — они быстро выяснят, как там дела.

— Разумно, — кивнул Хейдждорн. — Надеюсь, вы сами займетесь этим, Морьюн?

— Сделаю.

— Хорошо. А теперь объявляю перерыв.

2

Птицы, посланные на разведку Морьюном из клана Ор, возвратились одна за другой, принеся неутешительные новости.

— Си-Айленд без людей. Вдоль берега лежат мраморные колонны. Жемчужный Купол обрушен. В Водяном Саду плавают утопленники.

— От Мараваля несет мертвечиной! Все погибли! Господа, крестьяне, фаны — все! Увы! Даже птицы улетели!

— Делора: а рос, рос, рос! Печальная картина! Ни единого признака жизни!

— В Алюме никого. Огромные деревянные ворота разбиты! Зеленый Огонь погас!

— Зимородок разрушен! Крестьян загнали в шахту!

— Туанг: тишина!

— Утренний Свет: смерть!

ГЛАВА 6

На третий день после заседания совета Ксантен отобрал шестерку птиц, велел им подняться в небо, описать широкую дугу и лететь на юг, к Дальней долине. Как обычно, птицы громкими криками выразили свое недовольство и попрыгали на площадку, размахивая крыльями и угрожая сбросить Ксантина на мостовую. Наконец они взмыли по спирали вверх, и замок превратился в маленький макет: каждый Дом не похож на остальные, со своими особенными башенками и куполами, с характерными очертаниями крыши, с длинным, развевающимся по ветру полотнищем флага.

Сделав круг над скалами и соснами Северной гряды, птицы распластали крылья, и восходящий поток понес их к Дальней долине. Они летели над владениями замка Хейдждорн. Ксантен любовался старыми садами, полями, виноградниками и деревнями крестьян. Упряжка пронеслась над павильонами и прича-

лами на берегу озера Мод, над заливными лугами, где паслись коровы и овцы, и вскоре впереди показалась Дальняя долина.

Птицам не понравилось место, выбранное Ксантенном для посадки. Они предпочли бы опуститься поближе к деревне и наблюдать за происходящим. Серdito заголосив, они так грохнули кресло оземь, что Ксантен едва не полетел вверх тормашками.

— Ждите меня здесь, — велел он прежде чем уйти. — По округе не шастать. И никаких склок, никаких кошачьих концертов — еще не хватало опозориться перед жителями деревни! Когда вернусь, вы должны быть готовы к полету. Боже вас упаси перепутать постройку.

Птицы дулись, топали ногами, выгибали шеи и бранились. Бросив на них грозный взгляд, Ксантен пошел в деревню.

Ветки растущей вдоль дороги ежевики отяжелели от крупных, спелых ягод. Среди девушек, собиравших ежевику, он увидел ту, которую пытался похитить О. Ц. Гарр. Приблизившись, Ксантен отдал ей честь.

— Если мне не изменяет память, мы уже встречались.

На ее лице появилась грустная и вместе с тем капризная улыбка.

— Память вам не изменяет. Мы встречались в Хейджорне, когда меня выкрали. Вы отвезли меня обратно. Это было ночью, и я не разглядела вашего лица. — Она протянула корзину и предложила: — Угощайтесь.

Ксантен взял пригоршню ягод. Он уже знал, что эту девушку зовут Глис Медоусвит и родители ее не-

известны. «Наверное, они из Хейдждорна, — предположил он. — Превысили квоту рождения детей, вот и пришлось отдать дочку искупленцам». Но как ни вглядывался Ксантен в ее лицо, он не находил черт ни одного из кланов Хейдждорна.

— Возможно, вы родились в замке Делора, в клане Казанца, — сказал он. — Девушки этого клана славятся своей красотой.

— Вы не женаты? — спросила она вдруг.

— Нет, — ответил Ксантен, и это была правда. Днем раньше он порвал с Араминтой. — А вы?

— Будь я замужем, я не собирала бы ежевику. Это занятие для девиц. Что привело вас в Дальнюю долину?

— Две причины. Первая — желание повидать вас. — Произнеся эти слова, Ксантен с удивлением понял, что не солгал. — В прошлый раз нам так и не удалось поговорить, и вот теперь мне захотелось убедиться, что вы по-прежнему веселы и очаровательны.

Девушка пожала плечами. Ксантен не мог понять, приятен ей комплимент или нет. Видимо, она знала: похвалы мужчин порой имеют печальные последствия.

— Кроме того, мне надо встретиться с Клагхорном, — добавил Ксантен.

— Он живет вон в той хижине, — холодно зато произнесла она и снова стала рвать ягоды.

Ксантен поклонился и пошел к лачуге Клагхорна. Вскоре он увидел ученого, одетого в домотканые серые бриджи. Клагхорн колот дрова. Заметив Ксантена, он опустил топор и вытер лоб.

— А, Ксантен! Рад вас видеть. Как идут дела в замке Хейдждорн?

— Все по-прежнему. Почти никаких новостей.

— В самом деле? — Опершись на топор, ученый пристально посмотрел на Ксантена.

— На последнем собрании я дал согласие допросить пленного меха. А потом локти кусал, поскольку вас не оказалось рядом. В его ответах было много двусмысленностей.

— Расскажите, — попросил Клагхорн. — Быть может, я сумею вам помочь.

— Сразу после заседания я спустился на склад, где мех содержался под стражей. Он был голоден. Я дал ему сиропа и ведро воды. Полакав того и другого, он изъявил желание отведать рубленых моллюсков. Я приказал крестьянам доставить это блюдо с кухни, и мех проглотил несколько пинт фарша. Я уже говорил: этот экземпляр не был похож на остальных. Он не уступал мне ростом и не имел сиропного «мешочка». Я отвел его в другое место — на склад коричневой плюшевой мебели — и велел сесть.

Я смотрел на меха, а он — на меня. У него заново отросли колючки — наверное, он уже мог общаться со своими сородичами. Этот гигант без колебаний отвечал на мои вопросы и держался не так, как другие, — ни раболепства, ни подобострастия.

«Не могу понять, почему вы взбунтовались, — начал я. — Мы полагали, что создали вам вполне сносные условия для жизни. Мы ошибались?» — «Безусловно». Я никогда не замечал за мехами язвительности, но уверен, что пленный просигналил именно это слово. «Отлично, — кивнул я. — В чем именно?» — «Разве это не очевидно? Мы больше не желаем на вас работать. Мы хотим жить по своим обычаям и тради-

циям». Услышав это, я удивился. Я и не предполагал, что у них могут быть какие-то обычаи, не говоря уже о традициях.

Клагхорн кивнул:

— Я тоже был удивлен, установив масштабы общественной деятельности мехов.

— «Но зачем убивать? — упрекнул я меха. — Допустим, вы хотите жить лучше, чем сейчас. Разве для этого необходимо нас уничтожить?» Задав этот вопрос, я сразу понял, что он сформулирован некорректно. Видимо, и мех так решил, но все же просигналил в ответ несколько фраз. Я полагаю, они означали следующее: «Мы должны действовать решительно. Этого от нас требуют ваши собственные правила. Конечно, мы могли бы вернуться на Этамин-девять, но нам вполне подходит и эта планета. Мы переделаем ее, приспособим для своих нужд, проложим широкие, скользкие дороги-желобы, выроем бассейны, возведем насыпи, чтобы загорать на них...» Наверное, мех не лгал, но меня не оставляло чувство, что он чего-то не договаривает. «Понятно, — кивнул я. — Но неужели все-таки нельзя без убийств? Вы могли бы перебраться куда-нибудь подальше, и мы, возможно, не стали бы вас преследовать». — «Это исключено, — возразил мех. — Вы сами считаете, что для двух соперничающих рас мир слишком тесен. Вы хотели отправить нас на Этамин-девять». — «Чушь! — возмутился я. — Фантазия! Абсурд!» — «Нет, — упорствовало это создание. — Недавно двое нотаблей из замка Хейдждорн добивались высшего поста. Один из них заверил нас: если его изберут, он любой ценой добьется нашего возвращения на родину». — «Какая ерунда!

Один сумасшедший не может говорить от имени всех людей». — «Да? Каждый мех вправе говорить за всех мехов. У нас один ум на всех. Разве у людей не так?» — «У каждого свои мысли. Человек, внушивший вам подобную чушь, — злой, нехороший. Мы не собираемся отправлять вас на Этамин-девять. Вы снимете осаду с Джейнила, вы берете себе место для поселения, где-нибудь подальше отсюда, и оставите нас в покое. Согласны?» — «Нет. Дело зашло слишком далеко. Мы перебьем всех людей. Что сказано, то сказано. Двум расам не ужиться на одной планете». — «Очень жаль. В таком случае придется тебя пристрелить, — сказал я. — Иначе тебе, возможно, удастся выбраться отсюда и убить кого-нибудь из дворян». Тут эта бестия бросилась на меня, и я убил ее с легким сердцем. Не знаю, смог бы я прикончить меха, если бы он сидел и тарашил на меня глаза. Теперь вам известно все, Клагхорн. Катастрофа вызвана либо вами, либо О. Ц. Гарром. Похоже, О. Ц. Гарр тут ни при чем. Следовательно, виноваты вы, Клагхорн. Вы! Эта тяжесть — на вашей совести.

Нахмуясь, Клагхорн смотрел на топор.

— Тяжесть? Да. Вина? Нет. Неосторожность — да, злой умысел — нет.

Ксантен опешил:

— Клагхорн, меня поражает ваше хладнокровие! Раньше, когда О. Ц. Гарр и иные ваши недруги утврждали, что вы сумасшедший...

— Успокойтесь, Ксантен! — рассердился Клагхорн. — Хватит мне глаза колоть, в конце концов, это невежливо. Что я такого сделал? Да, я виноват — переоценил свои силы. Да, я решил отправить рабов

домой, если стану Хейдждорном. Да, я провалился на выборах, а рабы взбунтовались. И хватит, мне наскучила эта тема! Знали бы вы, как меня раздражают ваши выпученные глаза и петушиная грудь!

— Ах вот как! Наскучила тема! Наскучило думать о том, что на вашей совести тысячи мертвецов?!

— Как долго прожили бы эти люди, не случись мятежа? Жизнь дешева, как рыба в море. Мой совет вам, Ксантен: перестаньте искать виноватых и попытайтесь просто выжить. Это не такая уж неосуществимая затея. Что вы на меня так тупо смотрите? Я говорю правду: спастись можно, но как — этого вы от меня не услышите.

— Я прилетел сюда, чтобы снести вам голову с плеч, — произнес Ксантен. Но Клагхорн уже не слушал его, снова занявшись колкой дров. — Клагхорн! — крикнул Ксантен. — Вы меня слышите?

— Ксантен, будьте любезны, оставьте меня в покое. Ступайте к своим птицам и кричите на них сколько угодно.

Ксантен круто повернулся и пошел по дороге. Собиравшие ежевику девушки бросали на него любопытные взгляды. Он остановился, оглянулся — Глис Медоусвит не было видно — и зашагал еще быстрее, чувствуя, как в душе закипает злость. И вдруг застыл как вкопанный. Футах в ста от упряжки птиц на упавшем дереве сидела Глис Медоусвит и разглядывала травинку с таким видом, будто держала в руке загадочную реликвию. Взглянув на птиц, Ксантен глазам своим не поверил — они не шумели и не ссорились.

Ксантен возвел очи горе, поковырял носком сапога землю и, глубоко вздохнув, направился к девушке.

Подойдя ближе, он увидел в ее распущенных волосах цветок.

— Почему вы такой надутый? — спросила Глис Медоусвит.

— Надутый? Нет. Просто я очень расстроен. Этот Клагхорн упрям как осел. Он знает, как спасти Хейдждорн, но не выдает своей тайны.

Она звонко рассмеялась:

— Тайны? Какая же это тайна?

— А разве нет? — растерялся Ксантен. — Он наотрез отказался говорить...

— Слушайте. А если боитесь, что птицы услышат, присядьте.

Он сел, и она зашептала ему на ухо. Наверное, Ксантена одурманило ее сладкое дыхание, иначе откровенные слова девушки не показались бы ему неприличными, а заставили бы задуматься. Он хохотнул:

— Да, тут нет никакой тайны. Только то, что скифы называли «батос», сиречь «бесчестье». Нам, дворянам, водить хороводы с крестьянами? Угощать птиц эссенцией и обсуждать с ними красоту наших фан?

— Ах, бесчестье?! — Она порывисто встала. — В таком случае то, что вы сидите и разговариваете со мной, — это тоже бесчестье! И ваши возмутительные намеки тоже...

— Намеки? Какие намеки? — удивился Ксантен. — Кажется, я веду себя вполне пристойно...

— Куда уж пристойнее! — возмущенная Глис Медоусвит вырвала из прически цветок и швырнула оземь. — Вот вам! Вот!

— Нет, — сказал вдруг Ксантен с покорностью в голосе. — Я совсем не такой, как вам кажется. — Он

поднял цветок, поцеловал и вдел в волосы девушки. Затем попытался ее обнять, но она отстранилась.

— Скажите, — произнесла она очень серьезным тоном, — вы тоже содержите этих женщин-насекомых?

— Кого, фан? У меня нет ни одной фаны.

Услышав это, Глйс Медоусвит сменила гнев на милость и позволила Ксантену обнять себя. В стороне кудахтали, гоготали и неприлично почесывались птицы.

ГЛАВА 7

1

Прошло лето. Тридцатого июня в замках Хейдждорн и Джейнил отмечался Праздник Цветов, хотя вокруг стен Джейнилла высился земляной вал.

Вскоре после праздника в Джейнил на шестерке птиц прилетел Ксантен. Он предложил совету нотаблей эвакуировать всех желающих по воздуху. Благородные господа выслушали его с каменными лицами и перешли к обсуждению других вопросов.

По возвращении в Хейдждорн Ксантен очень осторожно переговорил с теми из дворян, кому доверял. Ему удалось склонить на свою сторону три-четыре десятка кадет, но сохранить замысел в тайне он, разумеется, не сумел.

Первой реакцией консерваторов были насмешки и упреки в трусости. Однако по настоянию Ксантена его вспыльчивые сторонники держали себя в руках. Вечером девятого сентября Джейнил пал. Перепуган-

ные птицы, принесшие в Хейдждорн эту мрачную весть, снова, и снова, волнуясь, рассказывали подробности гибели замка.

Исхудавший и усталый Хейдждорн созвал нотаблей на совет. Открывая заседание, он говорил:

— Отныне наш замок — последний. Но не стоит отчаиваться, господа, — мехи нам совершенно неопасны. Пусть хоть двадцать лет возводят валы вокруг наших стен, нас не взять измором. Но все же непривычно сознавать, что на Земле не осталось дворян, кроме нас.

Затем слово взял Ксантен. В его голосе звучала тревога.

— Двадцать лет, пятьдесят лет — какая разница? Если мехи окружают нас — мы погибли. Неужели вы не понимаете, что у нас осталась последняя возможность ускользнуть из огромной клетки, в которую грозит превратиться замок?

— Ускользнуть? Что за слово?! Как вам не стыдно, Ксантен?! — возмутился О. Ц. Гарр. — Если хотите, можете бежать со своими приятелями-трусами! В степь, на болота, в тундру! Но нам этого предлагать не смейте!

— Гарр, я стал трусом не с бухты-барахты, — возразил Ксантен. — Выживание — стоящая мораль. Совсем недавно я беседовал на эту тему с выдающимся ученым.

— Ха! И кто же он?

— Вас интересует его имя? О. Г. Филидор.

О. Ц. Гарр хлопнул себя по лбу:

— Вы говорите о Филидоре? Он же искупленец, причем самого Крайнего толка — переискупивший всех остальных. Ксантен, будьте благоразумны!

— Если мы выйдем из замка на свободу, то проживем много лет, — ровным голосом произнес Ксантен.

— Но замок — это наша жизнь! — воскликнул Хейдждорн. — Отнимите у нас замок — и в кого мы превратимся? В диких зверей? В кочевников?

— Зато уцелеем.

Негодующе фыркнув, О. Ц. Гарр отвернулся и стал рассматривать гобелен на стене. Хейдждорн в сомнении и замешательстве покачал головой, а Бодри картинно поднял руки.

— Ксантен, из-за вас мы живем в постоянной тревоге! — воскликнул он. — Вы приходите на совет, поднимаете панику — но зачем? За этими стенами мы как у Христа за пазухой. Что мы приобретем взамен, отказавшись от всего — чести, достоинства, комфорта, удовольствий — и уйдя в неведомые края?

— Джейнил тоже был надежен, — напомнил Ксантен. — Что от него осталось? Мертвечина, лохмотья, скисшее вино. Что мы приобретем, покинув замок? Гарантию выживания. Кроме того, я намерен не прятаться, а сражаться.

— Бывают сотни ситуаций, когда смерть для дворянина лучше, чем жизнь! — резко, возразил Иссет. — Неужели я должен умереть в бесчестье и позоре? Неужели я не могу достойно прожить оставшиеся годы?

В зал вошел Б. Ф. Робарт:

— Советники, мехи подошли к замку, — сообщил он.

У Хейдждорна расширились зрачки.

— Какие предложения? Что нам делать?

— Каждый волен поступать, как считает нужным, — отвечал Ксантен, пожимая плечами. — Я боль-

ше не буду спорить, с меня довольно. Хейдждорн, не объявите ли вы перерыв, чтобы мы могли разойтись по своим делам? Я лично «ускользаю».

— Перерыв, — сказал Хейдждорн, и господа, выйдя из Палаты заседаний, поднялись на стены.

По серпантину, ведущему в замок, вереницей шли крестьяне с мешками на плечах. По ту сторону долины, на опушке леса Бартоломью, среди аморфной коричнево-золотистой массы можно было различить фургоны.

— Смотрите! — воскликнул Ор, показывая на запад. — Они идут по Длинной низине! — Он повернулся, поглядел, шурясь, на восток и крикнул: — И к Бэмбриджу они вышли!

Как по команде, все повернулись к Северной гряде.

— Вон они, паразиты! — произнес О. Ц. Гарр, показывая на неподвижные шеренги коричнево-золотистых фигур. — Обложили нас! Ну-ну, поглядим, кто кого.

Он повернулся, спустился на площадь и направился в Дом Цумбельд, чтобы посвятить остаток дня занятиям со своей многообещающей Глорианой.

2

На другой день мехи начали правильную осаду. Вокруг замка появилось кольцо построек: сарай, склады, бараки. Внутри этого кольца, там, куда не доставали выстрелы тепловых пушек, фургоны сгребали в кучи сырую землю.

К ночи эти кучки превратились в холмы и поползли к замку. Вскоре стало понятным их предназначение:

под насыпями скрывались туннели, ведущие к скале, на которой стоял Хейдждорн.

На третий день некоторые из насыпей подобрались к подножию скалы. Вскоре люди заметили нагруженные щебнем фургоны, отъезжающие от насыпей. Фургоны сваливали свой груз в стороне и порожняком возвращались обратно.

Ксантен насчитал восемь туннелей. Из каждого бесконечным потоком выезжали фургоны с землей и щебнем, выгрызенным из скалы. Стоящим на парапетах господам наконец стал понятен смысл этой работы.

— Они не пытаются закопать замок! — с удивлением заключил Хейдждорн. — Они всего-навсего вырывают из-под нас скалу!

На шестой день осады скала содрогнулась, и огромный кусок породы, верхним краем достигавший основания стены, съехал вниз.

— Если так пойдет дальше, они покончат с нами быстрее, чем с Джейнилом, — пробормотал Бодри.

— Так давайте испытаем пушки! — неожиданно оживился О. Ц. Гарр. — Вскроем их жалкие туннели! Посмотрим, как они забегают, эти наглецы!

Он подошел к ближайшей оружейной платформе, подозвал крестьян и велел им снять чехол. Стоявший поблизости Ксантен предложил:

— Позвольте, я вам помогу. — Он сорвал чехол с пушки. — Стеляйте, если сумеете...

О. Ц. Гарр недоумевающе взглянул на него, затем подскочил к пушке, направил огромный ствол на насыпь, и потянул рычаг. Воздух перед дулом затрепал, зарябил, и посыпались фиолетовые искры. Во-

круг въезда в туннель задымилась, почернела земля. Вскоре там появилось темно-красное пятно, а затем кратер. Но двадцатифутовая толща земли оказалась О. Ц. Гарру не по зубам, и хотя озерцо лавы под лучом раскалилось добела, оно не становилось ни шире, ни глубже. Вдруг раздался громкий хлопок, как при коротком замыкании, и пушка отказала.

Разгневанный О. Ц. Гарр осмотрел ее и отвернулся. Видимо, мехи все-таки подпортили орудия.

Спустя два часа на восточном склоне обрушился мощный пласт скальной породы. Перед заходом солнца нечто подобное произошло на западной стороне, где стена замка почти вплотную примыкала к обрыву. В полночь Ксантен и те, кого он сумел убедить, покинули замок. Вместе с ними улетели их семьи. Всю ночь шесть птичьих упряжек сновали между лугом в Дальней долине и замком и к рассвету вывезли всех беженцев.

Никто не простился с ними.

Через неделю на восточной стороне сползла мощная толща диорита и увлекла за собой приличный кусок фундамента из плавленого камня. У въездов в туннели угрожающе выросли груды щебня.

Меньше всего пострадал террасированный южный склон, но восточный и западный невозможно было узнать. Через месяц осады обвалилась и часть южного склона, и в пропасти, которая разверзлась поперек дороги, исчезли статуи знаменитых дворян, стоявшие вдоль балюстрады.

— Плохи наши дела, — заявил Хейдждорн, открывая заседание совета. — Мехи превзошли самые пессимистичные наши ожидания. Удручающая ситуация,

господа. Должен признаться, меня не радует перспектива погибнуть вместе со всем моим имуществом.

— Эта мысль и мне не дает покоя! — подхватил Ор, сокрушенно вздохнув. — Подумаешь — смерть? Всем предстоит умереть рано или поздно. Но мне больно думать о том, что станет с моими сокровищами. Представить только: мои книги растоптаны, хрупкие вазы разбиты, камзолы изорваны, ковры погребены под обломками, фаны задушены, фамильные канделябры выброшены на помойку! Это ужасно!

— Все мы не меньше вашего дорожим своим имуществом, — возразил Бодри. — Но какая разница, что с ним случится, если не станет нас самих?

Морьюн поморщился, как от боли:

— А я год назад поставил в погреб восемнадцать дюжин бутылей тончайшей эссенции! Двенадцать дюжин «Зеленого дождя», три «Бальтазара» и три «Файдора». Подумайте о них, если вас мало трогает остальное.

— Если бы мы только знали! — простонал Ор. — Я бы... я...

О. Ц. Гарр раздраженно топнул ногой:

— Давайте не будем ныть, господа! Вспомните: мы сделали свой выбор. Ксантен уговаривал нас бежать. Теперь он и ему подобные вместе с искупленцами трусливо прячутся в горах Северной гряды. А мы решили: останемся — и будь, что будет. К несчастью, случилось наихудшее. Надо принять это как должное, господа!

Совет уныло согласился с ним. Достав бутыл бесценного напитка «Радамант», Хейдждорн с немислимой расточительностью налил всем присутствующим.

— Поскольку будущего у нас нет, выпьем за наше славное прошлое!

Ночью в тылу осаждающих то тут, то там поднимался шум. Полыхали четыре пожара, доносились истошные вопли. На другой день мехи вели себя не столь активно, как прежде.

Однако в полдень на восточной стороне от скалы отвалился огромный кусок. Секунду спустя, словно помедлив в нерешительности, рассыпалась величественная восточная стена замка. Глазам неприятеля открылись задворки шести огромных Домов.

Через час после заката на посадочную площадку опустилась упряжка птиц. Соскочив с кресла, Ксантен сбежал по винтовой лестнице на площадь, к дворцу Хейджорна.

Оповещенный одним из родственников, Хейджорн вышел и в изумлении уставился на него.

— Как вы здесь очутились? Мы думали, вы прячетесь на севере вместе с искупленцами.

— Искупленцы не прячутся, — возразил Ксантен. — Они с нами. Мы воюем.

У Хейджорна отвисла челюсть.

— Воюете? Господа... сражаются с мехами?

— Да. И еще как!

Потрясенный Хейджорн покачал головой:

— Даже искупленцы? Помнится, они собирались уйти на север.

— Некоторые так и поступили, среди них О. Г. Филлдор. Как и вы, они разделились на фракции. Но большинство искупленцев сейчас милях в двадцати отсюда. Кочевники тоже разделились: одни бежали на фургонах, другие бьют мехов с яростью фанатиков.

Ночью вы могли полюбоваться на нашу работу. Мы сожгли четыре склада, выпустили сироп из уймы бочек, перебили не меньше сотни мехов, уничтожили дюжину фургонов. Мы понесли потери тяжелые, потому что нас мало, а мехов много. Вот почему я прилетел к вам. Нам нужна подмога. Идите сражаться рядом с нами!

— Я обойду Дома и соберу народ. Вы будете говорить со всеми, — пообещал Хейдждорн и двинулся вокруг центральной площади.

3

Птицам пришлось трудиться весь вечер и всю ночь, чего прежде с ними не случалось. Хныча и бранясь, они вывозили из замка дворян; отрезвленные близостью гибели, те отбросили сомнения и готовы были защищать свою жизнь с оружием в руках. Напоследок Ксантен весело попрощался с упрямыми консерваторами:

— Ну что ж, оставайтесь. Шныряйте по замку, как мыши от котов. Будущее у вас незавидное.

Многие из тех, к кому он обращался, в негодовании отошли.

Ксантен повернулся к Хейдждорну.

— А вы? — спросил он. — Летите или остаетесь?

С глубоким вздохом, чуть ли не стоном, тот ответил:

— Увы, замок Хейдждорн обречен. Я лечу с вами.

4

Картина вокруг замка изменилась. Не рассчитывая встретить упорное сопротивление врага, не ожидая, что защитникам окажут помощь извне, мехи устано-

вили довольно неплотное кольцо осады. Строя бараки и склады, они мало заботились об их безопасности. Это дало возможность летучим отрядам противника скрытно подходить к позициям, наносить серьезный урон и отступать без ощутимых потерь.

Мехи, стоявшие на Северной гряде, почти непрерывно подвергались нападениям. В конце концов им пришлось спуститься, недосчитавшись многих и многих сородичей. Через два дня, потеряв еще пять складов сиропа, они снова оставили позиции. У южного склона скалы им удалось закрепиться, возведя Земляной вал перед двумя туннелями. Но теперь из осаждающих они превратились в осажденных.

На этом участке мехи сосредоточили последние запасы сиропа. По ночам насыпь освещалась и охранялась часовыми с дробовиками. Лобовая атака могла дорого обойтись людям.

Целый день отряды дворян, кочевников и искупленцев укрывались в ближних садах, приглядываясь к обороне мехов. Затем люди испробовали новую тактику. Они заранее сплели шесть легких корзин и нагрузили их бурдюками с легковоспламеняющимся маслом, снабженными запалами. В каждую из корзин запрягли десять птиц и посадили ездового. В полночь, поднявшись повыше, птицы ринулись вниз, и на позиции мехов упали зажигательные бомбы.

В одно мгновение весь укрепленный район охватило пламя. Загорелся склад сиропа. Разбуженные огнем, по лагерю носились фургоны, калеча друг друга, давя мехов, круша склады. Уцелевшие мехи скрылись в туннелях. Воспользовавшись суматохой, люди бросились на вал.

Перебив часовых в короткой, жестокой схватке, они заняли позиции над входами в туннели, где прятались остатки армии мехов. Похоже, мятеж был подавлен.

ГЛАВА 8

1

Пожары угасли. На отбитой у мехов позиции собралось триста дворян, две сотни искуПЛенцев и около трехсот кочевников. Пользуясь ночным затишьем, люди решали, как быть дальше.

На рассвете в лагерь наведалься группа дворян из замка, среди них Бодри, О. Ц. Гарр, Иссет и Ор. Они вежливо поздоровались с Хейдждорном, Ксантеном, Клагхорном и некоторыми другими, но держались надменно, всем своим видом подчеркивая, что между ними, защитниками замка, и теми, кто его покинул, пролегла пропасть.

— Как, по-вашему, теперь поступят мехи? — спросил Бодри у Ксантена. — Они в ловушке, но я не вижу способа их выманить. Не исключено, что у них там остались запасы сиропа для фургонов, и они смогут прожить под землей несколько месяцев.

О. Ц. Гарр, рассматривавший ситуацию с точки зрения военного теоретика, предложил свой план:

— Перетащите сюда пушки или прикажите это сделать вашим союзникам. Поставьте орудия на платформы, вкатите в туннели и сожгите мерзавцев. Впрочем, несколько сот мехов можно оставить в живых — кому-

то ведь надо работать в замке. Раньше у нас было чептерста мехов, их вполне хватало.

— Ха! — воскликнул Ксантен. — Рад вас заверить, что этому не бывать. Если кто-нибудь из мехов сдастся, мы заставим их отремонтировать корабли, а потом вместе с крестьянами отвезем на родину.

— Кто тогда обеспечит нас всем необходимым? — холодно осведомился О. Ц. Гарр.

— У вас есть установка, производящая сироп. Обзаведитесь мешочками и потребляйте на здоровье.

Гарр смерил его мрачным взглядом:

— Ксантен, я сомневаюсь, что остальные господа разделяют ваши дурацкие идеи. Я намерен узнать их мнение. Хейдждорн, не так давно вы были дворянином. Неужели и вы считаете, что цивилизация обречена?

— Вовсе нет, — ответил Хейдждорн. — Цивилизация не угаснет, если все мы, и вы в том числе, будем трудиться, не покладая рук. Я согласен с Ксантеном — рабов надо освободить.

О. Ц. Гарр круто повернулся и направился в замок, за ним — большинство его консервативно мыслящих товарищей. Но некоторые остались. Они стояли в стороне и перешептывались, поглядывая исподтишка на Ксантена и Хейдждорна.

Вдруг со стен раздался пронзительный крик:

— Мехи! Мехи в замке! Они проникли на нижние уровни! Спасите нас!

На миг тех, кто остался внизу, охватило оцепенение. На их глазах закрывались тяжелые ворота замка.

— Как это могло случиться? — пролепетал Хейдждорн. — Готов поклясться, все мехи удрали в туннели!

— Что тут непонятного? — с горечью произнес Ксантен. — За время осады они прорыли ход к нижним уровням, только и всего.

Хейдждорн бросился к замку, будто решил драться с мехами в одиночку. Но опомнился:

— Мы должны идти на штурм! — воскликнул он. — Иначе мехи погубят замок!

— Увы, — пожал плечами Ксантен, — не так-то просто перелезть через стены.

— Можно послать людей на птичьих упряжках! Если им удастся закрепиться, у нас появится шанс.

Клагхорн покачал головой:

— А если мехи поджидают нас на крышах и посадочной площадке? Им нетрудно будет перестрелять птиц. Даже если нам повезет и удастся высадиться, без большого кровопролития не обойтись. За каждого меха мы заплатим жизнью одного из наших, а ведь мятежников втрое-вчетверо больше.

Хейдждорн застонал:

— Какой ужас! Представить только: мехи пируют в моем жилище, разгуливают в моих лучших нарядах, хлещут мои эссенции! От этой мысли жить не хочется!

— Слышите? — спросил вдруг Клагхорн. Сверху доносились хриплые крики людей, треск пушечных выстрелов. — Некоторые дворяне еще держатся! Они на стенах!

Неподалеку сидели несколько птиц, напуганных и подавленных внезапным поворотом событий. Ксантен подошел к ним и сказал:

— Поднимите меня над замком. Я хочу узнать, что там творится. Старайтесь лететь повыше, чтобы нас не сбили.

— Зря ты это затеял, — проворчала одна из птиц. — Как бы не случилось беды!

— Пустяки. Полетели.

Птицы взмыли над стенами, сделали круг над замком. На площади лежали трупы господ, их жен и детей. В переулках между огромными Домами, Ротондой и Дворцом, укрываясь от губительного огня, кишели мехи. Три десятка мужчин и женщин — последние защитники Хейджорна — палили по ним из тепловых пушек.

У одного из орудий стоял О. Ц. Гарр. Заметив Ксантина, он закричал от ярости, направил ствол вверх и выстрелил. Птицы, кресло, Ксантен, как один комок, полетели вниз. Выстрел поразил двух птиц; четыре, каким-то чудом уцелевшие, крича от натуги, выправили полет в сотне футов над землей и медленно опустились за стенами.

Пока перепуганный Ксантен выпутывался из ремней, подбежали люди.

— Вы целы? — услышал он встревоженный голос Клагхорна.

— Цел, — пробормотал Ксантен и, глубоко вздохнув, сел на выступающий из земли валун.

— Что там происходит? — спросил Клагхорн.

— Почти все погибли, а Гарр сошел с ума. Он выстрелил в меня.

— Смотрите! На стенах — мехи! — воскликнул О. Л. Морган.

— А вон там — люди! — крикнул кто-то еще. — Они прыгают! Нет! Их сбрасывают!

Да, мехи сталкивали людей со стен. Некоторым беднягам удавалось увлечь за собой золотисто-корич-

невого убийцу. Ужасающе медленно летели они навстречу смерти. Наконец все кончилось.

Ксантен задумчиво смотрел на стены замка, такие знакомые и вместе с тем такие чужие.

— Они не удержатся, — пробормотал он. — Стоит разбить солнечные батареи, и они не смогут синтезировать сироп.

— Надо сделать это немедленно, пока мехи не выставили наблюдателей у пушек, — подхватил Клагхорн. — Птицы!

Вскоре сорок птиц, сжимая в когтях по два булыжника величиной с человеческую голову, поднялись над замком. Покружив несколько минут, они вернулись и доложили, что солнечные батареи разбиты.

— Ну вот и все, — заключил Ксантен. — Остается замуровать входы в туннели, чтобы мехи не застали нас врасплох, и запастись терпением.

— А как же крестьяне и фаны, оставшиеся в замке? — жалобно спросил Хейдждорн.

Медленно покачав головой, Ксантен ответил:

— Придется и вам стать испуганцем, Хейдждорн.

— Месяца два мехи протянут, но не дольше, — словно про себя произнес Клагхорн.

Но прошло два месяца, и три, и четыре. Наконец однажды утром огромные ворота замка отворились, и к осаждающим вышел изможденный мех.

— Люди, мы умираем с голоду! — просигналил он. — Все ваши сокровища целы, но мы уничтожим их, если вы не согласитесь пощадить нас.

— Мы сохраним вам жизнь, — ответил Ксантен. — Вот наши условия: вы приведете замок в по-

рядок и похороните мертвых. После этого почините космические корабли и научите нас ремонтировать их. За это мы отправим вас на Этамин-девять.

— Ваши условия приняты, — поспешно согласился мех.

2

Прошло пять лет. Однажды Ксантен с Глис Медоусвит и двумя детьми возвращались из путешествия по северным краям. Их дом стоял на берегу Песчаной реки, и путь лежал мимо замка Хейдждорн, где жили Хейдждорн и два-три десятка бывших дворян.

Ксантену сразу бросилось в глаза, как постарел Хейдждорн: волосы побелели, лицо, некогда красивое и выразительное, исхудало и покрылось морщинами, кожа стала восковой. Теперь нельзя было, как прежде, с одного взгляда угадать настроение этого человека.

Они стояли в тени ореха, а над ними на огромном утесе высился замок.

— Сейчас здесь музей, — говорил Хейдждорн. — Я его хранитель, и каждый, кто в будущем получит титул «Хейдждорн», будет хранителем. Здесь собраны величайшие сокровища мира. Кажется, за эти пять лет замок состарился больше, чем за семь веков. В Домах поселились привидения... Да, были времена... Не правда ли, Ксантен?

— Вы правы, — кивнул Ксантен, положив ладони на головы детей. — И все же я бы не хотел жить по-старому. Теперь мы люди и эта планета наша. Раньше было по-другому.

Хоть и не без сожаления; Хейдждорн согласился с ним. Он задрал голову и долго смотрел на замок, будто видел его впервые.

— Что о нем будут думать наши потомки? О книгах, камзолах, посуде и прочих реликвиях?

— Будут смотреть и удивляться, как и сегодня, — задумчиво ответил Ксантен.

— Да, тут есть чему подивиться. Может быть, зайдете ко мне, Ксантен? У меня припасено несколько бутылей благородной эссенции.

— Нет, спасибо, — отказался Ксантен. — Не хочу ворошить прошлое. К тому же нам пора.

Опечаленный Хейдждорн кивнул.

— Да, я вас понимаю, — вздохнул он. — А я, напротив, частенько вспоминаю минувшие дни. Прощайте, Ксантен. Благополучного возвращения.

— Благодарю вас, Хейдждорн, — сказал Ксантен в ответ и добавил: — Прощайте.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Лидин</i>	
ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ХОЗЯЕВА ДРАКОНОВ	
<i>(Перевод И. Гречина)</i>	11
УМЫ ЗЕМЛИ	
<i>(Перевод А. Лидина)</i>	137
ПОСЛЕДНИЙ ЗАМОК	
<i>(Перевод Г. Корчагина)</i>	295

Д. Венс
Люди и драконы
серия «Имена ЗФ»

Ответственные за выпуск
А. Н. Тишинин, Я. Ю. Матвеева
Составитель
А. Лидин
Корректоры
О. П. Васильева
Верстка
О. Р. Титовой

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2: 953000 — книги, брошюры.

Лицензия ИД № 02040 от 13.06.2000
Лицензия ЛР № 070099 от 03.09.96

Подписано в печать 16.12.2000. Гарнитура Кудряшевская.
Формат 70×108 1/32. Бумага газетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 13,00 Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 5000 экз. Изд. № 00-1836. Заказ № 3588 .

«Издательский Дом „Нева“»
199155, Санкт-Петербург, ул. Одоевского, д. 29

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
129075, Москва, Звездный бульвар, д. 23

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «Красный пролетарий»
103473, Москва, ул. Краснопролетарская, д. 16

Джека Вэнса несомненно
можно назвать создателем вселенных.
Роджер Желязны

Самые удивительные создания,
самые фантастические миры, самые
интригующие приключения - все это вы
найдете в книгах Джека Вэнса.

Дон Зиц,
главный редактор издательства "Майфлауэр"

Люди, управляющие драконами,
и драконы, управляющие людьми, - в
жизни не читал ничего парадоксальнее.
Харлан Эллисон

В книгу включена иллюстрированная
библиография Джека Вэнса

ISBN 5-7654-1214-9

4 601448 141214 9

Джек
ВЭНС

ЛЮДИ И
ДРАКОНЫ

издательский дом
НЕВА